

№ 10

2008

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

НИВА 

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕР-**
ГЕНОВ, (г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ**
(г. Астана), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана),
А. М. ШВЫДКО (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Поэзия

Т. Барлыбаев. «Родину любят молча...». Стихи **3**
М. Сербин. «Наворожи мне долго жить...». Стихи **39**
Е. Овсянникова. «Ты меня не меняй...». Стихи **50**

Проза

С. Кулакова. В плену у жизни. Роман (продолжение) **12**
А. Смирнов. Миниатюры **44**

Публицистика

В. Могильницкий. Пусть всем достанет мудрости отца **57**

© «Нива», 2008, Астана

Культура. Общество. Личность

Г. Бельгер. Плетенье чепухи (<i>окончание</i>)	62
С. Горбунов. Зов далёких предков	83
Н. Сеитов. Мой Григ	87
К. Петров. Литературная премия — О. Григорьевой	91

Далёкое — близкое

Г. Кудайбергенов. Его Величество Случай (<i>Армянские невестки Казахстана: Герой и его Вера</i>)	92
--	-----------

Искусство

Б. Кадыров. Немеркнущие краски акварели	119
--	------------

В семейном кругу

В. Осипов. Орлик. <i>Непридуманная повесть из военного детства</i>	121
Е. Дайлидко. Даша. Рассказ	149

На житейских перекрёстках

Г. Кравченко. Случайная встреча	154
--	------------

Приключения. Детектив. Фантастика

В. Паламарчук. Под кольцами Сатурна навсегда?	162
--	------------

Изоальбом «Нивы»: из работ Александра Шапошникова.



Турсун БАРЛЫБАЕВ

“Родину любят молча...”

Моя визитка — длинная, как жизнь,
без магий цифр и должности под солнцем,
вместившая колёс историй визг
и тишину степную за оконцем.

Ты позолотой не обрамлена,
освящена по-русски алфавитом,
тебе б была подрукою струна
с простым, но сердце трогающим ритмом.

Среди друзей нашедшая приют,
не требуешь особых привилегий,
медалью не украсить твою грудь,
лишь россыпью жемчужинок на снеге.

С тобой немало наломали дров,
но стойки к пораженьям и победам:
моя визитка — первая любовь,
когда вкус поцелуя не изведен.

Познав земные тайны, неба высь
ты режешь в виде журавлиных точек,
моя визитка — длинная, как жизнь,
с рядами в цепи вытянутых строчек...

Не по прихоти мерзкой погоды
завершая последний виток,
осыпаются листья как годы —
так спрессован друзей диалог.



**Турсун
Шайхиевич
БАРЛЫБАЕВ**

лауреат премии Карагандинского металлургического комбината, на котором работал многие годы. Печатался в литературных изданиях России и Казахстана. Давний автор “Нивы”. Ныне живёт в Алматы.



Слово за словом тропкой заросшей,
по проспектам, одетым в асфальт, —
чем длинней путь, тем вывод короче:
счастья мало — маршрут к нему свят.

Не судить, чтобы факты как спицы
колеса отмеряли версты —
только памятью нам озариться,
если были с друзьями на “ты”.

Нет, не в ангелы путь был заказан,
ощутить всей реальности груз:
как любовь возвышалась отказом,
вместе с радостью впитывать грусть.

Наши лица в морщинках суровых,
седина уравнила в правах, —
мы как в юности снова готовы
на любой опрометчивый шаг.

Чаще немощь хозяйкою в теле,
из меня водку вытеснил чай,
но душою всегда молодеем,
повстречавши друзей невзначай.

**Нет роскоши большей, чем роскошь
человеческого общения.**

Экзюпери

Представил новую строку —
костра шипящее горенье,
и ночь прильнула к ручейку
неугасимого творенья.

Как обжигающий глоток
ещё не сказанное слово,
и затихает ручеёк,
когда я поиском взволнован.

Огня, воды и медных труб
незатихающие гимны,
любой уступ коварством люб,
когда уже победа зрима.

И всё же в каждую строку
хочу привить друзей сомненья —
как мир на наслажденья скуп
без пышной радости общенья!

Когда окошко рвётся в каплях с крыши,
и гуще тени солнечного дня,
душа моя голодной шукой рыщет,
блестя живыми каплями огня.



Контрастней разукрашенность наживки —
кто любит, не задумавшись, клюёт!
А участь рыбки с горечью улыбки —
расплатой за великолепный взлёт.

Последнею надеждою чешуйки
в противоборстве вздыблены ножу, —
душа поэта непокорна скуке,
пока строкой, как воздухом, дышу.

Пока зовёт тропинки затаённость,
наития легки как облака,
и сердца растревоженного тонус
ритм задаёт мелодии стиха.

Родину любят молча —
свят с тишиной союз,
чтоб в завываньи волчьем
слышать не только грусть.

Нет, по судьбе не рыжий,
хоть доставала плеть —
солнце лучами брызжет,
чтоб, как дитя, согреть.

Жаждою беспокоя,
зной в миражах водил —
Родина родникова
каждым глотком воды.

Воздух степной — вино мне:
пью — не напьюсь, как кит.
Дождь до пылинки смоет,
зная мои грехи.

Травы до корня терпки,
пчёлы, хмелея, льнут —
соты великолепий
за неустанный труд!

Строгий любви экзамен
перенесён на ночь —
в первом моём признаньи
только тебе помочь!

Ты, как лучи рассвета,
сквозь петушиный клик
кроишь в душе поэта
утра негромкий стих.



Степь единишь и горы,
поймы рек, гладь пустынь —
в радости или горе
путь мой с тобой един!

Бродяга-ветер треплет листья,
уже не сдерживая страсть,
берёзонька в шубейке лисьей
на трон пригорка вознеслась.

Сады, транжиря свои тайны,
меняют нехотя наряд,
плоды как россыпь летней дани
в ветвях гирляндами горят.

На склонах гор снег по лощинам
как облака издалика —
то осень тропы проложила,
как холодна её рука.

Сплетение в клубок незримо
души, природы, перемен,
насколько вежливы взаимно
ночь-стужа, бархатистый день.

Невольно то и это ценишь,
и тем разительней контраст,
чем неприступней жизни цели
и твой последний ближе час...

Отечества особый дым
со привкусом жары и стыни
был вознесён не золотым
пером — чувствительным гусиным.

При свечах пьющим яд чернил,
лазури и небесной сини,
чтоб в строки по слогам вместили
поэт признание России.

В квартире — клетке золотой —
душа теснилась уютом,
обретшая зимой покой
в буранах и морозе лютот.

Тянувшей лямку бурлака
по берегам широкой Волги,
и как рубашки — облака
насквозь просолены и волглы.



Ещё не понятой умом,
чужой к объятиям аршина,
но непокорной пред врагом
какого б ни был он пошиба.

Бегущей в степи с бунтарём,
ища владыку справедливей,
но только с первым букварём
в шагах познания счастливей.

Звон гласных — бой колоколов,
в глухих согласных — леса дебри...
И белый парус в море слов
который раз крушенье терпит.

Когда-то гуси Рим спасли
своим гортанным криком зычным —
поэт тот голос для земли
российской хочет сделать слышным.

Иногда они приходят сами,
как рассвет, не спрашивая нас,
чтобы тени весело плясали,
будто за ночь тёмную винясь.

Веселы, кто сбрасывает путы
договоров или обязательств.
Неизвестность — в тягость: что же будет?
Но свобода лучше всяких яств.

Жизнь тесна в объятиях законов,
клетки, стада и других тисков —
облака по небу ветер гонит,
чтоб блестело золото песков.

Ну а мы, поэты, каждым словом
мчимся в необъятности листа,
словно парус белый заколдован
и не знает, где ему пристать.

В розовом иль голубом тумане
тайнами окутался причал —
слово к слову зашивает раны,
если то, что ищешь, повстречал.

И души увереннее почерк,
боль отступит в тень наверняка —
цепи ровных и бестрашных строчек,
как солдаты верные стиха.



Не люблю я братские могилы —
 мне б свою в укромном уголке,
 чтоб, когда родные приходили,
 знали — я совсем не вдалеке.

Ну а не придут — не пригорюнюсь —
 до секунды всё с собой забрал:
 детство позабытое и юность,
 седины спешащей календарь.

Там уют не расположен к спешке,
 вечность предоставлена для дум,
 все равны: и короли, и пешки,
 дяди строгих правил и болтун.

Тот, кто книгу пишет и не пишет —
 все мы одинаковы в конце:
 в коллективном сборнике я — прыщик,
 как на неухоженном лице.

А свою-то книгу я лелеял,
 в каждый слог впрягался словно вол,
 верил, как ребёнок, доброй фее,
 только к славе мостик не навёл.

Не ропшу — писалось не для славы,
 отзвук сердца рвался в нитях строк,
 без корысти, чтоб другим оставил
 то, что от сует я уберёг.

Торопиться — слушать подсказку чёрта.
Казахская пословица

Дорожка снегом выткана,
 на удивленье чистым,
 помолимся за Виктора,
 хотя мы — атеисты.

Марксистское учение
 не до конца истлело,
 жизнь с курсами лечения
 спешит уйти из тела.

Послушаемся боженьку,
 а не чертей в эфире,
 и может, Он поможет нам
 остаться в этом мире?



Уберёт Господь — обереутством
не зажётся ни в одной строке.
У меня слова друг к другу жмутся,
как в жару бараны на песке.

В длинных предложениях мало смысла,
больше, коль оно накоротке,
чтобы шедухою смысл не смылся,
чувство было посохом в руке.

По тропинке двигаясь вслепую,
в каждый слог вмещая километр,
показать, как Родину люблю я,
и другую не хочу иметь.

Верю в то, что корни не порвутся,
хоть багаж в другой мир налегке,
уберёт Господь — обереутством
не зажётся ни в одной строке.

Понимаю, мир не очень плоский,
Он такой по сути на листе.
Был обереутом Заболоцкий,
но порвал, чтобы возвысить степь.

И Россию с её небом синим,
заводями рек, бегущих в даль —
Родина согреет словом в стыни,
если ей всем сердцем доверял...

Для нас катилась колобком луна,
в лучах купало ласковое солнце.
Судьба плелась как нить веретена
и обещала свадебные кольца.

Ещё душа доверчива глазам,
и тайной путь в грядущее окутан.
Надеждами переполнял вокзал,
Хотя разлуке в сердце неуютно.

Разлука гложет юности восторг —
добычу очень редкую — вживую.
Дышали письма чувственностью строк.
Уже без страсти первых поцелуев.

Судьба бескрыла, отвергая страсть,
любовь костром сгорает в безрассудстве,
и только время охраняет в нас
родник души с хрустальным первым чувством.



Из бездны чувств наитьем атом
преобразится в смех иль стон,
чтобы строка живьем, не всмятку —
была проглочена листом.

И вот уже, как на рентгене,
прокручиваешь каждый слог,
несущий яркий свет и тени,
а лист вступает в диалог.

Не отнимая верховенства,
свой не скрывает аппетит,
а я ищу для слова место,
стараясь строчку сократить.

Незримый честный поединок —
альтернативой страсти ум:
где ж золотая середина
с зарядом звук вобравших струн?

Спрессованы слова, сравнения
и ритмика простейших гамм —
клубок надежды и сомнений
взрывчаткой катится к ногам.

Когда ты автор и арбитр,
реальной почвы не забудь —
стих начинается с наитья,
жизнь красит терниями путь.

Сколько строчек о малине
я ночами сочинял,
ветки рясные раздвинул,
будто чудо повстречал.

Все крупинки, как икринки,
соком брызжущим полны,
наяву, не на картинке,
кровью алых зорь нежны.

После игр весёлых в прятки,
чтобы ветер просквозил,
запашистою и сладкой
пасть в объятия корзин.

Ароматный запах ягод,
различимый как “Шанель”:

запасаться ею — на год,
чтобы чайник громко пел.

У малины песней — имя,
я ж воспеть хочу стихом:
нету лета без малины,
лета красным женихом.

Красота как божья милость
каждой яголке дана, —
солнце щедрое делилось
от зари и дотемна.

Август. Ягоды в теплыни
обещаньем чудных яств —
это песня о малине
по ложине разлилась.



Признайтесь, с нетерпением ждали
в тот вечер моего звонка,
хотя круженьем в светлом зале
напоминали мотылька.

На зеркале вина в фужере
я облика не изменил,
но мысль, как ток: — Неужели,
забыта дата именин?

Вопрос несправедливый ранит,
откликнуться — признать вину:
слова незримой телеграммы
в холодный омут окунут:

“Я укрепился в чувстве сильном
и от него не отрекись,
Вы же бессильны пред трясинной
семьей сплетающихся уз.

О соблюдении приличий
забыли в этот самый миг:
день именин не только личный,
он — главный праздник всей семьи!”

Жизнь календарь перелистает,
над жерлами угасших свеч
одной морщинкой больше станет —
грустинки в память наших встреч.

Есть женщины для звонких строчек
и паутиной западни холста,
и день насквозь восторгом прошит,
но строже девственность листа.

И краски словно незнакомцы
тональностью отчуждены,
и с кисти не струится солнце,
победней матовость луны.

Набеги разума и страсти
в душе оставили свой след —
слова впитали сочность краски,
и с кисти льётся яркий свет.

Художник — кровный брат поэта:
из искры высечен огонь,
и появилось два портрета
от озаренья одного.



Светлана КУЛАКОВА

В плену у жизни

Роман

(Продолжение. Начало в № № 7-9 за 2008 г.)

28

Минули весна, лето, осень. Майя как будто успокоилась, но вдруг среди зимы воспоминания нахлынули вновь. Шёл ли снег за окном — Майя вспоминала, как в такой же снег они с Кедром гуляли в Синегорье. Видела ли в сквере чахлую ёлочку — и вспоминала разлапистую ель у калитки лесного домика, а уличный шум вызывал в ней тоску по тишине в лесной глуши. Однажды, войдя в автобус, она вдруг увидела Кедр. Тот же чёткий профиль, та же фигура. Враз ослабели ноги, затрепетали пальцы, не попадая билетом в щель компостера. Когда человек оглянулся, Майя увидела, что он вовсе не похож на Кедр.

У Майи созрело решение: чем мучиться в неизвестности, надо съездить в посёлок, где живёт Кедр, и всё узнать. Если он здоров и у него всё в порядке, она не станет тосковать, а вычеркнет его из своей памяти, если вдруг он болен и одинок, она останется с ним.

Тёте сказала, что ей понравилось отдыхать в Синегорье и что курсовку можно приобрести на месте. Ложь во имя тётиного спокойствия уже не отягощает её совесть.

С вокзала на станции Таёжной Майя позвонила в контору лесхоза, телефон которой ей дала девушка, сидевшая за барьером почтового отделения.

— У вас работал Михаил Дроздов. Не подскажете ли, как ему позвонить в Сосновское лесничество?

— А вы разве не знаете, что Дроздов погиб год назад? — ответили на другом конце провода. — Это кто спрашивает?

— Дальняя родственница, — ответила Майя, — я здесь проездом. Как это случилось?

— Он возвратился из отпуска, а через несколько дней, когда ехал на мотоцикле в своё лесничество, его сбил лесовоз, водитель которого был пьян.

Потрясённая, Майя положила трубку.

В душе образовалась пустота, а потом откуда-то изнутри поднялась, накатила такая боль, такая тоска, такой страх бессмысленной дальнейшей жизни без него, что она застонала от муки и отчаяния. Её сердце разрывалось на части от мысли, что была недостаточно открыта с ним, недостаточно нежна и теперь уже ничего нельзя поправить.

На неё оглянулись, и Майя, подхватив сумку, бесцельно вышла на перрон. Мглистое мартовское небо хмурилось, ледяной ветер проникал во все щели. Надо было что-то делать. Она вернулась в зал ожидания, подошла к расписанию. Ближайший поезд был в направлении Синегорья. Возвращаться домой, не достигнув цели путешествия, заявленной тёте — отдохнуть, развлечься — да ещё в удручённом расположении духа, значило



бы встревожить тётю, вызвать вопросы, а открыться, посвятить её в обстоятельства годичной давности, пусть даже умолчав о поездке в лесную сторожку, Майя не была расположена. Тётя, конечно, не подаст вида, но её неприятно заденет, что у племянницы есть от неё секреты. Кроме того, Майя стеснялась признаться в своём увлечении Кедром. Ведь ещё не так давно она рыдала по Дееву и была убеждена, что никакой другой мужчина не заменит его в её сердце. Что ж, так оно и было, Деев остался в заповедном уголке её души, но и для Кедра нашлось там место. Права была тётя, утверждая, что время лечит.

В санатории ей предложили путёвку за полную стоимость, но это было дорого, год назад её оплатил профсоюз, и Майя купила только талоны на лечебные успокоительные ванны.

Как раненый зверь, она искала уединения, чтобы зализать раны, и нашла его в маленьком домике у одинокой женщины, торговавшей лечебными травами у ворот санатория. Майя сняла у неё комнату с геранями на подоконниках, с пучками сухих трав по углам, с просторной двуспальной кроватью, и две недели мысленно провела с Кедром. Она засыпала с думами о нём и просыпалась.

По узким, протоптанным в снегу тропинкам она ходила по местам, где гуляла с Кедром, воскрешая в памяти атмосферу тех дней, и её сердце сжималось то от щемящей нежности, то от неразрешимой муки.

В ванном корпусе всё было так же, как год назад, та же медсестра, те же санитарочки.

— Ложитесь на здоровье, — сказала пожилая тётя Маша, приготовив ванну.

С наслаждением Майя погрузилась в воду, насыщенную мельчайшими пузырьками, которые оседали на коже, лопались, приятно покалывая. Она расслабилась, веки сами собой смежились, утомлённое сознание обволокло туманом забывтья. Ей показалось, что она только что сомкнула веки, а её уже будили.

— Проснитесь! Так ведь можно утонуть, а я за вас в ответе!

Майя очнулась, взглянула на часы — весь песок высыпался в нижний сосуд, следовательно, она проспала как минимум двадцать минут.

— Извините, — смущённо улынулась она, — я не хотела, сама не знаю, как это получилось, я ночью плохо спала.

— Если хотите ещё поспать, пойдите в комнату отдыха, это в конце коридора. А то пока поднимитесь на свой этаж, знакомых встретите, разгуляетесь, разгоните сон, — посоветовала тётя Маша.

— Я не в санатории отдыхаю, — пояснила Майя, — живу в посёлке на частной квартире.

— Тем более, надо полежать после процедуры, там хорошо: полумрак, тепло и тихо.

Впереди был длинный день, его надо было чем-то заполнить, и Майя последовала совету, стараясь не делать резких движений как физически, так и в мыслях, чтобы не расплескать остатки сна.

Майя легла на кушетку, и желанный сон накрыл её тёплой спокойной волной. Она проснулась от острого укола страха — это тёмное, непредсказуемое, неуправляемое подсознание послало свой тревожный импульс.

Она вскинулась, не сразу сообразив, где находится. Одна, в пустой казённой комнате, в окно, не до конца задёрнутое серебристой шторой,



виднеется склон горы, на котором увязли в снегу ели, а когда сообразила, заныло сердце. Как будто в будущее заглянула, а там одиночество и бесприютность. Скорее, скорее на белый свет, чем-то заняться, отвлечься.

День между тем всюю распогодился. Девственно-матовая утренняя белизна засверкала, заиграла под ослепительными лучами. Майя глубоко вдохнула упоительную свежесть и ощутила безотчётное удовлетворение от возможности пребывать в этом прекрасном мире, просто созерцать его красоту.

Однако уже на исходе первого дня она поняла, что выдержать две недели праздной жизни будет нелегко. Бродить неприкаянной, пусть даже среди райских кущ — участь незавидная и не лучший способ изжить, перемочь горе.

Вечером, уведомляя тётю Эльзу коротеньким письмом о благополучном прибытии и предваряя возможный вопрос о причине столь скорого возвращения, она писала: “Дорогая тётечка, доехала хорошо, но когда пришла пора раскошелиться на путёвку, во мне проснулся немецкий рационализм. А ты уверена, — спросила я себя, — что нет более разумного применения этим деньгам? И должна признать, что не уверена. В результате, коль уж приехала, купила талоны на двухнедельный курс в водолечебницу. Ты не успеешь соскучиться, как я приеду”.

Распорядок дня, сложившийся в первый день, сохранился и в последующие, разве что менялись темы лекций и названия кинофильмов в санаторном актовом зале. Ей не следовало жаловаться на одиночество, на неё обращали внимание, её задевали, вступали в разговор, но общение со случайными людьми не спасало, душа тосковала о тех, с кем хотелось быть. Особенно выматывали предутренние часы. Страхи, сомнения, мрачные предчувствия, загнанные в потаённые уголки подсознания в период бодрствования, вытесненные внешним окружающим миром, в момент пробуждения высвобождались и сплошной ордой набрасывались на беззащитную душу.

Праздная жизнь отнюдь не способствует заживлению сердечных ран. Лучшее средство отрешиться от переживаний — работа. Она уже не один раз убедилась в этом.

29

На рассвете Майя услышала раздающиеся из тётинной комнаты странные звуки. Она прислушалась, поднялась, вошла. Та сидела в постели, уткнувшись в натянутое на колени одеяло, и её худенькие плечи сотрясались от сдерживаемых рыданий.

— Тётечка, вызвать “скорую”? — быстро спросила Майя, решив, что приключился приступ удушья, один из тех, что всё чаще случались в последнее время.

Тётя подняла заплаканное лицо.

— Извини, детка, я тебя разбудила.

— Нет, тётечка, я сама проснулась и услышала, что ты не спишь.

— Мне приснился сон, — пояснила тётя, — такой хороший, такой спокойный, будто я с мамой, отцом и Алексом. А когда проснулась, мне стало страшно за тебя — ведь ты останешься совсем одна.

— Ну, тётечка, нашла из-за чего плакать. Мы с тобой ещё долго-долго будем вдвоём, а что будет потом — не стоит загадывать. Там, — Майя возвела глаза к небу, — всё расписано и, как говорится, что Бог даёт, то



к лучшему. Жить одной куда проще. Раз уж мы не спим, сделаю-ка я тебе обтирание, и все тягостные мысли уйдут вместе с водой.

В последнее время тётя заметно сдала, как будто к шестидесяти семи годам исчерпался её жизненный ресурс, как будто отключилась питающая её энергия. Назначения врачей не приносили положительного результата. Она угасала на глазах. Когда Майя обхватывала лёгонькое беспомощное тельце, помогая подняться с постели, худенькие слабые руки обвивали её шею, родные преданные глаза смотрели по-детски доверчиво и с надеждой. Холод закрадывался в Майино сердце, тоска и безнадежность леденили душу от сознания, что конец близок.

— Так хорошо и родная мать не искупает, — благодарно говорила тётя, отдыхая после ванны.

— Теперь ты мой ребёнок, а я твоя мама, — отвечала Майя, целуя её руки.

И вот её не стало. Майя не плакала, слёз не было, но на душе было пусто. Она неприкаянно бродила по опустевшей квартире и всё, чего касался взгляд, воскрешало в памяти тот или иной эпизод, связанный с тётей. Тётя радовалась приобретению каждой новой вещи, сравнивала с той, что была в отчем доме на Кавказе. Она была горда тем, что сотворила свой уютный мирок на пустом месте, «с чистого листа», особенно была довольна благоустроенной квартирой, светлой и уютной, которую получила за несколько лет до выхода на пенсию.

Поминальный обед на сороковой день после кончины тёти Эльзы помогла организовать семья Гергенрейдеров. Стариков уже не было в живых, но по традиции семьи Андрея и Артура принимали участие в их с тётей Эльзой судьбе.

Когда все отобедали и остались только Гергенрейдеры, они в узком кругу помянули всех близких, ушедших в мир иной, вспомнили депортацию, с гордостью отметили, перебрав родных и знакомых, что все достигли материального благополучия своим умом и трудом.

— Фишеры после долгих проволочек получили наконец разрешение на выезд в ФРГ для воссоединения с родственниками, — сообщила с нескрываемой завистью Валентина, жена Андрея, как бы обесценив достигнутое.

— Шульцы тоже подали документы на выезд, — со вздохом произнесла Кристина, жена Артура. — Я ему говорю, — она вскинула глаза на мужа, — покопайся в памяти, в родословной, может, вспомнишь какого-нибудь родственника за «бугром», чтобы только зацепиться.

— Никогда ни за кого не цеплялся, — с досадой возразил Артур, — выкинь эту мысль из головы. Здесь я уже состоялся и занимаю отнюдь не последнее место в социальной иерархии. А там кем буду? Начинать с нуля у меня нет никакого желания, да и годы уже не те. Чего ради?

— Ради детей, — настаивала Кристина. — Здесь, чтобы немцу поступить в вуз, ему надо продемонстрировать больше знаний, чем прочим, чтобы пробиться по карьерной лестнице, надо иметь больше мастерства и умения.

— А там, ты думаешь, нас ждут с распростёртыми объятиями? Там тоже свои трудности. Хорошо там, где нас нет, впрочем, мне здесь хорошо. Что касается повышенных требований к немцам, так это нам на пользу. Мы более ответственны, не даём себе поблажек, меньше пьём.



— А ты что думаешь по этому поводу, Андрей? — спросила Кристина.

— В принципе, я согласен с Артуром, но в то же время интересно поехать на историческую родину, испытать себя в тех условиях. Я бы, наверное, не отказался, подвернись такой шанс.

— Ходят слухи, что на территории Казахстана будет создана немецкая автономная область, — сказала Майя, — но лично я не хотела бы замкнуться в узких национальных рамках. Национальный индивидуализм сужает кругозор, отдаляет от общечеловеческой культуры.

— Это в тебе говорит славянская кровь, — заметила с улыбкой Валентина.

— Правительство обеспокоено эмиграционными настроениями среди немцев — кому охота потерять таких работяг — вот и попытаются отделаться подачкой, но я сильно сомневаюсь, что немцы ринутся в эту область из других мест проживания. По справедливости следовало бы воссоздать автономную республику немцев на Волге, — сказал Андрей, — ты согласен со мной, Артур?

— Лично я и на Волгу не поеду. Что же касается немецкой автономии в Казахстане, то не думаю, что коренное население примет эту идею с воодушевлением. Не хватало нам ввязаться, вляпаться в межнациональный конфликт. И негоже нам претендовать на автономию, обособляться в республике, которая приняла нас в трудную годину. Мне доподлинно известно, что видные представители немецкой интеллигенции информировали правительство о своём отрицательном отношении к созданию немецкой автономии в Казахстане и о предпочтении Поволжья. Всё, что связано с национальными интересами, требует очень взвешенного подхода.

Вскоре Майя воочию убедилась в правоте Артура.

... В тот день по делам службы ей надлежало быть в инстанции, расположенной в Доме областных учреждений. Выйдя из автобуса, она увидела, что центральная площадь запружена народом, кое-где в толпе над головами колыхались плакаты. Майя прошла вперёд, чтобы прочитать начертанное на них, попутно глядясь в лица манифестантов. В основном это были люди коренной национальности, их плакаты гласили: "Нет — немецкой автономии на казахстанской земле".

Несмотря на ультимативное содержание требований, акция носила достаточно мирный характер, не было выкриков, угроз, молодёжь была сдержанно-оживлённой от сознания собственной ответственной миссии, лица пожилых и стариков были сдержанно-спокойны.

Майя направились было восвояси, но тут с краю послышались громкие голоса, трое молодых людей европейской внешности скандировали: "Немцам не нужна автономия в Казахстане!".

— Кто вы? — спросила Майя.

Один из них пояснил:

— Мы проходили мимо, увидели скопление народа, подошли. Мы немцы, нам не нужна эта автономия. В верхах принимают решения, не посоветовавшись ни с казахским, ни с немецким народом.

Как позже рассказал Артур, правительство Казахстана, получив из Центра задание создать на своей территории немецкую автономную область, аргументированное тем, что более половины всех немцев СССР проживает в Казахстане, дабы погасить эмиграционные настроения среди немцев, создало комиссию по подготовке соответствующих законоположений



и других разработок. Но акции протеста казахского населения в нескольких городах позволили казахстанскому правительству убедить Центр отказать от этой затеи.

Впрочем, Артур подозревал, что эти акции негласно, тайно были инспирированы и санкционированы самим казахстанским правительством, которое не хотело в открытую идти против указания Центра.

Спустя время прошёл слух о намерении Центра воссоздать немецкую автономию на Волге, но и там возникли трения с местным населением.

В конце концов с идеей немецкой автономии было покончено. Экономика страны трещала по швам, правительству было не до немцев, и большинство из них с вожделием смотрело на Запад, на историческую родину. Время от времени оттуда приходили письма, иногда наезжал кто-нибудь из бывших земляков-счастливчиков. Их оценки собственной “забугорной” жизни были неоднозначны. С одной стороны — высокий материальный уровень жизни, разумеется, по сравнению со здешним, отсутствие квартирного вопроса, который, как известно, испортил советских людей. С другой — непоколебимый немецкий “орднунг”, изощрённая система штрафов, непосильные даже для наших немцев, педантичность и пунктуальность которых — здесь притча во языцех. Но первое перевешивает все адаптационные издержки и... зато клубника круглый год!

30

Вечером Майя выпила снотворное и крепко уснула. Ночью сильным ветром открыло форточку и её продуло сквозняком. Она проснулась в ознобе, с высокой температурой. Благо, не надо было идти на работу, второй день она находилась в отпуске, а в её сумочке лежала путёвка на две недели в дом отдыха с завтрашнего дня. Вчера она уложила всё необходимое, билет был куплен заранее, ей оставалось вечером сесть в поезд и через шесть часов она будет в Боровом, крае голубых прозрачных озёр, окружённых причудливыми скалами, сосновым лесом.

Она приняла аспирин, выпила чаю с малиной, надеясь, что это обычная банальная простуда и достаточно отлежаться. Но к вечеру ей стало хуже. И природа переживала кризис. Ветер выл сердито и тревожно, ветки деревьев металась за окном. Там царил непроглядная тьма. Наконец её прорезали слепяще-яркие вспышки молнии, а вслед за ними небо раскололось треском и громом. Гроза неистовствовала не меньше часа и завершилась ливнем. Потоки воды стекали по стёклам, Майю давила нестерпимая тяжесть, на смену которой пришло бредовое томление, мысли путались и сквозь туман, обволакивающий сознание, выступали, выплывали те, кого она любила, лаская её тёплыми нежными взглядами. Она пыталась что-то сказать, но они, уплывая, прикладывали палец к губам, как будто давая понять: ещё не время. Потом наступило забытьё.

Майя очнулась утром с ощущением невероятной физической слабости, но умиротворённая снизошедшим на её душу бальзамом любви. И за окном сияло солнце, царил мирная благопристойная тишина, какая бывает после бури.

Не хотелось никуда ехать, никуда идти. Весь день она пребывала в праздности, находясь в постели под впечатлением отрадной встречи с попутственным. Незаметно, само собой, пришло желание вырваться из оков своего существования, её уже стала тяготить затянувшаяся пустота в жизни, потянуло туда, к родным и самым близким.



Майя не роптала на судьбу, которая дала ей возможностей не меньше, чем другим, но она в одних случаях не сумела ими воспользоваться, в других не захотела. Отношения предполагают и накладывают какие-то обязательства, а у неё не было к этому склонности. В зрелом возрасте людей толкает друг к другу страх одиночества, у неё его уже не было. Она его испытала и переборола, преодолела во времена потерь.

Вокруг неё кипела жизнь, суетились люди — дружили, враждовали, любили, ненавидели, плели интриги, чего-то добивались, она же была далека от всего этого. В последнее время её круг общения ограничивался служебными отношениями и ничто не сулило новизны, ничто не представляло интереса.

Итак, здесь её ничто не удерживало, всё самое плохое в её жизни уже случилось, всё самое дорогое потеряно. Она никого не любит, ни к кому не привязана. Её смерть никому не принесёт горя, и она уйдёт без волнения за судьбу близких. Да, одиночество — это и есть свобода, оно даёт возможность самой распорядиться своей жизнью. Она как-то читала, что в древности была благодатная страна, где люди были долговечны. Дожив до весьма преклонного возраста и пресытившись жизнью, они, как правило, уходили из жизни по собственной воле. В специально отведённом для этого месте они бросались в море со скалы.

Она, конечно, ещё далека от такого возраста, но в жизни повидала достаточно, а впереди ничего нового не предвидится. На смену лету придут по очереди осень, зима, весна, череду квартальных отчётов завершит годовая, но она-то при этом не останется прежней, она будет стариться. Уже теперь она не любит встречаться с людьми, которых давно не видела. Возрастные изменения в их внешности свидетельствуют, что и она не помолодела. Здоровье, а соответственно и качество жизни, неуклонно будет снижаться. Так чего ради к этому идти?

Наиболее лёгкий путь туда, куда она стремится — выпить снотворное.

Она приводит себя в порядок: тщательно моется, накручивает на бигуди, укладывает волосы и отдыхает до полуночи. В полночь, когда жизнь в подъезде замирает, к наружной ручке двери она привязывает тесёмкой записку: “Позовите врача” и оставляет свою дверь незапертой. Единственно, чего она опасается, так это того, как бы какой-нибудь припозднившийся гуляка не обнаружил записку раньше времени, до наступления утра, а к утру, она надеется, всё будет кончено. Майя стелит на диван новую крепкую льняную простынь, чтобы удобно было выносить, и ложится. Кажется, всё продумано, можно пить снотворное.

— ... Просыпается, — услышала она над собой женский голос.

Майя раскрыла глаза. Над ней склонились, глядя ей в лицо, мужчина и женщина в медицинских белых халатах.

— Как вы себя чувствуете? — спросил мужчина, с любопытством глядя ей в глаза.

— Нормально, — ответила Майя, обводя взглядом окружающую обстановку и соображая, что, по-видимому, находится в реанимации.

— Пить хотите? — спросила женщина и, получив утвердительный ответ, поднесла к Майиным губам носик фарфорового чайника.

Женщина вышла, а мужчина сел рядом.

— Что вы приняли? — спросил он мягко.

Майя ответила.



— А зачем? Что случилось?

— Никакой трагедии, доктор, не было. Просто мне стало лень жить.

— Вы легко отделались, а могли стать инвалидом.

Спустя полчаса её перевели в общую палату терапевтического отделения. Ей замерили кровяное давление, пульс, всё было в пределах нормы, и на её вопрос о выписке врач сказала:

— Дня два наблюдаем вас и, если состояние будет стабильным, в пятницу пойдёте домой.

Майя пребывала в недоумении: если через два дня будет пятница, то сегодня вторник, а она точно помнит, что вчера вечером, когда она приняла снотворное, была суббота. Или врач оговорила, или у неё самой что-то с головой. Она осторожно спросила соседку по палате:

— Какой сегодня день?

— Вторник, — уверенно ответила та.

И тут Майю осенило, что без сознания она провела в реанимации двое суток.

Она вспомнила о наитии, посетившем её в грозовую ночь, и поняла, что неспроста ей подавались знаки: ещё не время. Ей хотелось верить, что Провидение ведёт её одному Ему известными путями к одному Ему известной цели. Вспомнила утверждение тётки Эльзы, что не следует ни подгонять судьбу, ни противиться ей. Относительно себя тётя следовала этому правилу неукоснительно, а вот относительно племянницы, чего греха таить, тётя, не доверяясь благоразумию судьбы, вносила свои коррективы, впрочем, как знать, может, эти коррективы были проявлением судьбы.

Ощувив попечительство высших сил, одним из проявлений которого Майя сочла бессилие смертельной дозы снотворного, которую определила по медицинскому справочнику, она пребывала в состоянии внутренне-го покоя, и психотерапевт, которого в случае суицида приглашают на консультацию, побеседовав с ней, дал санкцию на выписку.

За эти дни она оголодала и находила удовольствие в еде. Ела, валялась на диване, перечитывала детективы.

В положенный день вышла на работу и закрутилась в производственных делах.

А дела назрели нешуточные. В стране, катившейся к кризису, началась экономическая перестройка. Долгое время министерство пыталось найти точку равновесия между планированием и рынком, но в конце концов, в одночасье, предприятие было отпущено в свободное плавание: производство, сбыт и снабжение были отданы в его компетенцию. Закончилось плановое распределение выпускаемой продукции, надо было самим искать потребителей, а на площадках готовой продукции и в пролётах между цехами скопилось сельхозтехники, выпущенной согласно планам, на миллионы рублей. Её не брали отчасти потому, что сельское хозяйство тоже пребывало в кризисе, не хватало финансов, отчасти потому, что не пользовалась спросом. В поисках потребителей во все концы страны снаряжались гонцы, связывались с зарубежьем, конструкторы и технологи спешно разрабатывали техдокументацию на продукцию, пользующуюся спросом. Но пока суть да дело, а на зарплату сотрудникам денег не было.

По сравнению с семейными людьми Майе было легче — хватало сбережений. Морально тоже было спокойнее — не надо было думать, чем кормить детей и внуков. По вечерам она укладывалась перед экраном телевизора.



Перестройка в экономике сопровождалась накалом страстей в политике. Восточная Европа бурлила, клочкотала, и наконец была повержена Берлинская стена.

Однажды вечером позвонила Валентина Гергенрейдер:

— У меня для тебя сногсшибательная новость, не пугайся, хорошая. Помнишь Маргариту Шмидт, она работала у нас на заводе в отделе снабжения? Она прислала письмо из Германии и приложила вырезку из газеты с объявлением, послушай, — Валентина откашлялась и зачитала: — “Обращаюсь к выходцам из СССР. Кто знает о месте жительства Келлер Эльзы (в девичестве Винтерголлер) и Касевановой Амалии-Майи (фамилия, возможно, изменилась), до войны проживавших в селе Красный флаг, прошу сообщить Вильме Тиссен (в девичестве Винтерголлер)” и далее адрес и телефон.

Валентина умолкла, ожидая ответной реакции, Майя молчала, ошеломлённая.

— Алло, Майя, с тобой всё в порядке? — осведомилась Валентина, прерывая затянувшееся молчание.

— Да, но я потрясена и не могу сообразить, что мне нужно делать.

— Думаю, что пока тебе надо только радоваться. Я сообщу Маргарите твои координаты и дальнейшая инициатива будет исходить отсюда.

— Спасибо, Валентина, ты меня извини, но я в прострации, мне надо прийти в себя, я завтра к тебе зайду.

... — Ну а дальше тебе всё известно, — сказала Амалия уже под утро, закончив своё повествование. — Тебе надо хорошо отдохнуть, а завтра ты мне расскажешь свою историю.

31

На первом курсе так случилось, что в общежитии Вильме не хватило места в студенческой комнате, и её поселили к двум аспиранткам, встретившим её надменно и холодно. Какое-то время она приходила туда только ночевать, но потом, когда втянулась в занятия, когда начались зачёты и она с удовлетворением осознала, что идёт в числе лучших, её достоинство запротестовало против дискриминации со стороны этих двух зазнаек. Однажды вечером она заставила себя сесть за стол, стоявший посреди комнаты, за которым занимались её учёные соседки, и разложила перед собой конспект. Учебнику, с которого следовало конспектировать, на столе места не нашлось, и Вильма положила его колени. Так они занимались с полчаса. Потом одна из аспиранток, рыженькая, с веснушками, не выдержала своей высокомерной роли и сдвинула в сторону стопку книг, освободив ей место. В другой раз, когда они обсуждали роман Джека Лондона “Мартин Иден” и клеймили Руфь за недостаточную стойкость в любви (уж они бы были стойкими, было бы кого любить!), Вильма включилась в разговор:

— Мартин Иден эгоист. Ради собственного тщеславия пошёл на разрыв с Руфью. А мог бы и работать, оставаясь при своих политических взглядах, и писать. И вообще, тщеславие более сильное чувство, чем любовь.

Аспирантки открыли рты, потом, не издав ни звука, закрыли. То ли нечем было крыть, то ли её выступление показалось им дерзким. Так или иначе, но с тех пор, увидев в ней личность, имеющую собственное мнение, стали с ней считаться.



Одна из них, рыженькая Елена, была филолог, другая, Альфия, философ, обе, на её взгляд, достаточно заурядные и подверженные снобизму особы, зато их приятельница Антонина, аспирантка-биолог, жившая на другом конце этажа и время от времени наведывавшаяся к ним по вечерам, являла собой образец демократичности. Если приятельниц на месте не оказывалось, Антонина не гнушалась обществом первокурсницы. Впрочем, не исключено, что её демократичность проистекала из неутолимой потребности иметь слушателя. О генетике она могла говорить бесконечно с неистощимой увлечённостью. Приятельницы за глаза называли её “одержимая Антонина”.

— Жаль, что ты поступила не на биологическое отделение, — говорила она Вильме. — Химия, конечно, тоже интересный предмет, но биология — это основа основ, — и тут же делала экскурс в основу предмета. — Представляешь, живой организм состоит из миллиардов клеток. Под микроскопом ты не найдёшь различия в содержимом клетки человека, кошки, мыши. Она состоит из протоплазмы и ядра и не имеет никаких признаков будущего организма, и тем не менее, её развитие предопределено. У человека рождаются человеческие дети, у кошки — котята, у мыши — мышата. А весь секрет в ядре. Там находятся хромосомы — нитевидные образования, на которые в виде бус нанизаны гены. У каждого вида животных и растений свой набор хромосом своей формы и своих размеров, различны и гены — носители наследственных признаков. У человека только в одной клетке их не меньше ста тысяч, но они разные, и поэтому каждый из нас генетически индивидуален. Что удивительно, каждая клетка содержит в себе полный набор генов и представляет собой генетическую программу. Этой программой предусмотрено, будут ли у тебя глаза карие или голубые, волосы тёмные или светлые, нос прямой или с горбинкой и так далее. Но как это происходит, какова природа генов — это ещё предстоит разгадать науке. Существует предположение, что, воздействуя на гены, комбинируя их, можно будет получить наследственные изменения организмов, впереди интересные открытия, — аскетическое лицо Антонины покрывалось румянцем и в глазах вспыхивал огонёк одержимости идей.

Однажды, возвратившись с занятий, Вильма застала дискуссию. Беспорядок на столе свидетельствовал о завершившемся чаепитии. Альфия поставила чистую чашку для Вильмы, жестом пригласив самообслужиться и незаметно подмигнув в сторону Антонины, оседлавшей своего любимого “конька” — генетику и рисующей перспективы в деле биологического преобразования рода человеческого, создания высшей расы посредством комбинации генетического материала.

— Идея не нова, — заметила Елена, — в Древней Греции спартанцы уничтожали слабых детей во имя улучшения рода человеческого.

— А дворяне, чтобы улучшить породу, женились на крестьянках, — вставила Вильма.

— Вот этот метод мне больше импонирует, — улыбнулась Альфия, — “комбинация генетического материала”, как выразилась Антонина, меня пугает.

— Я слышала, что существует реакционное направление в биологии, получившее название евгеники — учения о создании улучшенной породы людей с помощью селекции, и у меня оно тоже не вызывает симпатии, — поддержала Альфию Елена. — Одно дело менять человека путём социального



воздействия, повышения жизненного уровня, культуры и совсем другое — посредством вмешательства в его молекулярную структуру.

— Но признаки, благоприобретённые родителями в результате воспитания, не записываются в их генетической программе и не наследуются их детьми, — возразила Антонина.

— И всё же генетически переделать человека не реально, — настаивала Альфия. — Кто будет определять идеал человека, под который надо создавать соответствующую генетическую информацию? Как избежать при этом влияния субъективизма экспертов, их политических взглядов и неизбежной в таком случае стандартизации человечества? Даже если оставить в стороне этическую сторону вопроса, гигантский рост численности населения ставит в этом отношении непреодолимые преграды.

— Но не станете же вы отрицать значение генетики в деле избавления человечества от наследственных болезней? — выставила Антонина другой козырь в защиту любезной её сердцу генетики.

— Не станем, и в ознаменование выпьем ещё по чашке чая. Садись, Антонина, — Альфия дружески усадила Антонину за стол.

Школьный курс биологии представлялся Вильме удручающе скучной дисциплиной и, если бы не Антонина с её “пунктиком”, если бы не дискуссии, ей бы и в голову не пришло вникнуть глубже в эту науку.

Она стала брать в библиотеке книги по биологии и уже сама вовлекала Антонину в полемику. Не менее захватывающей биологической проблемой чем генетика, была иммунология, призванная ответить на вопрос: как функционирует система защиты организма?

В результате в один из последних учебных дней перед каникулами Вильма оставила в деканате заявление с просьбой перевести её на биологическое отделение.

32

... Ей невероятно повезло. Прозябать бы ей в какой-нибудь провинциальной бактериологической лаборатории или как большинству сокурсниц влачить жизнь школьной учительницы с незавидной участью из года в год повествовать об одном и том же, если бы в распределительную комиссию на неё не поступила заявка из исследовательской лаборатории, где она проходила последнюю перед госэкзаменами практику. Лаборатория была подразделением исследовательского института и помимо выполнения запросов практической медицины вела исследования, диктуемые научной тематикой института, здесь открывалась возможность выбрать и разрабатывать тему для диссертации.

Как выяснилось, именно заявку на неё сделал заведующий лабораторией Выходцев. Вероятно, эта идея возникла у него случайно, когда она, сидя у него в кабинете, дожидаясь, пока он прочтёт её отчёт по практике, взяла лежащий на углу его стола журнал на немецком языке и углубилась в чтение.

— Вы понимаете о чём речь? — он вскинул на неё зелёные с рыжиной глаза.

— Конечно, я же немка.

— Ах, да, Винтерголлер... А с русского на немецкий смогли бы? Вот, к примеру, свой отчёт, — он сделал росчерк там, где надлежало расписаться руководителю практики, и подал ей её бумаги.



Вильма мысленно прикинула, пройдясь глазами по тексту.

— Думаю, что да, если потренироваться, развить навыки чтением специальной научной литературы, подобной этой, — она кивнула на журнал.

На этом разговор закончился, и Вильма попрощалась с ним и с коллективом, полагая, что навсегда. И только в комиссии по распределению на работу, где ей сказали, что на неё поступила заявка из лаборатории, она поняла, что Выходцев интересовался её знанием языка неспроста.

Действительно, в первый день, когда она явилась по назначению, он, представив её коллективу, состоявшему из четырёх уже знакомых ей женщин разного возраста, увёл в свой кабинет и сказал:

— Я распорядился, чтобы завхоз изыскал вам стол, а пока садитесь на моё место и для начала займитесь переводом вот этой статьи. Меня до обеда не будет.

Он ушёл, а Вильма, заглянув к коллегам и немного поболтав, принялась за статью.

Перед обедом молодые парни притащили стол и, потеснив женщин, водворили его на достаточно престижное место у окна. Судя по всему, место было определено Выходцевым заранее.

Около месяца она занималась переводом с немецкого, изучала и осваивала методики исследований, применяемые в лаборатории, и наконец приступила к исследованиям.

Работа в лаборатории складывается из рутинных дел: с утра до вечера готовятся реактивы, ферменты, что-то измельчается, чем-то заливаются, пробирки выдерживаются в тепле или холоде, снова что-то добавляется и снова выдерживается, что-то крутится на центрифуге, разделяясь на фракции, что-то разглядывается под микроскопом, что-то подсчитывается, заносится в журнал... Периодически — обсуждение законченных экспериментов по одной теме и предстоящих по другой.

А между делом, пока в пробирках что-то выдерживается, пока происходят биологические процессы на молекулярном уровне, жизнь человеческая разворачивается во всех своих проявлениях и прежде всего в проявлениях межличностных отношений, из которых складываются, вырисовываются индивидуальные особенности, уровень притязаний каждого.

Тридцатипятилетняя Ася Переплёткина однажды ненадолго сходила замуж, родила дочь, и это событие не меркнет с годами. Редкое чаепитие обходится, чтобы Ася не вспомнила незабываемые подробности своего семейного опыта. Но и чужие обстоятельства занимают её не меньше. Она постоянно в возбуждении, вечно горит, вмешивается во всё на свете, к ней идут такие же экзальтированные приятельницы из других лабораторий и отделов, они шушукуются, что-то обсуждают, кому-то соперничают. “Вы такие чистые!” — восторженно восклицает она, принимая пробирки с кровью от молоденьких лаборанток, млея от сознания своей воображаемой греховности, обусловленной прошлым замужеством.

Маша Евсеева — Асина ровесница, у неё благополучная семья: муж, дети Валерочка и Леночка, она юмористка, во всём видит смешные стороны и если что-то рассказывает, все покатываются со смеху.

Лена Чумакова — белокурая хохотушка двадцати четырёх лет, у неё нет отбоя от поклонников. Каждое утро, прежде чем появиться Лена, а является она, как правило, в последнюю минуту перед звонком, из-за двери слышится её серебристый смех — это в длинном коридоре её встречает



шеренга поклонников всех возрастов и мастей, вышедших из своих кабинетов как будто покурить, пообщаться между собой до начала рабочего дня, а на самом деле лицезреть улыбающееся личико и заявить о себе шуткой или комплиментом.

Ни одна из этих трёх не обременена честолюбием, их вполне устраивают простые житейские радости. Они аккуратны в работе, но и только. Реактивы и микроскоп для них — это всего лишь средство зарабатывать на жизнь.

Всё иначе у пятидесятилетней Александры Ионовны Тавлуевой. Она старше всех не только по возрасту, но и по званию — кандидат наук. Александра Ионовна одинока. Её единственный сын служит далеко на границе, и она всецело отдалась науке. Утром Вильма приходила в лабораторию за полчаса, а Тавлуева уже на месте, вечером все уходили, а она ещё оставалась.

Иногда Вильма тоже задерживалась сверхурочно, чтобы в тишине почитать специальную литературу — отечественную и зарубежную. Знание иностранного языка и особое в связи с этим расположение Выходцева заметно возвышало её в глазах коллег. Иногда она зачитывала вслух выдержки, интересные на её взгляд, Александре Ионовне. Будучи сама не от мира сего, Тавлуева не находила точек соприкосновения с тремя бойкими сослуживицами и тянулась к Вильме. Постепенно у них сложились доверительные отношения.

33

Вильма сидела в кабинете Выходцева сбоку его стола. Она только возвратилась из отпуска и полагала, что он пригласил её, чтобы обсудить следующий этап работы. Исследования, которыми она занималась в течение года, были завершены, и по их результатам они с Выходцевым перед её отпуском написали статью в один из научных журналов за двумя подписями. Но он порылся в боковом ящике стола и извлёк ту самую, отпечатанную на машинке статью, которая по её предположению должна была бы быть уже в редакции.

— Понимаешь, — несколько смущённо сказал Выходцев — он давно перешёл на “ты”, — шеф застопорил. Экая у тебя фамилия вызывающая: Вин-тер-гол-лер, — произнёс он по слогам.

— Отчего же вызывающая, ещё не такие бывают, — в недоумении возразила Вильма, — неужели из-за фамилии застопорил?

— А ты как думала? Международное положение прослеживаешь? В Германии что творится! А тут немецкая фамилия. Политика, понимаешь ли.

— Какое отношение имею я к тому, что происходит в Германии? Я советская немка! — возмутилась Вильма и неожиданно для себя, в горячах, заявила: — но если так ставится вопрос, я подпишусь: Ка-се-ва-нова, — она тоже по слогам произнесла фамилию.

— То есть как? — опешил Выходцев. Он сделал манипуляцию носом, столкнув очки на его кончик, и взглянул поверх них.

— Я выхожу замуж, — торжественно объявила Вильма.

— Серьёзно? — недоверчиво спросил он.

— Какие шуточки! Мои домашние мне все уши прожужжали, предрекая участь старой девы.

— Это они шутя-любя. И кто счастливый избранник?



— Есть такой, — уверенно заявила Вильма, отрезая себе путь к отступлению.

Действительно, не далее как вчера она получила предложение руки и сердца, но ушла от ответа, обратив всё в шутку.

Она не сообщила никому о дне своего возвращения из отпуска и была удивлена, когда выйдя из вагона поезда, неожиданно столкнулась с преградившим ей дорогу Касевановым.

Эдакий “богатырь Добрыня Никитич” из сказки, прекрасно сложенный, ясноглазый, с простодушным круглым свежим лицом подхватил её чемодан, вручив несколько веточек синего люпина, обильно произраставшего в цветнике бабы Насти, её квартирной хозяйки.

— Что ты здесь делаешь? — задала она риторический вопрос.

— Тебя встречаю, — его чистое лицо сияло радостью.

— Откуда тебе известно, что я сегодня приеду?

— Нетрудно догадаться — завтра тебе на работу. Я третий день тебя встречаю.

— Спасибо, я тронута, ты надёжный друг, — Вильма поцеловала его в щёку и невольно отметила, что щека чисто выбрита, очень тёплая, мягкая и приятно пахнет одеколоном. — Итак, — она оглянулась вокруг, толпа, вышедшая из вагонов, уже растеклась по привокзальной площади, прилегающим улицам, и распорядилась: — идём на трамвайную остановку.

— Обижает, — улыбнулся Касеванов, — нас ждёт извозчик, — он кивнул в сторону, где поодаль стояла коляска, — я попросил там остановиться, чтобы здесь его не осаждали пассажиры.

Был тихий вечер конца лета, и Касеванов велел извозчику ехать кружным путём по старинным улицам. Всю дорогу болтали ни о чём и обо всём, как давние друзья.

Они познакомились год назад в первый же день её приезда в этот город. Тогда прямо с вокзала она явилась по месту назначения и в отделе кадров ей дали пару адресов, где предположительно можно было снять жильё.

По одному из них комнатка оказалась премиленькой с чисто выбеленными стенами, с окошком в огород, и Вильма решила здесь обосноваться.

Вечером хозяйка баба Настя привела молодого человека, которого попросила прибить у Вильмы в комнате большое зеркало. Этим молодым человеком был Касеванов. Как выяснилось, он тоже снимал это жилище до тех пор, пока не получил отдельную комнату в благоустроенном общежитии строительного управления, которое находилось неподалёку. У них с бабой Настей сохранились добрые отношения, и когда зеркало было прибито, она пригласила его и Вильму пить чай.

За чаем баба Настя с гордостью представила Касеванова: “Толя у нас работает прорабом на стройке, с почётной доски не сходит”.

С тех пор Касеванов часто заезжал к ним с бабой Настей, и они уютно, по-семейному чаевали, но ей и в голову не приходило, что между ними может быть что-то более близкое. Он показался ей провинциальным простоватым добрым малым. Но не это было главным. Дело было даже не в Касеванове. У неё были иные приоритеты — наука, карьера.

Однако без мужчин жизнь была бы пресной и скучной. Лёгкий, ни к чему не обязывающий флирт привносит в жизнь оживление, праздничность,



и бессознательно, подчиняясь природному инстинкту, Вильма слегка кокетничала без далеко идущих конечных целей. Всё, что ей нужно от мужчин — это подтверждение, что она прекрасна и желанна. Желанна не в том животном, низменном смысле, а в эстетическом, возвышенном.

Скромный, добродушный, но отнюдь не простодушный, как показалось ей на первый взгляд, Касеванов принял тот лёгкий дружески-товарищеский стиль отношений, который она навязала ему, но продолжаться до бесконечности так не могло, ему хотелось ласки и нежности, и однажды, когда они прощались у её калитки, возвратившись поздним вечером из кино, он неожиданно, взяв ладонями её голову, прильнул к губам. Она содрогнулась и отпрянула.

— Ты что? — обескураженно спросил он. — Тебе противно?

В темноте, разбавленной только полоской света, падающей из занавешенного окна, Вильма увидела пристыженное лицо, и ей стало жаль Анатолия.

— Извини, — пробормотала она, — я не готова к таким отношениям.

Для неё самой было неожиданностью, что давний эпизод оставил такой неизгладимый след в памяти.

Это случилось на предпоследнем году обучения. Вильма задержалась в лаборатории, чтобы воспроизвести опыт, который пропустила, опоздав на занятие. Она уже делала записи результатов, когда в кабинет заглянул преподаватель с другого курса. Наверное, он это сделал случайно, проходя мимо. Он не читал лекций её группе, но их пути иногда пересекались в коридорах, и Вильма знала, что он обратил на неё внимание. В этом не было ничего удивительного — многие обращали.

— Похвальное прилежание, — сказал преподаватель, подойдя к её столу.

Она уже поставила последнюю точку и поднялась со стула, улыбнувшись ему в ответ.

И вдруг произошло ужасное. Он схватил её за голову и приник к губам. Что было сил она оттолкнула его от себя, кинулась к раковине и, открыв кран, прополоскала рот. Когда обернулась, его в кабинете уже не было.

С тех пор Вильма избегала встречаться с ним, а когда видела где-нибудь его затылок и жёлтую складку кожи, нависающую на воротник пиджака, испытывала омерзение и тошноту.

Касеванов не имел ничего общего с тем “сладострастным” дядькой, но сработал ассоциативный рефлекс.

— Это ты меня извини, — сухо сказал Касеванов, — я не знаю, что и думать, но что бы то ни было — извини.

Он повернулся, чтобы уйти, но Вильма удержала его за руку. Она понимала, что Анатолий обижен, станет переживать и комплексовать, а она вовсе не была бездушной кокеткой, которую радуют разбитые сердца, да и друга терять не хотелось, они с Касевановым отлично ладили. Надо было как-то объяснить своё поведение пугливой недотроги, но признаться в том эпизоде не позволяло самолюбие, и она сказала, понимая, что это звучит неубедительно:

— У меня однажды был забавный случай, о котором я вспомнила не кстати в тот момент.

— Ничего себе, забавный — тебя всю передёрнуло, — недоверчиво возразил Касеванов.



— Ладно, давай забудем, ну что мне сделать, чтобы ты меня простил?

— Ничего не надо. Ты ничего не испытываешь ко мне, — с горечью ответил Касеванов.

— Неправда, ты мой лучший друг, а дружбу я ценю больше, чем любовь.

Любовь — воображение воспалённой фантазии в одних случаях или химическая реакция живого организма в других. В силу своего биологического образования она была убеждена в этом, во всяком случае, ей нравилось так думать и считать себя в отличие от большинства людей неуязвимой перед этой напастью, способной собственными силами погасить постыдные инстинкты.

Какое-то время в их отношениях чувствовалась некая натянутость, Анатолий реже приходил, и в тот период баба Настя несколько раз видела его с Полиной, медсестрой из поликлиники. Вильму это неприятно задело, но она не подала виду, а со временем их отношения вернулись в прежнее русло, и Вильма не знала, что там было или не было между ним и Полиной.

Главный её интерес всё же был на работе. К отпуску она успешно форсировала свою тему, и Выходцев рекомендовал учёному совету её статью для публикации в журнале.

Ранним летним утром, как и условились накануне, Касеванов провожал её на вокзал, Вильма отправлялась в свой первый отпуск. Свежий, румяный, ясноглазый, с влажными из-под душа волосами, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами и светлых серых брюках он был живым воплощением плакатного образа передовика-комсомольца.

Поезд стоял у платформы, посадка ещё не началась, но у зелёных вагонов уже толпились пассажиры.

— Ты постой здесь, — сказал Касеванов, оставляя её в хвосте толпы, — войдёшь, когда будет посвободнее.

Он подхватил её чемодан и внедрился в толпу. Когда началась посадка, он непостижимым образом в числе первых проник в вагон и вскоре его довольная физиономия выглянула из опущенного окна.

Когда нетерпеливая толпа схлынула, Вильма вошла в вагон и расположилась на принадлежащей ей по праву нижней полке, оберегаемой Анатолием. Тем временем прозвенел колокол, извещающий отправление.

— Идём, я провожу тебя, — сказала Вильма, увлекая Касеванова в тамбур.

Касеванов невольно посмотрел на её губы. Перехватив его взгляд и поняв его нерешительность, она притянула его за виски и поцеловала в обе щёки лёгким целомудренным поцелуем, пощекотав взмахом ресниц.

— Ты со мной как кошка с мышкой, — обречённо вздохнул он.

Поезд дёрнулся и медленно пополз.

— Прыгай, мышка, да поосторожней, — добродушно улыбнулась Вильма, — а то кто меня встречать будет.

Насчёт "встречать" она обмолвилась просто так, сказала — и забыла. А он не забыл.

Хотя по просьбе Касеванова возница сдерживал прыть коня, через полчаса они уже были возле её дома.

— Я так скучал, я дни считал до твоего возвращения, — признался Анатолий, поставив чемодан у порога, когда они вошли в её светёлку, и,



взяв Вильму за плечи, глубоко заглянул в глаза. — Слушай, давай поженимся!

— Только не сейчас, — засмеялась она, — у меня внутри, — Вильма стиснула пальцами свои виски, — всё ещё вагонная тряска и качка.

— Да, конечно, отдыхай, я ухажу, но имей в виду, я делаю предложение на полном серьёзе и с нетерпением буду ждать, когда ты скажешь “согласна”.

— ... Ну что ж, — сказал Выходцев, пряча статью в стол, — отложим до лучших времён. Научную публикацию негоже давать под псевдонимом, это не беллетристика.

Он наклонился, достал из тумбочки серую папку и подал ей.

— Почитай, здесь есть кое-какие соображения. Я сейчас ухажу на лекцию, а когда вернусь, мы с тобой обсудим план дальнейших твоих исследований.

Помимо заведования лабораторией Выходцев читал лекции в институте и практически каждый день несколько часов проводил там.

В папке оказалась интересная идея, изложенная на двух листах бумаги, но чтобы воплотить её, требовалось разработать специальную методику, которая сама по себе представляла сложную научную задачу.

Выходцев был чистым теоретиком, сам никогда не работал руками за лабораторным столом и зависел от экспериментаторов, воплощавших в жизнь его теоретические находки.

Когда он возвратился, они составили примерный план исследований, предусмотрев, что по ходу дела он будет уточняться и корректироваться.

У Вильмы складывалось ощущение, что её лысоватый, с внешностью хитроватого мужичка шеф привязывает её к своим научным интересам, а у неё не было к нему доверия после того, как её собственная фамилия оказалась недостойной увенчать итог её же труда. Пусть не так уж велик результат её исследований, но она не намерена так просто поступиться своими интересами. Эта публикация пригодилась бы ей в будущем при защите кандидатской диссертации. Вильма преисполнена решимости отстаивать свои интересы, она выйдет замуж за Касеванова и навсегда лишит их, Выходцева и тех, кто стоит за ним, этого повода чинить ей препятствия. Впрочем, препятствия её не удручали, напротив, они подогревали, подстёгивали, щекотали нервы. Конечно, она не влюблена в Касеванова, но он вполне достойный человек, а главное — влюблён в неё.

— Возвращение из отпуска отмечаем? — полюбопытствовала баба Настя, когда вечером того же дня Вильма попросила её помочь приготовить нестандартный по сравнению с будничным ужин.

— И возвращение тоже, — неопределённо ответила Вильма.

— О! Какие запахи! — воскликнул Касеванов, явившись в обычное время и увидев накрытый стол. — Я значусь среди гостей?

— А как же, под номером один, — улыбнулась Вильма.

Касеванов, довольный, зарделся.

— К такому столу полагается бутылочка. Я мигом, — он вопросительно взглянул на Вильму.

— Да, я хотела тебя попросить.

Когда выпили по рюмочке и закусили, баба Настя деликатно откланялась и удалилась на свою половину. Вильма чувствовала, как у неё пылают щёки, искрятся глаза от спиртного и от предстоящего решающего



шага. Касеванов восторженно смотрел ей в лицо и его зрачки перебежали с её глаз на губы и снова на глаза.

— Хотел бы я знать... хотел бы я знать...

— Что?

— Что значу я для тебя?

Через стол Вильма подала ему руку жестом, каким великосветские дамы прошлого подавали для поцелуя. Анатолий задумчиво посмотрел ей в глаза и прикоснулся к руке губами, всё так же не отрывая взгляда от её лица. До него ещё не дошло значение её жеста, и она засмеялась:

— Я согласна.

— С чем? — не понял он.

— Ну до чего же непонятлив мой избранник! — с нарочитым негодованием воскликнула она, — или ты передумал?

Касеванов вспыхнул, уткнулся лицом ей в ладонь, потом поднял счастливое лицо.

— Я не смею верить.

— Ты хочешь, чтобы я сделала тебе предложение по всей форме? — насмешливо спросила Вильма, отняв руку.

— Милая, — он вскочил, опрокинув табуретку бабы Насти, встал на одно колено перед ней и произнёс: — Милая, выходи за меня замуж.

Понимая, что после давнего инцидента, когда она нелицеприятно отреагировала на его поцелуй, ему трудно дерзнуть снова, Вильма сама наклонилась и поцеловала его в губы, таким образом сняв некий невидимый ограничитель.

Снисходительно приняв дозу пылких, нежных излияний, Вильма вернула ситуацию в деловое русло.

— Сегодня пируем, а завтра идём в загс.

Спустя отпущенный на такие дела срок она выложила перед Выходцевым свидетельство о браке и потребовала:

— Дайте статью, я перепечатаю страницу, где негодная вам фамилия.

Отправив статью, Вильма приступила к экспериментам по новой теме.

День за днём, шаг за шагом она подбирала реактивы, ферменты, испытывала всякие хитрые приёмы, разные подходы и методики, старательно записывая в лабораторный журнал.

В лице Касеванова она обрела образ терпеливого слушателя и болельщика, но иногда его покладистость давала сбой, когда, например, в разгар ласк она вдруг буднично спрашивала: “Ты не мог бы забежать в лабораторию, что-то центрифуга барахлит” или восклицала: “Как я раньше не догадалась — ведь коэффициент преломления света у стекла и фиксатора разный!”. Он взбрыкивал, обиженно отворачивался, но ненадолго — его чувственная натура не могла устоять перед волнующим соблазном женской плоти.

А Вильма злилась. Её оскорбляло, что её тело служит удовлетворением низменных животных инстинктов. Хотя грех было обижаться — и высоких моментов было достаточно. Но так уж в жизни водится, что хорошее не замечается, хорошее — так и должно быть, а вот какой-нибудь малюсенький промах взводится в квадрат, в геометрическую прогрессию.

Однажды, придя с работы, она застала его сидящим на чемодане.

— Извини, Вильма, я уйду, — выдал он, смущённо заплетаясь языком, — я нужен Полине, а тебе не нужен никто.



— Ты прав, — ответила она не моргнув и глазом, — иди.

Анатолий, покачнувшись, взволнованно шагнул к ней.

— Вильма, я надеюсь...

— Не надо, только без сантиментов, — она остановила его отстраняющим жестом, — уходи, а детали обсудим как-нибудь в другой раз.

— Я надеюсь, — всё же договорил Анатолий, — мы не расстанемся врагами. Я люблю тебя, но я хочу ласки, тепла, а ты вся в науке.

Он помедлил, как бы в надежде, что его опровергнут, попросят остаться, пообещав, что всё переменится, но Вильма молчала. Слишком силён был удар по её самолюбию. Она была уверена в нём, а у него уже была Полина.

Не дождавшись ответа, Касеванов вышел, тихо прикрыв дверь. Теперь не надо было топорщиться, надо было продолжать жить, ну хотя бы, элементарно, готовить ужин. Теперь она обойдётся чем-нибудь на скорую руку. Это одно из преимуществ незамужней жизни. Одиночество, если ты не малахольная коровушка, предпочитающая во всём полагаться на кого-нибудь, только не на себя, имеет свои достоинства, главное из которых — независимость, её конёк, на котором она гарцует с малых лет.

Но сквозь оптимистический настрой всё же пробивалась горечь покинутости, и Вильма не была бы Вильмой, если бы поддавалась отравляющему чувству, не найдя противоядия. Не опускаясь до очернительства конкретного Касеванова, она снисходительно констатировала не лестную для мужской половины всего рода человеческое слабость: чрезмерную зависимость от плотских ощущений. Посему не стоит придавать значения их пылким взорам, ибо в их основе — вождление, физиологическая составляющая преобладает над духовной, и отношения с ними следует строить исключительно на расчёте.

Утром по пути на работу заглянула к бабе Насте.

— Моя светёлка ещё не занята?

Баба Настя обрадовалась, полагая, что Вильма нашла ей постоянщицу, но вслед за тем была обескуражена, когда Вильма сказала:

— Прекрасно, с вашего позволения вечером я переберусь в неё.

— Переберёшься? — на лице бабы Насти отразилась крайняя степень удивления. — А Толик?

— С Анатолием мы расстались. Извините, Анастасия Фёдоровна, — она пресекла на корню дальнейшие расспросы, — я спешу на работу, до вечера.

Вечером с бабой Настей они перенесли её пожитки. За день её хозяйка свыклась с новостью, обуздала любопытство и уже не докучала вопросами.

Вильма не успела ещё разложить всё по полочкам, как за окном мелькнул Касеванов.

— Ты зачем ушла из общежития? — с ходу выпалил он с обидой. — Ты как будто только и ждала, чтобы разойтись.

— А ты что, думал, я буду стелать и заламывать руки? Какие могут быть претензии? Ты ушёл к Полине, я к бабе Насте.

— Я был пьян, я был в порыве отчаяния, оттого, что не был уверен в тебе. Я хотел проверить чувства твои и свои.

— И как? Проверил?

— Мне не нужна Полина. Вернись.



Вильма со всей отчётливостью осознавала, что перед нею отнюдь не худший представитель несовершенной половины рода человеческого, и лучшего, по крайней мере на тот момент, в её окружении не наблюдается, однако же возобновлять семейную жизнь, принимая только что скинутые обязательства, стесняя свою, только что обрётённую свободу, у неё не было желания.

Теперь, когда её самолюбие было удовлетворено — предпочтение отдано ей, а не Полине, и Касеванов явился с повинной, она была настроена миролюбиво.

— Извини, Анатолий, — сказала она, — наш брак был ошибкой, но я не жалею (ещё бы, — ехидно напомнила совесть, — ты приобрела проходную фамилию; — но меня к этому вынудили, — возразила мысленно она), ведь на ошибках учатся. И дело не в тебе, и не в твоём поступке. Всё равно, раньше ли, позже ли, но это случилось бы. Ты прав — я вся в науке.

— Дело не в науке. Просто ты меня не любишь, — с горечью возразил Касеванов, — а как известно, насильно мил не будешь.

Он ушёл, как стало известно, в свою комнату в общежитии. Да хоть к Полине, хоть к любой другой, — мысленно заявила Вильма, еле сдерживая ярость. Именно тогда подтвердилась её догадка о зарождении ребёнка, и она ощутила себя поруганной.

Теперь, колдуя над склянками, подбирая дозировки, она маялась над дилеммой: оставить ребёнка или избавиться, и когда однажды баба Настя доложила, что Касеванов уволился с работы и уехал строить Комсомольск-на-Амуре, Вильма восприняла это сообщение как завершение одного этапа своей жизни и начало другого — с ребёнком. Дыхание одиночества, как ни бравадой своей независимостью, обладает высокой степенью проникновения в самые незащищённые закоулки души. Она ощутила его нельзя сказать, что леденящий холод, но неприятный холодок — несомненно, когда однажды простудилась и слегла с высокой температурой. Баба Настя, конечно, не оставляла её своей заботой, но это было не то, хотелось, чтобы родная душа была рядом.

Беременность протекала благоприятно, долго не отражалась на внешности и совсем не отразилась на трудоспособности. Рожать она уехала в деревню, а благодаря участию родных, уговоривших, вернее, настоявших оставить ребёнка на их попечение, смогла довольно скоро оправиться и приступить к работе.

34

Говорят, чужие дети растут быстро.

— Какая очаровательная девочка, и уже такая большая! — восклицали сотрудницы, когда, вернувшись в очередной раз из отпуска, Вильма показала фотокарточку трёхлетней Майечки.

— Вильма Антоновна всё успевает и с отличным качеством, — похвалил Выходцев, тоже вышедший из своего кабинета и взглянувший на снимок, — зайди потом ко мне, есть материал для перевода.

— Он вас эксплуатирует, Вильмочка, — сказала Тавлуева вечером, когда они остались одни, — и переводы, и тематика.

— Ничего, я работаю на авторитет, чтобы потом он работал на меня, — полушутя возразила Вильма. — Если хочешь стать профессионалом, надо как можно больше узнать в молодости. Кстати, я не против и вам быть полезной, ежели что, не стесняйтесь. Мне интересны ваши разработки.



— Во многом знании много печали, — усмехнулась Александра Ионовна, а Вильма спохватилась, что та могла превратно истолковать столь чрезмерную любознательность коллеги, особенно после того как Вильма была посвящена в её тайну, и даже заподозрить в сговоре с Выходцевым, имеющим небескорыстный интерес к внеплановым разработкам Тавлуевой.

Впрочем, Вильма не сделала ни малейшего шага, чтобы проникнуть в тайну, Александра Ионовна сама посвятила её в обстоятельства.

Дело было прошлой зимой. Однажды вечером уже на подходе к дому Вильма вдруг спохватилась, что оставила на подоконнике микстуру, которую купила в обеденный перерыв для бабы Насти. Пришлось вернуться. Окна светились только в каморке сторожа и в их кабинете. Александра Ионовна ещё работает, подумала она.

Вильма вошла и застала странную картину: Александра Ионовна шприцем делала забор крови из вены худой женщины в синем байковом халате, пальто которой лежало рядом на стуле. У женщины в глазах метнулся испуг, а Тавлуева сдержанно промолвила: “Не дёргайся, Маруся”. — “Извините, я забыла микстуру”, — сказала Вильма и, взяв пузырёк, быстро вышла.

Она не знала, что и думать. Ей было известно, что Тавлуева занимается исследованием антител, но для опытов использовалась кровь кроликов. Возможно, возникла необходимость что-то проверить на человеческой крови, но так, самодеятельно, это не делается. В таких случаях используется кровь, взятая в лечебных учреждениях.

На следующее утро Вильма рассчитала так, чтобы прийти на работу, когда все будут на месте. Ей не хотелось встречаться с Александрой Ионовной тет-а-тет и вынуждать её давать объяснения. В конце рабочего дня, когда все, кроме Тавлуевой, одевались возле вешалки, Вильма тоже поднялась, прибрал на своём столе, но уйти вместе со всеми не успела, Александра Ионовна попросила:

— Вильма, задержитесь, пожалуйста, нам надо поговорить. Я должна объяснить то, что вы видели вчера вечером.

— Но я не считаю, что вы должны мне объяснять, и не уверена, что хочу знать, — возразила Вильма.

Ей, конечно, было любопытно, но если в действиях Тавлуевой есть, грубо говоря, криминал, то она, Вильма, становится сообщницей, зная и не сообщив выше по инстанции, то есть Выходцеву.

— Оставайтесь, — настоятельно попросила Тавлуева, — я уверена, вам будет интересно, да и мне хотелось бы поделиться своим открытием и послушать ваше мнение, у вас есть исследовательская жилка.

Упоминание об открытии заинтриговало, комплимент тоже не оставил равнодушной, и Вильма повесила своё пальто.

— Начну с предыстории, — сказала Александра Ионовна, и Вильма уселась поудобнее возле батареи отопления, так как поняла, что коротким объяснением не обойдётся.

— Несколько лет назад я обнаружила у себя под ключицей уплотнение. Не стану вдаваться в свои переживания, скажу лишь, что меня прооперировали в онкологическом отделении больницы. Есть основания предполагать, что это было доброкачественное новообразование, но всё же я была напугана. За две недели я там насмотрелась и наслушалась всякого. Нет хороших болезней, но эта, я имею в виду злокачественную опухоль,



особенно коварна и мучительна. Вы когда-нибудь видели больного раком на последней стадии?

— Нет, к счастью.

— Поверьте, это тягостное зрелище для близких, а уж о самом больном и говорить не приходится. И вот с тех пор я стала размышлять, читать всё, что смогла найти, касающееся этой болезни. В науке ничего не возникает вдруг. У каждого открытия есть предыстория. Оно совершается на основе уже достигнутого. А достигнутое свидетельствует, что организм борется против всего чужеродного, что попадает в его внутреннюю среду. Какая разница ему, организму, что этот чужеродный агент несёт в себе: холерное, тифозное начало или чужую кровь, чужую ткань, чужие белковые вещества. Он борется со всем чужим. Часто помочь ему можно посредством прививок. Человеку или животному вводятся ослабленные или убитые микробы. Организм легко справляется с ними: в крови появляются антитела, способные разрушать не только ослабленные, но и полноценные возбудители, нейтрализовать их яды. Это общеизвестно и это послужило отправной точкой для моих рассуждений, ведь если предположить, что злокачественная опухоль для организма чужеродное образование, значит есть против него оружие. Другое дело, что рост злокачественных клеток опережает выработку оружия. Самый чуткий диагност больного — его кровь. Я стала сопоставлять кровь здорового человека с кровью больного. Скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается. Методом проб и ошибок я наконец подобрала наиболее оптимальную контрастную окраску крови и однажды не поверила своим глазам: я обнаружила совершенно отчётливо некие округлые тельца, которых в крови больного раком в несколько раз больше, чем в крови здорового человека. Значит тельца, я их назвала икс-тельца, индикаторы, а может быть, даже виновники заболевания? Начались кропотливые попытки выделить и размножить икс-тельца. Не тут-то было! Они не размножаются в стандартных питательных средах, подавай им свою, особую. Но какую? Поиск ответа занял почти два года. Наконец штаммы микроорганизмов в пробирке. Каковы же их свойства? Я сделала инъекции культуры подопытным кроликам, которым привиты опухолевые клетки, и была потрясена результатом: опухоли рассосались! Следовательно, икс-тельца вырабатываются в крови больного для защиты от опухолевых клеток, но в недостаточном количестве. Введение икс-телец извне в виде вакцины покрывает дефицит и не позволяет злокачественным клеткам размножаться.

Обычно сдержанная, скупая на слова и эмоции, Александра Ионовна преобразилась: полное, поблёкшее лицо вспыхнуло румянцем, освещённые внутренним светом, заискрились голубые глаза, и у Вильмы мелькнула мысль: а ведь Тавлуева довольно привлекательная женщина, у неё приятная округлость форм, и если “гульку” на затылке распустить, уложить по-другому, подкрасить губы... Что же будет в результате таких метаморфоз, она не задумывалась, просто в эстетическом плане так лучше. А открытие действительно потрясающее, только в лаборатории о нём как будто никто не знает.

— Я, как только определилась с направлением поисков, зашла к Выходцеву, — продолжила Тавлуева, — рассказала, как вот теперь вам, предысторию, попросила разрешения во внеурочное время вести исследования, разумеется, не в ущерб основной работе. Поколебавшись, он всё же дал “добро”, но при условии, что кроме него об этой работе не будет знать



никто. Потом, когда появился результат, Выходцев сам воспроизвёл опыты с введением готовой культуры вакцины кроликам и, убедившись в положительном эффекте, распорядился: “Теперь надо получить разрешение на проведение клинических испытаний, готовьте заявку и всё, что к ней прилагается, но при условии: я — автор открытия, а вы — соавтор”.

У Вильмы невольно вырвался возглас удивления и возмущения.

— Я была потрясена его вероломством и категорически отказалась, — по лицу Александры Ионовны пробежала нервная судорога. — После того разговора он ведёт себя так, как будто ничего не случилось, видимо, решил занять выжидательную позицию. Выгнать меня ему не выгодно: методика получения вакцины ему неизвестна. Спустя время, после того как мы с ним делали вакцинацию кроликам, которым перед тем была привита опухоль, и они пошли на поправку, ко мне подошёл смотритель вивария Данилов, в прошлом патологоанатом. Когда-то у него были проблемы со спиртным и его разжаловали, а теперь при кроликах, мышках и свинках он, по его словам, как на свет народился и бросил пить. Подошёл, когда я кормила своих “пациентов” морковкой, и говорит, глядя на кроликов: “Оклемались косые, вон как жуют, а то ведь совсем зачахли, — потом обернулся ко мне: — Александра Ионовна, давайте попробуем вашу вакцину на моей сестре, ей терять нечего, врачи от неё отказались — последняя стадия”. Он же врач и в наших опытах понял что к чему. “Но, Пётр Степанович, — возразила я, — метод должен пройти клинические испытания, я не могу заниматься самодеятельностью”. “Это долгая волокита, формальности, — возразил он, — сестра не доживёт до той поры, когда метод будет разрешён Наркомздравом”. Я не соглашалась, он просил, умолял, настаивал. А однажды вечером подкараулил меня, когда я уходила с работы. С ним была бледненькая девочка лет восьми. “Александра Ионовна, прошу вас, зайдёте к Марусе, здесь недалеко, всего два квартала, это её младшенькая Тонечка”. Я только хотела произнести пару ласковых слов в адрес девочки и откланяться, как вдруг она подошла, взяла меня за руку и сказала, проникновенно глядя мне в глаза: “Помогите моей маме”. Я хоть и понимала, что это Данилов её научил, но повернуться и уйти уже не смогла. Нас встретил отец девочки и провёл к больной. Женщина лет сорока пяти с измождённым лицом и глазами, полными муки, полулежала на подушках. С первого взгляда было ясно, что болезнь зашла далеко. “Вы не сомневайтесь, я на всё согласна, могу дать расписку, хуже быть уже не может”, — сказала она. И я решила рискнуть. Брала кровь у Маруси, приносила пробирку в лабораторию, делала посев на питательной смеси, выделяла культуру, стимулировала и снова шла к Марусе с готовой вакциной. По ходу дела корректировала дозу, и уже через пару месяцев Маруся почувствовала прилив сил и бодрости. Чтобы мне меньше бегать, Данилов предложил свою помощь, и я согласилась. Теперь он сам брал кровь у Маруси, приносил пробирку мне, а с готовой вакциной шла я. Вчера утром он не принёс кровь, его сменщик сказал, что Данилова скрутил радикулит, и я решила, что на следующее утро зайду к Марусе сама, но вечером она неожиданно явилась. Выходцев в командировке, вы все разошлись по домам, и я, утратив бдительность, решила взять кровь здесь. За этой процедурой вы меня и застали.

— Можете быть уверены, я никому не скажу, — заверила Вильма. — Но как же узаконить ваш метод? Есть средство, а люди мучаются. Это неправильно.



— Это не моя вина, это на его совести. Я продолжу лечение Маруси до тех пор, пока не наступит устойчивый эффект, а потом возьму группу больных. Произойдёт огласка, и Выходцеву не останется ничего иного, как признать меня автором.

Этой темы она с Тавлуевой больше не касались, каждая занималась своим делом.

35

В конце зимы ненастным гололёдистым утром Александра Ионовна не явилась на работу. После обеда позвонили из больницы и сообщили, что Тавлуева, поскользнувшись, упала и сломала шейку бедра, ей сделали операцию, и на ноги она встанет нескоро. Отпросившись у Выходцева, Вильма пораньше ушла с работы, чтобы навестить коллегу.

— Ах, некстати, — поморщился, покрутил головой шеф, как будто сломать шейку бедра бывает кстати. — Ты там расспроси её что и как, на чём она остановилась в работе.

— Сегодня едва ли будет удобно говорить о служебных делах: боль, наркоз и всё такое, — возразила Вильма.

— Да, конечно, ты там сама сориентируйся по обстановке. Не сегодня, так завтра, я на тебя надеюсь.

Как и предполагала Вильма, в тот день им поговорить не удалось, лечащий врач разрешил навестить больную только на следующий день.

Осунувшаяся, с лихорадочным блеском в глазах, Александра Ионовна как будто даже помолодела.

— Вы прекрасно выглядите, — сказала Вильма.

— Да уж, могу себе представить, — скептически ответила Тавлуева.

— У вас есть зеркало? — не унималась Вильма.

— Только зеркала мне не хватало, — возразила Александра Ионовна.

— Не скажите! Я вам оставлю своё. — Вильма достала из сумочки маленькое зеркальце. — Женщине без зеркала ни туда и ни сюда. Вот, смотрите, — она вложила зеркальце в руку Тавлуевой.

Та коротко, недоверчиво взглянула на себя и смущённо положила стёклышко рядом на постель, но по лицу было понятно, что она осталась довольна своим видом.

Вильма знала, что это обманчивый омолаживающий эффект, присущий человеку, лежащему кверху лицом, когда кожа натягивается, морщины и складки разглаживаются, а если вдобавок повышенная температура, то и вовсе на щеках играет румянец. Но больной приятно, свой внешний вид её воодушевляет.

От лечащего врача Вильма знала, что травма серьёзная, требует длительного лечения, поэтому болтала только о приятном, но Александра Ионовна направила разговор в другое русло.

— Вильмочка, спасибо, что навестили, но здесь такие строгости, посещения ограничены, а нам надо успеть поговорить о главном. Одиному человеку все свои дела надо содержать в таком порядке, чтобы после тебя в личном плане осталось как можно меньше мусора, а в служебных делах без труда разобрались бы преемники. Так вот, по плановой тематике проблем нет, в журнале всё скрупулёзно записано, журнал в столе, в правом ящике. Меня беспокоит судьба внеплановых разработок, а ещё больше — судьба людей, для которых продолжение или прекращение лечения по



моей методике — вопрос жизни и смерти. Вы понимаете о чём я говорю. Я прошу вас, продолжите моё дело, пока я здесь.

— Боюсь, я не справлюсь, уже хотя бы из-за дефицита времени. Выходцев, возможно, возложит на меня что-то по вашей плановой тематике.

— А вы откажитесь, ведь у вас кроме своих исследований ещё и переводы. Вильма, прошу вас, кроме вас мне некому доверить главное дело, надеюсь, вы осознаёте его важность — это прорыв в медицине.

У Вильмы мелькнула мысль, что если подключить Выходцева к этой теме, проблема разрешилась бы сама собой, но в таком случае авторство он присвоит себе. Только Александра Ионовна вправе решить, кому довериться.

Тавлуева между тем продолжала:

— Методика приготовления вакцины хранится у меня дома, там же дневники на каждую из четырёх больных, где я фиксировала дозировку и график инъекций. Я не настаиваю на сиюминутном ответе. Ознакомьтесь с документами и тогда уже решите: да или нет, но я уверена, вас заинтересует моё предложение. Если бы не больные, я бы не стала форсировать события, дождалась бы, пока сама не встану на ноги, но с такой травмой мне скоро не подняться, а судьба больных не терпит отлагательств.

Судьба больных — сильный аргумент, но дело это весьма хлопотное и отнюдь не безопасное. Любой недоброжелатель, пронюхавший об эксперименте, да тот же Выходцев, если захочет, может возбудить уголовное дело, так как испытания проводятся без разрешения Наркомздрава, и Вильма ответила отрицательно:

— Мне жаль, но принять на себя ответственность я не готова.

У Тавлуевой не было выхода. Отдать дело в руки Выходцева в нынешней ситуации значило бы потерять не только авторство, но и соавторство, и она сказала:

— Вильма, я предлагаю вам соавторство, что же касается ответственности... Победителей не судят. Я уверена в своей методике. Тем, кого я пролечила, уже значительно лучше. По завершении лечения они пройдут обследование в лечебном учреждении, где на них поставили крест, а против фактов не поспоришь, официальная медицина вынуждена будет признать эффективность моей методики...

Вошла медсестра со шприцем, чтобы сделать Тавлуевой укол, и строго попросила посторонних удалиться. Вильма была рада поводу уйти, ей надо было подумать.

На следующее утро она шла на работу, ещё не приняв определённого решения. Осторожность предостерегала, соблазн соавторства манил. И хотя она не была суеверной, сон, приснившийся накануне, казался знаковым: она стояла у развилки дороги; одно ответвление вело к туннелю, другое к реке; по дороге шли люди, ехали повозки; у развилки каждый выбирал свой путь; откуда ни возмись, появилась женщина в белом и сердито сказала ей: “Что же ты стоишь? Направляй людей к реке!”; но так же неожиданно возникший рядом мужик возразил: “Пусть идут, каждый получит то, что заслужил”; вдруг мимо проскочила коляска, в которой среди пассажиров мелькнуло лицо Майечки, и направилась по дороге, ведущей к туннелю; Вильма закричала: “Вернитесь, туда нельзя!” — и проснулась.

У входа в помещение её ждал Данилов. Он бросил недокуренную папиросу и стремительно шагнул к ней.



— Вильма Антоновна, я вчера был у Тавлуевой после вас, меня не хотели пускать, еле уговорил на пару минут. Александра Ионовна просила меня оказывать вам всяческое содействие. Я готов, располагайте мною, — с воодушевлением сказал он.

— Но я ещё не решила, возьмусь ли за то, чего хочет от меня Александра Ионовна, — возразила Вильма.

Данилов погрузился.

— Ваш отказ будет смертным приговором несчастным, которые только обрели надежду, — сказал он с горечью и отступил в сторону, пропуская её вперёд. — Не смею задерживать, но осмелюсь напомнить: я готов взять на себя организационную и черновую работу.

Вильма кивнула.

— В любом случае я вас поставлю в известность о своём решении.

— Ну, что там у неё? — Выходцев скорчил скептическую гримасу. — Допрыгалась, — неодобрительно сказал он, когда Вильма рассказала о своём визите в больницу, разумеется, умолчав о главной проблеме, волнующей Тавлуеву.

“Допрыгалась” было бы уместно применительно к экспансивной Перплёткиной, но никак не к степенной Тавлуевой, и в этой реакции было нескрываемое злорадство.

Он сел за стол Тавлуевой и углубился в её бумаги. Лена любопытствовала:

— Геннадий Михайлович, Александра Ионовна надолго слегла, что будет с её темой?

— Поправится, наверстаёт, выполнение спросится с неё, — буркнул он, видимо, ещё не решив, как поступить.

Весь день у Вильмы не шёл из головы сон. Почему он приснился именно теперь, когда она стоит перед выбором? Может быть, это подсказка? Ведь река — это жизнь, а туннель — страшно подумать. Женщина в белом — уж не Тавлуева ли? Но главное — в повозке была Майечка. Никак нельзя упустить шанс освоить метод Тавлуевой.

Вильма согласилась. Тавлуева дала ей ключ от своей квартиры, сказала, где находится методика, и пару вечеров допоздна Вильма постигла суть методики, оставаясь там и ночевать. У Александры Ионовны всё было расписано с мельчайшими подробностями. На каждую больную была заведена тетрадь, где фиксировался график вакцинации, дозировка, самочувствие. Здесь же были подколоты расписки больных о согласии на испытание. Эти расписки натолкнули Вильму на мысль, что неплохо бы и ей заручиться гарантией, что в случае положительных результатов она будет признана соавтором. Но на данном этапе говорить о соавторстве она посчитала преждевременным. Как бы в ответ на её мысли Тавлуева сама предложила:

— Вильма Антоновна, чтобы у вас была гарантия признания вашего соавторства, я заготовила соглашение, — Тавлуева достала из тумбочки два одинаковых листочка, в которых удостоверяла, что доверяет испытанию своей методики Касевановой, по завершении которых признаёт её соавтором.

Один экземпляр соглашения с обоюдными подписями остался у Тавлуевой, другой у Вильмы. Позже Вильма сообразила, что таким образом Тавлуева подстраховала себя от вероломства на случай, если бы Вильме



вздумалось присвоить авторство. Ничего обидного для себя она в этом не усмотрела — Выходцев обеим им преподал урок осторожности.

Она предприняла ознакомительный обход больных, попросив Данилова сопровождать её. Он предоставил ей в виварии клетушку, где в его дежурство Вильма могла брать кровь у проходящих туда больных, уносить к себе в лабораторию, не вызывая подозрений, так как по своей теме работала с кроликами, готовить вакцину и в назначенный день в той же клетушке вводить её больным. Это требовало от обоих известного напряжения и подвижности.

На первых порах она опасалась нежелательных реакций, поствакцинальных осложнений, но жалоб не было, напротив, женщины всячески старались её подбодрить, вселить уверенность в положительном эффекте. Наиболее впечатляющим примером, подтверждающим эффективность лечения, была Маруся, сестра Данилова, раньше других подвергшаяся вакцинации. По сравнению с тем, какой её впервые увидела Вильма зимним вечером более года назад, застав в кабинете с Тавлуевой, Маруся неузнаваемо преобразилась: посвежела, помолодела. Даже весной, когда болезни обостряются, она чувствовала себя неплохо. Однажды, придя на очередную процедуру, она сказала:

— Вчера была у Александры Ионовны, она хотела посоветоваться с вами, не пора ли мне показаться врачу, которая наблюдала меня до вакцинации. С тех пор я у неё не была, она, наверное, считает меня умершей.

К тому времени Тавлуева долечивалась дома. Вильме открыла Клава Глазкова, одна из пациенток, которые взяли шефство над своей спасительницей. Пожилая, худенькая, от природы наделённая цепким умом, тактом и талантом портнихи, она всегда была одета просто, но со вкусом.

Поблёкшая, одутловатая Тавлуева была удручена своим состоянием.

— Раньше я думала, что нет страшнее той болезни, — она не произнесла её название, но и так было ясно, о чём речь, — но без возможности передвигаться — это тоже не жизнь.

— Потерпите, Александра Ионовна, я написала в деревню, заказала траву живокость, она способствует заживлению костной ткани, её собирают в июле-августе. Попьёте, компрессы поделаете и поднимитесь, — сердобольно успокоила её Клава.

— Что бы я без них делала? — кивнула Тавлуева на неё, подразумевая и других, вытерла навернувшиеся слёзы. — Вильмочка, как вы думаете, не пора ли Марусе показаться врачу? Результат налицо. Врач зафиксирует его в карточке, что нам и требуется.

— Согласна с вами. Состояние Маруси стабильное, — ответила Вильма.

Они встретились снова в квартире Тавлуевой после Марусино визита к врачу.

— Алфёрова не сразу меня вспомнила, — рассказывала воодушевлённая Маруся, — долго читала историю болезни, даже усомнилась, моя ли это карточка, потом сказала: “Невероятно... видимо, произошла ошибка в диагнозе”.

Вильма с Тавлуевой переглянулись. Они без слов поняли друг друга. Официальная медицина скорее признает ошибочность диагноза, чем факт излечения.

Окончание следует.



Михаил СЕРБИН

“Наворожи мне долго жить...”

Воплощение

Бьётся память моя мотыльком об оконные стёкла,
О себе что-то важное вспомнить никак не могу.
Словно падаю наземь осенним листочком поблёклым,
Словно раненый конь, спотыкаюсь и снова бегу.
Я как будто бы вырос и вышел из брэнного тела,
Я бреду во вселенной уже сотни, тысячи лет.
Мне всё чудится, будто душа от меня улетела,
И теперь я иду, всё пытаюсь найти её след.
Ах, как медленно мы от грехов на Земле прозреваем,
Ищем души свои на пути, что как вечность далёк.
Ты прости нас, Земля, что мы грешной тебя называем,
Это наши грехи на тебе, как терновый венок.
Снова память моя из забвения тысячелетий
Воскресает в сознание моём и тревожит меня,
И мне хочется знать, кто мы есть, чьи мы всё-таки дети,
И мне кажется, я узнаю, кто же всё-таки я.
Только снова я бьюсь мотыльком об оконные стёкла,
О себе что-то важное вспомнить никак не могу.
Словно падаю наземь осенним листочком поблёклым,
Словно раненый конь, спотыкаюсь и снова бегу.

Лабиринт

Я как раненый зверь
Бьюсь о прутья железные в клетке.
В тупике, в тупике,
Лабиринты несбыточных грёз.
Где же дверь в эту комнату,
Полную смеха и света?
Но пока только комнаты,
Полные стона и слёз.
Я бегу, задыхаясь,
Из клетки я вырвался всё же.
Лабиринт не предел,
Я бегу до последней черты.
Я уже не надеюсь,
Что кто-то мне всё же поможет
И укажет на дверь,
За которой тот мир из мечты.
Я уже не один,
Только мы разобратсья не в силах.
Непонятно кто выстроил
Тот лабиринт и к чему.
Может быть, для того,
Чтобы нас в лабиринтах носило.



Кто же нам объяснит:
Почему, почему, почему?
Неужели опять
Чтобы вырваться к радости, свету,
Мы пробиться должны
Через все лабиринты из слёз?
Я опять кожу рву
О железные прутья, я в клетке,
В тупике, в тупике —
Лабиринты несбыточных грёз.
Я как раненый зверь
В дикой ярости клетку ломаю.
Я сквозь память пробьюсь
И сорву с своих плеч эту боль.
Видно, выпало так,
Что мы мечемся в поисках рая,
В лабиринтах обид и обмана,
Где каждый второй.
Не поэтому ли,
Задыхаясь, тупеем от злости?
Мы не верим уже
В то, что было, и в то, что придёт.
Мы опять в лабиринте,
Откуда нам выйти непросто,
Но в одно только верим,
Что всё это всё же пройдёт.

Старый дом

Старый дом, обвисли ставни,
А дверей — тех нет и вовсе.
Кто тебя, мой друг, оставил?
Кто тебя, мой друг, забросил?
Ты когда-то был покрепче,
Ты когда-то был повыше,
И в холодный зимний вечер
Многих согревал под крышей.
И в окошечке умытом
Отражался день погожий,
А теперь ты позабытый,
А теперь ты позаброшен.
Так и мы, пока живётся,
Всё спешим под небесами,
Для кого-то нам поётся,
Кто-то радуется с нами,
Кто-то тянется с любовью,
Кто бранит, не понимает,
Кто-то поделился болью,
Кто-то нас не принимает.
Но когда-нибудь случится,
Что под небом нас не станет,



К нам никто не постучится,
Позабудут и оставят.
Вот тогда закроем “ставни”
И уйдём в наш мир чудесный,
Никого будить не станем,
Будем петь друг другу песни.

К чему-то всё тянусь — не дотянусь,
И из чего-то вырваться не в силах.
Всё падает октябрьская грусть,
И холодно, и всё мне здесь не мило.

И в небе так тревожно, так темно,
И ветер листья втаптывает в слякоть.
И смутное желание поплакать
Стучится в запотевшее окно.

У протянутой руки

У протянутой руки
Позабывших, седовласых
Мир окрашен серой краской,
А глаза полны тоски.

У протянутой руки
Ни за что никто не спрошен.
Тяжела просящих ноша,
Подаяния легки.

У протянутой руки
Разноцветные одежды,
Боль утрат и свет надежды,
Покаянье и грехи.

У протянутой руки
Время Божью мудрость носит.
Кто-то милостыню просит,
Кто-то раздаёт долги.

Милосердия ростки
Словно шёпот еле слышный.
Сбереги же нас, Всевышний,
От протянутой руки!

Все мною прощены

Кто предал, кто обидел, —
Все мною прощены.
Чиста моя обитель,
Спокойны мои сны.



Завистник и хулитель,
Что мудростью бедны,
Побед моих ревнитель, —
Все мною прощены.

Обидчиков не помню,
Предателей забыл,
Чтоб не томиться болью,
Я к ним давно остыл.

У них своя дорога,
А у меня свой путь.
И ты их, ради Бога,
Прости и позабудь.

У пьедесталов

У пьедесталов свергнутым, забытым
Остались только мраморные плиты,
Куда приходят, вспоминая даты,
Идей забытых старые солдаты.
Приходят, вороша бывшие раны,
И сетуют на время ветераны,
О времени жалея безвозвратном,
Всё митингуют старые солдаты.
Но с каждым годом голос их всё тише,
Всё меньше их, уж многих мы не слышим.
Сейчас же ни идей, ни пьедесталов,
Лишь безысходность морщится устало.
Как беспощадно время старит лица!
И в будущем куда нам прислониться?

Наворожи

Наворожи мне долго жить
И, дай мне Бог, не одиноко!
Ты мне любовь наворожи,
Чтоб засияли счастьем окна.
И неумелою рукой
Наворожи бывшие чувства,
Пусть счастье потечёт рекой
По засыхающему руслу.
Из глубины моей души
Меня ничто уже не будит.
Поворожи, наворожи
О том, что было, том, что будет.
И что исчезнут годы лжи,
И мы найдём свою потерю.
Ты мне об этом Расскажи —
И я тебе ещё поверю.
Наворожи мне в час ночной,
Отбросив страсти суеверий,



Ты мне скажи, что предо мной
Ещё не все закрыты двери!
Я не прошу тебя о том,
Чтоб ты всю правду нагадала,
Дай мне надежду для начала,
А остальное уж потом!

Научи меня любить

Научи меня любить — я сумею,
Научи меня жалеть — пожалею,
Научи меня страдать — застрадаю,
Научи меня рыдать — зарыдаю,
Научи мечтать — и вырастут крылья,
Научи меня прощать — может, выйдем,
Научи красиво жить — постараюсь,
Научи не уходить — я останусь,
Научи меня не кланяться бедам,
Научи не предавать — я не предам!
А не сможешь — я тебя пожалею,
И признаюсь, что я сам всё умею.

Русалка

У речушки утром летним
Лес утих, как будто дремлет.
Над водой склонилась ива,
Рыбки плещутся игриво,
На траве роса искрится,
Костерок у ног дымится,
Словно сталь, вода блестит,
Кое-где туман лежит.
Время утреннего клёва
И хорошего улова,
Только страсти не скрывая,
Про рыбалку забываю.
Сладких губ своих не пряча,
Рядом юная рыбачка,
Шаловлива и нежна —
Мне дороже всех она.
Эти губы пахнут хмелем
Да ещё каким-то зельем,
И напиться — не напиться!
Ах, мне снится ли, мне снится:

Эта летняя рыбалка,
Эта милая русалка,
Что красива и юна,
И дороже всех она.
От росы встряхнулись травы,
Мы устали от забавы
И домой под шёпот леса
Уж идём, слагая песню:
На плече рыбачьи снасти,
А глаза сияют счастьем.
На тропе в лесной глуши
Мы хохочем от души.
Беспристрастно время мчится.
Изменились наши лица,
И семейные заботы
Отвлекают от чего-то.
Только кажется порою,
Всё идём мы той тропкою:
На плече рыбачьи снасти,
А глаза сияют счастьем.

г. Павлодар.



Александр СМИРНОВ

Миниатюры

Скорость

Шорох асфальта, гром мотора, ярость музыки. Колёса стремительно наматывают на себя полотно дороги. Сполохи света — разноцветные огни большого города — мелькают вокруг в необузданной шаманской пляске.

Мотор набирает обороты, стараясь поспеть за бешеным ритмом гитарного соло. Оно взвизгивает в крещендо и опадает, летит в неведомые дали, разрезая упругий воздух крыльями пентатоники. В погоне за гитарой нога сама нажимает на педаль газа, и скорость возрастает.

Под натиском скорости очертания домов по обеим сторонам дороги сливаются в единый массив, а свет фонарей превращается в бесконечную оранжево-белую ленту. Остаются позади светофоры, удивлённо взирающие красным оком в темноту, последние стражники безмолвных перекрёстков. Да и сам город вскоре исчезает в зеркале заднего вида. А скорость продолжает нарастать.

Ночь, схватившая в свои цепкие лапы дорогу, обволакивает её густой чёрно-синей пеленой, притупляет восприятие. Но гитарные риффы сменяют один другой, не давая ни секунды передышки. Автомобиль дрожит в погоне за ускользящим временем, и кажется, что колёса вот-вот оторвутся от земли.

Далеко впереди возникают две жёлтые точки — через несколько мгновений встречная машина с резким свистом проносится мимо, и вновь нет ничего впереди кроме тёмного горизонта.

Один такт, второй, третий, четвёртый... Визг тормозов, визг гитары, резкий поворот.. и снова газ, снова скорость, снова неудержимое соло...

Ночь

Ночь. Тёплый сумрак лениво переваливается через подоконник и затопляет комнату. Пушистым одеялом он обволакивает предметы, сглаживая острые углы.

Фонари за окном горят тусклым ровным светом, и свет этот, просачиваясь сквозь густую темноту, оставляет на полу и дальней стене бледный след, рисующий второе, вытянутое вдоль комнаты, окно на линолеуме и обоях.

Полуночным тигром на мягких лапах крадёт в глубине коридора кошка.

Александр СМИРНОВ

родился в 1986 году в Ярославле. Студент 5-го курса математического факультета ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Печатается с 2007 года. Миниатюры и фантастические рассказы публиковались в журналах “На любителя” (Атланта), “Техника — молодёжи” (Москва), “Золотой век” (Киев), “Супертриллер” (Москва), “Порог” (Кировоград), в DVD-приложении к журналу “Мир фантастики” (Москва), в сборнике “Новая волна. Созерцание бесконечности...” (Санкт-Петербург).

В “Ниве” выступает впервые.



Над спящим миром царит тишина, лишь изредка нарушаемая проносящейся по дороге машиной, стремительно и шумно разрезающей волны ночи.

Но, пролетев, машина исчезает во мраке, и воды смыкаются, плавным колыханием восстанавливая нарушенный покой. Капли времени продолжают падать, неслышно растворяясь в ночи...

Из цикла “Брызги на стекле”

Мёртвый лес

Сворачиваешь с тропинки в сторону, и обычная реальность словенно исчезает. Весёлый птичий щебет, яркие сочные краски летнего леса, особый, непередаваемый лесной запах — всё поглощается каким-то неведомым вакуумом на границе света и тени. Свет — живой лес, яркий и солнечный, тень — лес мёртвый. И разделяет эти два леса лишь тропинка.

То, что лес мёртв, и мёртв уже давно, видно с первого взгляда. Стройными рядами безмолвных стражей стоят тёмные ели с серой, засохшей хвоей. На ветвях растянута обширная паутина, в центре которых сидят их хозяева — пауки, большие — издали отчётливо виден светлый крест на сером брюшке. Паутина необычайно липкая — собьёшь такую случайно лицом и придётся долго счищать с себя тонкие нити. В воздухе не слышно ни звука, шаги утопают в толстом мягком ковре тёмной старой хвои, сквозь который не пробивается ни единой травинки, и лишь бледно-фиолетовые поганки с трудом поднимают свои наполненные ядом головы на дистрофической ножке. Воздух в этом лесу затхл и душён.

Чем дальше углубляешься в этот лес, оставляя свет и зелень позади, чем больше мрак завлакивает зрение, чем больше одинаковых тёмных безмолвных стражей обступают тебя со всех сторон, тем слабее становится чувство реальности, и страх, неведомый и беспричинный, сковывает ледяной рукой сердце, и жутко становится на душе, и она рождает безмолвный протяжный крик, вынуждающий повернуть назад, идти обратно как можно скорее, стараясь не сорваться на бег, и бежать, бежать из этого мёртвого леса, бежать к свету и теплу.

Башня

Высокая башня. Ни входа, ни выхода. Обволакивающая темнота, едва различимы контуры предметов. Затхлый воздух. Уходящая в черноту лестница нависает над головой каким-то ирреальным чудищем. Гулко раздаются во тьме шаги по старым заржавленным ступеням лестницы. От долгого восхождения наверх сводит ноги. Но вот где-то наверху появился заглушённый толщей тьмы лучик света. Стремление достичь этого света, стремление выбраться из мрака притупляет усталость.

Залитая солнечным светом терраса на самом вершине башни. Вокруг башни простирается голая, бесплодная равнина, в отдалении блестит узенькая полоска моря, притягивающая к себе уставший разум. Но до земли — километры пустого пространства, и в свете умирающего дня возникает щемящее чувство безнадежности и бессилия от осознания невозможности вырваться отсюда.



Жизнь в тумане

Он стоял на ветру у дороги. Туман застилал город. Туман опутывал его, проникая в глаза, уши, нос, добираясь до лёгких. Туманные силуэты домов... Из тумана, рассекая его светом фар, выезжали автомобили, размытые контуры которых напоминали судьбу человека, если бы её изобразили на бумаге. А он всё стоял. Мимо него с протяжным низким гулом пронеслись автомобили, появляясь из ниоткуда и возвращаясь в никуда.

А он продолжал стоять. Неясные звуки вокруг него складывались в музыку, музыку, похожую на саму жизнь.

И он стоял и слушал эту печальную музыку жизни, и некому было сказать ему, что не стало ни его, ни человечества, ни жизни, что в ужасной ядерной вспышке погибла планета Земля.

Он всё слушал таинственную музыку, и его сознание продолжало существовать в невидимой субстанции, оставшейся от Земли, по инерции двигавшейся в глубины космоса, и его сознание продолжало видеть свой последний бесконечный кошмар.

Степь

Космический корабль при приземлении провалился в мягкий грунт. Покинув его, космонавты, покашливая, вышли в степь.

А ей, похоже, до них не было никакого дела. Она жила собственной жизнью. Степь колыхалась, как океан, в густом мареве, пробиваемом лучами тусклого солнца.

Как заворожённые, смотрели космонавты на степь, пока она не поглотила их, превратив в одну из волн.

Ирреальность

Темнота вокруг не устаёт бороться с рассекающими её вспышками молнии, источник которых невозможно уловить взглядом; такое впечатление, будто они появляются отовсюду: из земли, с неба, из воздуха. Неестественные звуки летают в пространстве, сталкиваясь, разлетаясь и обволакивая своей сущностью всё окружающее, притушая восприятие действительности. Мимо движутся неясные тёмные силуэты, появляясь из ниоткуда и в никуда возвращаясь, и исчезая в безвестности. Все мысли и чувства прячутся где-то в глубине сознания, сужая рамки восприятия, запирая его в границах телесной оболочки, не пуская его наружу. И окружающие эту оболочку ирреальные картины и явления, словно суть чужого мира, непонятного и пугающего. Но ничто, даже пронизывающий ветер, не в силах вызволить сознание из его тесной клетки и пробудить логику. И по сравнению с загнанным в угол разумом окружающая и стремящаяся его поглотить ирреальность беспредельна...

Дождь

Шёл дождь... Капли барабанили по крыше, застывали бусинками на стекле и скатывались по нему, оставляя за собой мокрый след. Дождь шёл, выбивая в земле маленькие ямки, тут же заполнявшиеся водой. Капли падали на листья деревьев, извлекая каждая свою ноту, и от дубравы летела шелестящая мелодия симфонии — симфонии дождя. В воздухе чувствовалась атмосфера спокойствия и тихой грусти. А симфония дождя продолжала звучать. Казалось, время прекратило свой бег, вслушиваясь в эту мелодию. Пройдут годы, на смену человеку придёт более совершенное существо, но всё так же будет идти дождь, даря свою музыку всему живому на планете Земля.



Мгла

Он стоял на площади в центре города. Был один из тех летних дней, которые наполняют сердце радостью и стремлением сделать что-то невозможное. В синем безоблачном небе ярко светило тёплое летнее солнце, отражаясь в зелёных листьях деревьев, колеблющихся под лёгким ветерком.

Но, несмотря на атмосферу радости, в его душе шевелилось смутное предчувствие чего-то необычного, ирреального и пугающего. Однако в такой день невесёлые мысли не могли поглотить сознание, и он гнал их прочь.

Он продолжал стоять на площади, любясь городом в лучах солнца. Мимо проходили люди, и казалось, что они идут медленнее, чем обычно, то же поглощённые прекрасной картиной.

Вдруг со стороны реки, протекающей недалеко от площади, но скрытой от взора домами, появилась туча непроницаемого чёрного цвета. Она быстро приближалась и вскоре закрыла собою полнеба. Солнечный свет померк, звуки затихли и затаились в предчувствии чего-то, чему нельзя дать определение. Подул сильный, пронизывающий до костей ветер, пригибая деревья к земле. Туча продолжала наползать на город и через несколько мгновений закрыла всё небо. Мгла опустилась на город, накрыла его непроницаемой чёрной пеленой, и в этом мраке поселился ужас...

Автобус

*К стеклу прильнув лицом, как скорбный страж,
А подо мной внизу ночное небо,
А на мою ладонь легли равнины
В недвижности двойного горизонта.*

Поль Элюар

Последний автобус двигался по пустынной дороге. Была глубокая ночь. Он сидел у окна в почти пустом салоне и смотрел на оранжевые огни, монотонно возникавшие из черноты и пропадавшие. Слегка дребезжал на неровностях дороги старый автобус. Шуршали по мокрому, от недавнего дождя, асфальту шины.

Вдруг все звуки автобуса смолкли, вереница огней за окном и темнеющий за ней лес стали смещаться вниз. Автобус взлетел.

Немногочисленных пассажиров этот факт, по-видимому, не смутил, и он решил не показывать своего волнения и обратился к расстелившейся за окном картине.

Автобус поднимался всё выше. Вскоре стали неразличимы контуры спящих домов, и город превратился в тончайшую светящуюся паутину, выделяющуюся среди лесов и полей бескрайней равнины.

В поразительно ясном небе ярко светились звёзды. Появившаяся луна озарила ночной пейзаж своим мертвенно-бледным светом. Город исчез из виду, остались лишь призрачные просторы.

Автобус стремительно покидал атмосферу спящей планеты. Воздух выходил из многочисленных щелей, и пассажиры стали задыхаться. Печально сияла залитая лунным светом равнина.

С резким шумом распахнулась дверь автобуса. Он проснулся и то ли с облегчением, то ли с грустью вздохнул, поняв, что это чудесное приключение ему просто пригрезилось.



Море

*Я вижу, как волны смывают следы на песке,
Я слышу, как ветер поёт свою странную песню,
Я слышу, как струны деревьев играют её,
Музыку волн, музыку ветра.*

Виктор Цой

Набережная сверкает разноцветными огнями. Призывно распахнуты двери ресторанов, магазины зазывают покупателей яркими витринами. В ночном воздухе разлит пряный восточный запах. Из дверей дискотек доносится музыка. По набережной прогуливаются люди.

Но ноги несут меня прочь от бурлящей городской жизни сюда — на пляж. Сейчас здесь темно, а вокруг — ни души. Шуршащий под ногами песок, нагретый за день солнцем, уже успел отдать своё тепло морю. С глухим рокотом раз за разом накатывают волны и разбиваются о берег. В воздухе витает солёный запах моря. В небе стоит полная луна, проводя по слегка колеблющейся поверхности моря голубую дорожку света. А волны продолжают играть свою извечную музыку. В душе возникает необычное, неподдающееся определению сильное чувство, слившее воедино все человеческие чувства и эмоции от необъяснимой радости до первобытного страха. Душа отправляется в свободный полёт, рождая всевозможные цепочки необычайно ярких ассоциаций. Все поры тела впитывают в себя парящее в воздухе вдохновение...

Колодец

Тёмный квадрат и стены. И окна, много окон, но нет дверей... Этажи... один... два... пять... десять... пятнадцать... и дальше... и окна всё выше и выше... А на самом верху — квадратный кусок голубого неба, и солнце отражается в верхних окнах. А здесь внизу — лишь мрак, как на дне колодца, и страх, и ужас, и окна, десятки, сотни окон, тупыми, тёмными глазницами взирающих в пустоту. Окна — бессмысленная насмешка. Зачем они? Всё равно за ними лишь стена, серая бетонная стена, не пропускающая ни свет, ни звук, ни воздух... Сотни окон — и лишь стены смотрят сквозь них. И только сверху нет бетонной крышки — одно измерение, но единственное недоступное, издевательски оставлено неограниченным...

Две тьмы

Город погрузился в сумерки и готовился отойти ко сну. Внезапно откуда-то с севера на хвосте ветра прилетели две тьмы: светлая и чёрная. Борясь в жестокой схватке, сталкиваясь и разлетаясь, они пронеслись по улицам, площадям и паркам города, будоража и пугая его обитателей, пробуждая их ото сна, и не было видно этой схватке конца...

Текли часы, просачиваясь сквозь ткань времени. Ночь набирала обороты, густея и наливаясь чёрной краской, и вместе с ночью набирала силу и полыхала чернотой чёрная тьма. Схватка, достигнув своего апогея, близилась к развязке. Светлая тьма с каждой секундой слабела, теряла силы и изнемогала под осыпавшими её безжалостными ударами. Вскоре она была сломлена очередным сокрушительным ударом и погибла. Чёрная тьма блеснула чернотой и восторжествовала. Теперь ей уже ничто не мешало...

Чёрная тьма завладела городом...



Часть мира, которого нет

За окошком густой туман. Видимость — метра два, не больше. Туман заслонил все предметы и звуки, и кажется, что комната вырвана из контекста времени и пространства. И пускай за дверью длинный гулкий коридор, пускай за туманом город, но — здесь и сейчас другой мир, в комнате — иное пространство, и время течёт иначе.

Что сегодня — среда или воскресенье, февраль или июль — неважно. Здесь есть лишь сейчас и когда-нибудь. Право-лево, не всё ли равно, когда есть только здесь и где-то. Здесь — комната, и сейчас она парит где-то в густо-молочном тумане, и когда-нибудь она будет где-то ещё. И пространство-время не трёх- и не четырёхмерно, оно бесконечномерно, оно способно изменяться в любом направлении, и не существует однозначного определения для здесь и сейчас, кроме как что это не где-то и когда-нибудь, так же, как и где-то и когда-нибудь — это не здесь и не сейчас. И как карандаш, падая со стола, прочерчивает свой путь в пространстве-времени, так может он прочертить его в обратном направлении...

Туман за окном начинает рассеиваться, и вскоре силуэты домов, появившись, вернут комнату из мира, которого нет, в привычную реальность, а возможно, ещё раньше это сделает кто-то другой, просто открыв дверь в коридор. И останется лишь смутный вопрос: а какая реальность реальнее?..

Поезд

Ночной мороз сжимает землю в своих ледяных объятьях, обволакивает укрытый одеялом темноты мир, фиксируя его форму, сплавляя её с сущностью ночи. Содрогаются усталый металл рельсов, разнося далеко вокруг стук колёс движущегося сквозь ночь поезда. Состав проезжает, но отзвук его ещё долго остаётся в жилах металла, внезапно пробуждённого от своей ледяной дремоты неожиданным появлением поезда.

А тем временем поезд продолжает свой путь сквозь ночь, оставляя позади вёрсты пути, спящие леса, поля и селения, большие и маленькие, нарушая их покой монотонным перестуком своих колёс. Этот звук достигает и центра, и окраин городов, проникая, пусть и не сразу, в сознание немногих бодрствующих жителей, унося их мысли к далёкому поезду, держащему свой путь в неизвестность.

Но никто в поезде уже не помнит, куда же он движется — так давно осталась позади отправная точка, что и её забыли. Все настолько свыклись с постоянным движением, что не смогли бы наверняка сказать, быстро или медленно они едут. Единственное, что было определённо, так это направление — вперёд, да ещё мороз, неотрывно сопровождавший поезд на всём пути (или, может быть, это поезд сопровождал его). Дни и ночи сменяли друг друга и складывались в недели, месяцы и годы, а поезд всё также неуклонно продолжал свой путь в неизвестность.

г. Ярославль.



Елена ОВСЯННИКОВА

“Ты меня не меняй...”

Мы потеряли время

Мы потеряли время.
Бегая по пространству,
Тянем седое бремя,
Тщимся о постоянстве.

Нет постоянства в мире!
Мы — постояльцы судеб.
Там, где пространство шире —
Веру безвременье губит.

Мы потеряли время...
Жизнь колесом несётся.
Ноги замкнуты в стремя,
Наше спасенье — Солнце!

Мы рождены от Солнца.
Это врата в начало.
Время придёт — вернёмся,
Как корабли к причалу.

Время придёт — отчалим
Всё начинать с нуля.
Снова на плечи взвалим
Меру.
Прими, Земля!

Памяти Ольги Ревякиной

Вымолви — красным по белому,
Вымоли — стон в тишине.
Что же плохого мы сделали?
Волки. На полной Луне.



**Елена
Михайловна
ОВСЯННИКОВА**

родилась в г. Омске 16 марта 1976 года. Творческий путь начала в омском театре миниатюр “Крыша”. Работала арт-директором омского продюсерского центра “Честь имею”. Переехав в Москву в 2005 году, работала зам. главного редактора в книжном издательстве “Гармония”. С февраля 2007 года директор группы “Калинов Мост”.



Только любили, так преданно...
Кто-то завидовал нам.
Пуля. А дальше — неведомо.
Пуля и ржавый капкан.

Вырвали. Сердце горячее.
Вызвали. Ветер на бой.
Бьются слепые со зрячими.
Нас не поделят с тобой.

Смейся. Так легче, любимая,
Смоется алая кровь.
Белыми летними ливнями,
Травами вырастем вновь.

Вымолви — красными маками.
Вымоли — плеском воды.
Вычерти — белыми знаками
Наши с тобою следы.

Когда мои глаза открыты —
Ты засыпаешь в тишине.
Когда же мною дни забыты —
Ты вспоминаешь обо мне.

И так извечно — два синхрона,
Друг друга пробуем, как сок.
В системе вечного закона —
Где жизнь и смерть — на волосок.

За пристанью — росстань

За пристанью — росстань.
Дотронься плеча моего.
Пускай же последние слёзы
Осушат мои поцелуи.

Молчи — так понятно и просто.
До боли в груди горячо.
И бело-молочные росы
Умоют ладони июля.

А завтра — забудь на рассвете,
На год и на два, как сумеешь,
Мою облетевшую осень...
Как будто ты мною болеешь.
Как будто с тяжёлым недугом
Ты борешься долгие ночи.
Во сне постаревшая вьюга
Моё возвращенье пророчит.



Ты верь. Я вернусь, я сумею.
Дотронься моей седины.
Крылья мои расправит
Верность твоя — лебединая.

Я тоже тобою болею.
Мы просто друг другу нужны.
Так пусть же нас солнце сплавит
Как белое с чёрным — в единое.

Дмитрию Ревякину

Такой же гордый и красивый,
Как будто молодость назад...
Твою беспечность заключили
В колючий проволочный ряд.

Тебя нещадно вырезали,
Кусками рваными края.
Разбиты в пух и прах скрижали,
Опять дорога-колея.

Не рвись, твоя награда — Время.
Храни надежду и покой.
Ворвётся яростное племя,
Забрызжет новое рекой!

Система, та, что рвёт и гложет —
Свой хвост вглотившая змея.
И лопнет липнувшее ложе,
И вспыхнут мокрые края!

Так тихо...
Ткутся откровенья.
На чистый лист ложится слог.
Всё было,
Всё пришло в забвеньё.
Проснись же —
Новый ждёт урок!

Молчишь

Молчишь.
Надменные ты сушишь волны взглядом.
И в утреннем тумане предрассветном
Неясно, кто намереньем испит,
А кто разлит.
Песок впитает влагу.
Гладкий камень
Скользнёт с твоей ладони в глубину
И там уснёт,
Тебе даруя пробужденье — брызгами.



Тепло...
 И бриз морской тебя ласкает и щекочет,
 Играет в волосах твоих
 Так весело и озорно...
 Но что же? Тоска в глазах твоих неизмерима
 И глубже впадин тёмных в этом море...
 Молчишь.
 Как надышаться этим ветром?
 Как россыпи хрустальные запомнить,
 Впечатать чувствами куда-то там, в душе?
 И чайкой острокрылой юркнуть в небо...
 И где рецепт всей этой красоты?!
 Как сотворить её?
 Пророс корнями посох, и на древке
 Листва зазеленела молодая.
 Творение...
 Как много размышлений.
 И кем и где оно осуществимо?
 Но в этом мире жизнь и смерть — едины.
 Меж ними искра теплится огня.
 И ты, помыслив, понимаешь —
 В одиночку
 Кресалами времён не высечь искру,
 Костёр священный
 В одиночку не зажечь.
 Кто человек?
 Когда один...
 Не веришь.
 И взглядом провожаешь в небе пару
 Птиц белых — легкокрылых лебедей.
 Молчишь.

Будто белая птица

Целуются в поле колосья
 И трогает ветер траву.
 На небе румяной полоской
 Ласкает рассвет синеву.

 Вот реченька к берегу жмётся
 И шепчется нежно листва.
 Руками косматого солнца
 Взьерошена древ голова.

 Лишь я, будто белая птица,
 Без ласковых рук — на ветру.
 И в стёкла оконные биться
 Синицей лечу поутру.

 Но свет из окошек не греет,
 Лишь грезит подрезать крыла.
 А если летать не сумею,
 Скажи, для чего я жила?!



И давят холодные стены,
Где вместо небес — потолки.
Уж лучше я водами Лены
Ворвусь в сердце русской реки.

Быть может, тогда ты услышишь
Мой клич в половодье весны.
И твёрдо три слова напишешь,
Которые сбывтся должны.

Шепнёшь над водой заговоры,
Запаяшешь под песню огня.
Под небом, расшитым узором,
Ты выберешь в жёны меня.

Мы будем во ржи целоваться,
Купаться в игристой реке,
В зелёной дубраве венчаться...
И жить — от молвы вдалеке.

Спой мне, ночная звезда

Солнце садится за крыши.
Где горизонт? Подскажи.
Ветер тебя не услышит —
В городе шумная жизнь.
Как там, над облаком пенным?
Тенью стального крыла
В город — кусочек вселенной —
Ночь подремать прилегла.
Звёзды? Уже позабылись...
В плеске огней-фонарей
Как же давно мне не снились
Лица любимых людей!
Только углы-коридоры.
Столько вопросов вперёд!
Тихо колышутся шторы —
Жизнь по дороге идёт.
Плавно идёт, незаметно.
Кадры мелькают — года.
Как докричатся до ветра?!
Спой мне, ночная звезда...

Бежит, летит, струится время,
Вращая стрелки дней и лет.
Здесь жизнь одних — тоска и бремя,
А жизнь других — лучистый свет.
Свою судьбу мы строим сами,
Надеясь, веря и любя.
Здесь каждый миг под небесами
Зависит только от тебя!



Никто не может так любить,
 Чтоб чувство длилось бесконечно.
 Вот вьётся-вьётся в сердце нить...
 И обрывается беспечно.

Нас ловят, словно мотыльков,
 В светильник, с умыслом зажжённый —
 Так много сил и чувств, и слов...
 Всё ляжет пеплом напряжённым.

Так происходит почему,
 Решается “по умолчанию”?
 Известно Богу одному —
 Его прозрачному молчанию.

Тогда зачем, ответит кто,
 Мы любим в этих стенах мира?!
 А Бог надел своё пальто
 И тихо вышел из эфира.

Как будто некая игра,
 Где люди — меченые пешки.
 Всё то, что грезилось вчера,
 Расплылось в знающей усмешке.

И только эхо тишины
 Его усмешкой отразилось —
 Здесь иногда мы видим сны...
 И это чувство нам приснилось.

Ты меня не меняй

Ты меня не меняй
 На осинный ветер,
 На холодную рябь
 Почерневшей воды.

Вот и славно, кудрявый,
 Ковыль одинокий!
 Может, кто-то посмеет
 Надломить этот стон.

По ладоням сверяй
 Тех, кого ты не встретил,
 И под снегом читай
 Вековые следы.

Для кого-то забава —
 Весенние соки
 Необузданной лавой
 Отпить в перезвон.

А весна — это завтра —
 Берёзовой веткой
 На щеке нарисует
 Зелёную нить.

Может быть, это правда...
 А может — приснилось.
 Ты меня не люби,
 Ведь любовь — это хмель.

И замечется сердце
 В заброшенной клетке,
 Так захочется плакать
 И по-новому жить!

Просто дикое сердце
 В ветвях заблудилось,
 Где берёзу ласкает
 Колючая ель.

Разбежаться бы,
 Прыгнуть в небо —
 Головой в облака окунуться.
 А потом средь колосьев хлеба
 На заре молодой проснуться.
 И бежать босиком вприпрыжку
 До весёлой сестры-дороги,
 Быть девчонкою и мальчишкой
 И творить, как седые боги.
 Чистым быть и, как воздух, свежим.
 Хвойный дух, аромат малины.



Колокольчиком звонко, нежно
Песню лить на свои долины.
И смеяться, как в небе солнце.
Восхищаться грозой могучей,
Млечной струйкой звенеть о донце —
Что на свете бывает лучше!?

Это детство моё мне пишет,
Ставит кляксы, в лицо хохочет.
Это счастье — себя услышать
Накануне осенней ночи!

Пора

Ушёл нелёгкий день. За ним прокралась ночь.
Тёмными косами, синими звёздами...

Я ли твоя меньшая сестра?
Имя моё — в искрах костра,
Руки мои — в рунах ручья,
Воля ветров — песня моя.

Научи меня жить, научи меня видеть,
Ночь звёздноокая, вольная странница...

Я ли твоя верная суть?
Вера моя — выстелит путь,
Веда моя — травы лесные,
В сердце моём — бьётся стихия!

И ликом луны заморожены взоры.
И тянется лентой реки молоко.
Ночь горделивая, тайны царица...

Я ли твоё отражение снов?
В сердце моём — бьётся любовь.
Озёра глядят — моими глазами,
Роса серебрится — моими слезами.
Вчерашнему дню до земли поклонюсь.
Как тонкая ива, где иволги песня.
А утро подарит хорошие вести...
И царство зари восхитит города!

Я ли твоя меньшая сестра?

И красное солнце ответит:
— ПОРА!



Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
писатель, академик Международной
академии информатизации

Пусть всем достанет мудрости отца

Мои авторские интересы во многом связаны с научной сферой, в которой меня особенно привлекают яркие деятельные личности, добивающиеся впечатляющих практических результатов. В их числе и Казбек Абылкасович Сагинов — доктор экономических наук и кандидат технических наук, академик РАЕН, профессор, ректор Карагандинского негосударственного университета бизнеса, управления и права. Кстати,



Ректор Карагандинского негосударственного университета бизнеса, управления и права, академик, доктор экономических наук Казбек Абылкасович Сагинов.

его отец — известный учёный, Герой Социалистического Труда, академик Абылкас Сагинович Сагинов. И можно с уверенностью утверждать, что сын достойно идёт по стопам своего отца и тоже сумел покорить не одну вершину науки.

В частности, Казбек Абылкасович первый из учёных республики издал книгу «Маркетинг сферы образовательных услуг». Вышла она в Москве в издательстве «Триада» ещё в 1998 году, то есть в самое горячее и сложное время перехода к рыночным отношениям и становления частных учебных заведений. Автор связывает маркетинг сферы образовательных услуг с подготовкой конкурентоспособных специалистов, так необходимых в условиях реструктуризации экономики.

Книгу К. А. Сагинова высоко оценил заведующий кафедрой маркетинга Всероссийского заочного финансово-экономического института Академии экономики, финансов и права, доктор экономических наук, профессор, академик Г. А. Васильев, назвав её «новым взглядом». Он выразил уверенность в том, что она породит новые исследования в этой области. И действительно, к книге Казбека Абылкасовича потянулись сотни учёных СНГ, на неё ссылаются в десятках трудов. Доктор экономических наук Р. Джапарова свою книгу «Маркетинг услуг профессионального образования: теоретические основы, концептуальные подходы, методические положения» (Бишкек, 2004) сплошь оснастила цитатами из



труда К. А. Сагинова. Она считает, например, что его определение маркетинга образовательных услуг “самое лучшее из всех известных”. Р. Джапарова подчёркивает, что он внёс крупную лепту в развитие основ маркетинга, разработал не только перечень возможных стратегических позиций вуза на рынке, но и модель системы оценки качества образовательного процесса в учебных заведениях.

В 2003 году Казбек Абылкасович защитил в Москве в Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова докторскую диссертацию по маркетингу сферы образовательных услуг в условиях реструктуризации экономики региона. А вскоре его избрали действительным членом Российской академии естественных наук.

Значителен вклад К. А. Сагинова в организацию и становление частного образования в Казахстане. Будучи крупным теоретиком в области маркетинга образовательных услуг, Казбек Абылкасович на практике доказал, что наука — движущая сила общества. Руководя бизнес-колледжем, он в 1996 году преобразовал его в негосударственный Карагандинский университет бизнеса, управления и права (КУБУП). И в этом большом деле он получил огромную моральную поддержку своего отца.

Следует сказать, что Абылкас Сагинович относился к той категории людей, которые всю жизнь развиваются, не довольствуясь старым багажом знаний. Он был убеждён, что прежняя система нуждалась в коренных реформах, а создание и существование негосударственных учебных заведений давно поддерживалось и диктовалось мировым сообществом. Он часто приводил такой факт: среди 500 лучших вузов мира только один государственный — это МГУ имени М. В. Ломоносова, остальные частные. Выступая на совещании, которое проводили Всемирный банк развития и Министерство образования и науки Казахстана, его сын Казбек Абылкасович говорил, что несвободный вуз, каковым является любой государственный вуз, не может подготовить свободную личность, мыслящую масштабно и вольно. Бывая за рубежом, Абылкас Сагинович сам убеждался в преимуществах частного образования, в основе которого были индивидуальное обучение студентов, педагогика научного сотрудничества преподавателя и обучаемого. И всё же когда сын поделился с ним замыслом создать негосударственное частное учебное заведение, Абылкас Сагинович проявил осторожность: надо ли? И только под напором аргументированной убеждённости сына сдался: попробуем, а вдруг получится! Тем более что обстоятельства круто менялись, начались рыночные отношения.

Со временем Абылкас Сагинович стал сторонником Казбека, убеждённого в необходимости реформирования образования, перевода его на рыночную основу. Одно время он даже возглавил начатое Казбеком дело, являясь президентом вновь организованного негосударственного университета.

Он отлично понимал своего сына, отмечая, что у того развито и политическое, и экономическое чутьё, и не раз говорил мне об этом. В 2005 году во втором издании книги “О пройденном пути” Абылкас Сагинович даже отметил успехи сына и КУБУПа в обучении и воспитании специалистов разного профиля, умеющих свободно владеть иностранными языками. Абылкас Сагинович, в частности, писал: “Весной 2002 года КУБУП выиграл тендер на право профессиональной подготовки немецкой молодёжи



Республики Казахстан, объявленный представительством Германского технического центра по сотрудничеству. И на основе договора за счёт грантов правительства Германии в университете ежегодно обучается 20 человек, преимущественно немецкой национальности. Германская сторона, удовлетворённая качеством предоставляемых образовательных услуг, пролонгировала договор, и сотрудничество КУБУП с Германией продолжается и поныне.

Следует также отметить, что в лицее КУБУПа ведётся углублённое изучение двух иностранных языков, до 10 часов в неделю. Прижилось эксклюзивное пятилетнее обучение немецкому языку по программе *Sprachdiplom II*, обладатели которого могут поступить в любой вуз Германии, не сдавая обязательный языковый экзамен.

КУБУП сегодня способен готовить востребованных специалистов в области экономики, финансов, лингвистики, информационных технологий и права.

Хотелось бы остановиться ещё на одном факте. Весной 2002 года я встретился с тогдашним акимом Павлодарской области Д. К. Ахметовым и предложил в КУБУПе вести подготовку учителей по английскому языку за счёт бюджета области. Это предложение с одобрением приняли, и было выделено 16 грантов за счёт бюджета области. На выделенные места были зачислены ребята из Баянаульского и Майского районов. При прохождении ими промежуточного государственного контроля после второго курса они набрали от 68 до 93 баллов. Это был прекрасный результат (сегодня, забегая вперёд, скажем, что все грантники, поступившие в КУБУП из Павлодарской области, ныне успешно трудятся в сельских школах Прииртышья, обучают детей сельчан иностранным языкам. — **Авт.**). Это большой успех, и его надо развивать дальше, и такой ценный опыт заслуживает всяческого распространения.



К. А. Сагинов поздравляет коллегу, проректора по учебной работе КУБУПа Александра Михайловича Кочкина с наградением юбилейной медалью, выпущенной к 10-летию Парламента РК.

Кстати, о качестве подготовки специалистов. Вызывает удовлетворение, что руководство и коллектив КУБУПа уделяют серьёзное внимание обучению специалистов с учётом трудностей перехода к рыночным отношениям в образовании. Доказательством тому может служить то, что в мае 2003 года председатель сената ФРГ, профессор Вольфганг Бемер, находясь с официальным визитом в Республике Казахстан, посетил КУБУП и отметил высокий уровень подготовки студентов. Определённый успех в языковом обучении достигнут благодаря тому, что на протяжении шести лет руководил деканатом и кафедрой иностранных языков специалист из США Джозеф Викар.



Хочется подчеркнуть, что Карагандинский университет бизнеса, управления и права стоит на правильном пути подготовки специалистов, и пожелать его коллективу, преподавателям, сотрудникам успехов в дальнейшем развитии”.

В знак уважения к отцу, его памяти Казбек Абылкасович учредил в университете студенческие премии его имени, установил гранты академика А. С. Сагинова для учёбы молодых в аспирантуре. Уже более 20 студентам и выпускникам были присуждены эти премии и гранты. Это, безусловно, дало и даёт молодым ещё больший стимул к учёбе, побуждает их углублённо заниматься наукой, следовать примеру академика А. С. Сагинова.

Казбек Абылкасович вспомнил, что, когда областной филиал республиканской партии “Отан” учредил две премии имени А. С. Сагинова и вручил их студентам КарГТУ, то Абылкас Сагинович сказал:

“Премий учредили маловато. Но, как говорится, дорог не подарок — дорога любовь. И всё же я надеюсь, что придёт время, и для самых талантливых ребят премий станет значительно больше”.

Сегодня в КУБУПе более тысячи студентов. Как говорил Казбек Абылкасович на торжественном собрании по случаю 60-летия ректора КарГТУ Г. Г. Пивня, “горячее дыхание КУБУПа ощущает за своей спиной даже такой престижный вуз, как государственный технический университет”. А всё дело в том, что количество абитуриентов КУБУПа с каждым годом возрастает. И секрет этого прежде всего в эффективности обучения студентов, их высокой профессиональной подготовке и коммуникационной готовности, умении пользоваться компьютерной техникой, владеть иностранными языками, знать психологию и этику общения. Характерной чертой выпускников КУБУПа стала их рыночная востребованность — как правило, уже на четвёртом курсе их “разбирают” работодатели.

Безусловно, этому способствует “знак качества” услуг образования, предоставляемых коллективом КУБУПа. Мне, например, импонирует, что сын академика, будучи ректором частного вуза, готовящего в основном предпринимателей, управленцев, правоведов, не забывает завет отца: воспитай не только специалиста, но личность! И Казбек Абылкасович мне несколько раз повторял, что высшее образование, в том числе инженерное, должно быть “гуманистически направленным, духовно возвышающим”.

Он также, как его отец, постоянно заботится о сотрудничестве вузов и предприятий, практической значимости знаний выпускников. Для этого в программах университета всё больше места занимает бизнес-практика студентов непосредственно в различных компаниях и фирмах, на производстве и предприятиях сбыта продукции, которые являются лидерами в новых экономических условиях. Есть ли конкретные примеры? Да, есть. Многие выпускники КУБУПа проходят бизнес-практику на таких ведущих предприятиях, как корпорации “Арселор-Миттал Темиртау”, “Казахмыс”, “Кока-Кола Алматы Ботлерс”, “Казкоммерцбанк” и других. Совершенно очевидно, что эти питомцы КУБУПа (а уже состоялось семь выпусков) получают работу на данных предприятиях после окончания вуза, где трудятся и поныне.



К. А. Сагинов с группой сотрудников университета и представителями США.

Основной костяк преподавателей частного вуза — это выпускники Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова, Карагандинского технического университета, Томского политехнического университета. Благодаря их высококачественным образовательным услугам КУБУП даёт обществу хорошо подготовленных специалистов в области иностранных языков, экономики и менеджмента, маркетинга и коммерции, информатики и теплоэнергетики.

Когда дела спорятся в возглавляемом тобой учебном заведении, у тебя и настроение прекрасное. Новый 2008 год Казбек Абылкасович встретил со своей семьёй на приусадебном участке. Показывая мне посаженные им ели, сосну, сибирский кедр, Казбек Абылкасович сказал:

— Вот видите: можно и в черте города иметь свой Каркаралинск.

И тут же опять заговорил о КУБУПе, его дальнейшем развитии...

Когда встречаюсь с Казбеком Абылкасовичем, то каждый раз отмечаю про себя: как он похож на Абылкаса Сагиновича! И не только внешне, но и внутренне. Казбек Абылкасович напоминал мне его отца манерой беседовать неторопливо и умно, держаться солидно и в то же время просто, как подобает большому учёному, руководителю. Он, безусловно, как и его отец, человек незаурядных организаторских, научных и педагогических способностей. У него ещё впереди немало славных дел, ведь он верен дороге творчества и созидания, по которой шёл его легендарный отец.



Герольд БЕЛЬГЕР

Плетенье чепухи

(Окончание. Начало в № № 8, 9 за 2008 год)

Перелистываю и перечитываю отдельные куски из изящно изданной книги Фариды Байгельдинова “Итальянские наброски” (А., 2006). Уникальная книга! Она не написана, а любовно сотворена своеобразным, талантливым человеком-художником, поэтом, эстетом, путешественником, обладателем чистого, одухотворённого слога.

Я её читал ещё в рукописи, написал к ней предисловие, теперь с удовольствием перечитываю эту книжку-раритет.

Не стану здесь говорить о художественно-эстетических достоинствах этой книги, надеюсь, о том скажут другие — критики, писатели, художники, издатели, все те, кто имеет отношение к подлинной культуре.

Я хочу обратить внимание читателя на один созвучный мне общественно-социальный мотив, пронизывающий мировосприятие вольного пилигрима, затеявшего путешествие по Европе. Вот он отправился в долгий путь “из Германии через австрийские Альпы в лазурную Италию” на комфортабельном двухэтажном автобусе фирмы “Холиден райзен” с толпой разноплеменных туристов. Любуется ухоженным ландшафтом. Любовно возделанные поля... Маленькая рощица... Изумрудное крошечное озерцо... Пара оленей. “Они не ведали страха. Они были на своей земле”.

И на фоне европейской идиллии идёт поток горьких размышлений автогра. И тут не удержусь, прибегну к длинной цитате без всяких комментариев.

Вот то место, которое саднит душу и ввергает в уныние:

“И мне вспомнились горькие, безжизненные солончаки и такыры моей степи, где затерялись жалкие селения с облупленными халупами, голым штакетником, пыльными просёлками, голопузой, загорелой до черноты, голодной и болеющей детворой, со стройными, преждевременно высохшими от суховея и вечных жизненных невзгод, печальными женщинами...

Мне вспомнилось преступно загубленное бестолковой советской властью Аральское море, бывшее прежде прекрасной жемчужиной пустыни.

Мне вспомнились стада сайги, которые десятилетиями браконьерски расстреливались с вертолётов, вымирающие куланы и каракуйруки...

А Балхаш? А умирающий Кентау? А многострадальный Семей?..

Горько и больно за мою землю, тем более на фоне такого благополучия и гармонии. Что я скажу европейцам, если меня начнут расспрашивать? Буду бормотать общепринятое про Медео, про Байконур, про Боровое и прочие рекламные прелести отечественной цивилизации?

Ну а как они возьмут да приедут, да рассмотрят всё как оно есть? Тогда как? Сгореть со стыда за своё враньё?! К тому же, телевидение давно уж проинформировало Европу о наших экологических “достижениях”.

Горько. Обидно и горько за свою несчастную и великую землю, за свой измученный народ (так пока и не успевший, увы, стать гражданским обществом), беззащитно угнетаемый чиновным государством...



И вдруг пришло понимание того, что все наши напасти — не что иное, как кармическое возмездие за ленивое безразличие к нуждам родной земли, за бездумное и безумное насилие над ней. Мы никогда, ни при каком режиме не будем жить на ней богато и счастливо (как, скажем, те же немцы, финны или норвежцы), пока не научимся бережно любить и лелеять свою землю!

В противном случае никакая большая нефть, никакие редкие металлы, никакие даже самые мудрые президенты, хитроумные акимы и акимчики тут не помогут!”.

Всё, что так лапидарно и точно сказал Фарид Байгельдинов, я мог бы обстоятельнее расписать и расширить. Но я это уже сделал. И, вероятно, сделаю ещё в другом месте. А здесь позволю себе привести заключительный аккорд из этого пассажа.

“Пока мы не сделали всё, чтобы наша обездоленная земля простила и полюбила вновь своих неразумных, непочтительных детей, мы будем сиры, убоги и неприкаянны!”.

Диагноз правильный. Вывод верный. Но наши демагоги-временщики и в ус не дуют, продолжая убаюкивать сомлевший народ несбыточными прожектами.

“Известия” (24.07.07, № 129) перепечатали интервью Александра Исаевича Солженицына, данное им германскому журналу “Шпигель”.

Блестящее интервью! Сколько глубоких, верных, продуманных суждений! Какой лаконизм! Какие тонкие наблюдения по проблемам истории, бытия, руководства Россией.

К А. И. питаю восторг с того времени, как появился в “Новом мире” “Один день Ивана Денисовича”. И все эти годы я храню всевозможные вырезки из газет о нём в одной папке. Я восхищаюсь его прозой, особенно — публицистикой, исследовательской страстью, гигантской работоспособностью, общественным пафосом, бойцовским духом. Для меня он идеально гармоническое сочетание Гражданина, Философа, Художника.

Казахам не нравится его русскость. Глупо, близоруко! Он прежде всего русский человек. В этом его сила, честь и достоинство.

Скажу о том, что меня больше всего поразило в этом интервью.

Александр Исаевичу 88. Он славно потрудился. Изнурился. Устал. Ему тяжело передвигаться даже по дому. “Шпигель” говорит: “Мы, во всяком случае, желаем Вам ещё многие лета творческой жизни”.

Дежурная вежливость, на которую должен следовать стандартный ответ.

А. Солженицын отвечает так: “Нет, нет. Не надо. Достаточно”. Вот этот ответ меня больше всего и потряс.

Не могу вспомнить ни одной крупной мировой личности, которая отвечала бы так просто и величаво.

Дос-та-точ-но!

А ведь в определённый момент так должен сказать каждый достойный смертный.

Должен, но не сможет.

А ведь приходит время, когда каждый обязан мужественно себе это внушить:

— Достаточно!

Memento mori! — предупреждали древние. Думай о смерти.



Любой нормальный человек должен о том думать. Было бы глупо, если бы я в свои 73 года о том не задумался.

Задумываюсь. Вполне трезво и спокойно.

Но... — пока что больше я думаю о том, как бы мне издать ещё пять-шесть моих рукописей. Они почти на мази. И издать их мне кажется важным. Пока они не увидят свет, жизненный круг мой как бы не завершён, и мне трудно произносить, как Солженицыну:

— Нет, нет. Не надо. Достаточно.

Что у нас подразумевают под понятием политика — саясат?

Вот что:

Назарбаев ловко окопачил одного, тот обвёл вокруг пальца второго, второй охмурил третьего, четвёртый подставил ножку пятому, пятый подкузьмил шестого, шестой сделал козу седьмому, седьмой перехитрил восьмого, восьмой предал девятого, девятый пустил голым в Африку десятого, а все вместе подложили свинью первому.

И т. д. Вот это у нас и считают политикой. Потом уверяют: политика — грязное дело. Конечно, грязное, если ею промышляют мошенники, волки, стервятники, подонки, мерзавцы, негодяи, прохиндеи, прощельги, ловкачи, юркачи, шаромыжники, жулики, проходимцы, сволота, воры, подхалимы, льстецы, плутни, подлецы и т. д.

Для этой публики политика — банальная интрига, ложь, коварство и подлость.

Правда, наиболее продвинутые из них иногда уверяют: политика — искусство возможного, имея под этим искусством исключительно способность к подковёрным играм.

В “Известиях” (17.07.07) интервью с Евг. Евтушенко. Ему исполнилось 75 лет. Но бодр, полон сил и планов. Рассуждает — в своём духе — напористо.

Вот несколько примечательных фрагментов из этого интервью.

“Когда Ельцин развернул в Чечне военные действия, а потом захотел мне вручить орден Дружбы народов, я отказался от ордена. Написал ему, что это будет долгая кровопролитная война и что я не могу из его рук принять награду. Почему этого не сделал никто, кто был бы помоложе? Зачем они тогда берутся за перо?”

“Поэт — профессия, в основе которой — совесть. Только малюсенький поэт может писать про пейзажики и не касаться человеческих проблем”.

“Я, когда не был известен никому, в 1952 году выступил против Грибачёва, — который назвал себя “автоматчиком партии”. “Понимаете, поэзия — всегда исповедь”.

“У меня был год, когда я выступал более 300 раз”.

Многие высказывания, строчки Евтушенко мне по душе. Можно, конечно, к нему придраться по разному поводу. Но его гражданская боевитость, открытость, распахнутость, мобильность, энергичность, неуёмность, смелость и т. д. мне весьма симпатичны. Бог ему многое дал. И он себя реализует напористо, открыто, порой — эпатажно.

Эту невзрачно изданную книжку можно читать с любой страницы, и от её энергичного текста, беспощадно правдивых слов, резких суждений,



тонких наблюдений, афористических мудрых выражений вскипает кровь, душу охватывает волнение, живой отклик, отзыв озаряет дремлющее сознание читателя.

Прямота и напористость слога никогда не оставляет равнодушным. Книга-огонь. Книга-набат. Книга-колокол. Исповедь воина. Дух борца. Пафос гражданина.

Книга называется “Психология войны”. Автор — легендарный Баурджан Момыш-улы.

Каюсь: только недавно я сподобился её читать. Конечно, я был слышан об этих лекциях, прочитанных в январе 1944 года гвардии полковником Баурджаном Момыш-улы группе казахстанских интеллигентов.

Приходилось читать и выдержки из этих лекций и разные ссылки на них. Вообще меткие слова Бауке давно растащены на цитаты, афоризмы и эпитафии. Они поистине стали крылатыми.

Теперь я ознакомился со всей стенограммой той уникальной лекции (А., “Казахстан”, 1996). Понятно, я далёк и от тематики, и от того времени, когда читались эти лекции. Представьте: Бауке 43 года, он легендарный воин, у всех на устах. В свойственной ему манере — резко, лаконично, образно, нестандартно и абсолютно правдиво — он рассказывает о том, что видел, пережил, перечувствовал, осмыслил на кровавой бойне под Москвой. И внимают ему Каныш Сатпаев, Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Ахмет Жубанов, Бек Сулейменов, Алькей Маргулан, Григорий Рошаль и другие знаменитости Казахстана.

Мне же, пишущему эти строки, шёл тогда десятый год от роду, и я только пошёл во второй класс аульной казахской школы.

Как давно всё это было! И какие уникальные личности, какие титаны духа жили, боролись, творили на земле Казахии, где волей судьбы очутился и я.

Вот об этом мне и подумалось прежде всего, когда я начал читать “Психологию войны” славного казаха, с которым, годы спустя, мне посчастливилось встречаться, слушать его, накоротке общаться, восхищаться и даже писать о нём.

Дар судьбы. Иначе не скажешь.

О Бауке написаны горы книг и воспоминаний. Он обладал неотразимой харизмой, был во всём оригинален, ни на кого не похож, непривычен, многим неудобен, непредсказуем, порой непонятен, непостижим, загадочен. Его любили, обожали, нередко побаивались его взрывного характера, темперамента и натиска, высокие чинуши от него шарахались, ибо он мог сказать в глаза публично, при всех такое, о чём простой смертный и в мыслях допускать не посмел. Целился он не в бровь, а в глаз. Выражался круто, сыпал стихами, поговорками, пословицами, образными речениями и адекватно переводил на русский или казахский языки.

В доказательство можно привести уйму примеров из тех, давнишних лекций. Я ограничусь здесь лишь несколькими его фразами-упрёками, которые он обрушил в том 1944 году на головы казахстанских писателей. В этих фразах весь и подлинный Бауке.

“1. Кто из вас из какой части и к какому роду оружия (поэзия, проза, драматургия и т. д.) литературного фронта принадлежит? И что эта часть и вы, как солдат, делаете для военного и трудового фронта?”

2. Кто из вас подарил солдату хотя бы подснежник, лепесток, дикорастущий тюльпан, не говоря о культурной розе и целом букете из цветов,



которые предоставили бы бойцу радость и вдыхал бы он приятный аромат поэзии?

3. Кто из вас рассказал солдату юмористический рассказ, вызывающий хотя бы улыбку на его суровом лице, не говоря о смехе, хохоте, столь необходимым для солдатской души и для победы, как пуля, штык и прочее оружие?

4. Кто из вас написал, полный горечи, народного горя, гнева, ненависти к врагу очерк (или как там у вас называется в литературе), разжигающий душу бойца пламенем ненависти, призывающий его к беспощадной мести, мщению злом за зло, смертью за смерть и кровью за кровь?

5. Кто из вас отшлифованным, сжатым, простым, понятным, полным художественной силы, доходчивым до бойца языком написал о жизни, счастье, любви, о семье, о совести, о человеческом достоинстве, гордости и чести, способствующем перебороть чувство страха, ограждая себя от чувства стыда, низости и позора?”.

И таких резких, как удар хлыста, суровых, обличительных вопросов: “Кто вам сказал?...” Баурджан Момыш-улы приводит шестнадцать, и сам тон, сама формулировка этих вопросов звучат по-граждански мужественно и актуально по сей день. Такова планка требований Воина, Защитника народа к литераторам, забывающим о своём главном назначении, о своей творческой миссии.

И в этих вопросах завет и урок незабвенного гвардии полковника.

Читая “Психологию войны”, я нет-нет да ловлю себя на мысли: как бы нужен был Бауке сейчас, в наше время! Какие бы он ставил вопросы и задачи перед своими погрязшими в тенётах равнодушия и самодовольства соотечественниками!

Как бы он подстегнул своим раскалённым словом чинуш, хвастунов, рвачей, хапуг, лжецов и подхалимов!

Какие бы честные и прямые ответы дал он на “проклятые” вопросы нашего бытия!

Что и говорить, такие люди, как Бауке, украшают, облагораживают, наполняют смыслом жизнь в любую эпоху. Дефицит подобных личностей мы ныне в Казахстане ощущаем повседневно особенно остро. Так и стоит перед глазами пожилой, неукротимый, своенравный Бауке. Вот он нацелился орлиным взглядом на трепача-демагога на трибуне, встрепенулся, встопорщил усы, грозно выставил на него свою трость и, выждав паузу, завладев вниманием огромного зала, зычным, как рык, голосом пригвозждает его к месту: “Эй! Не юли! Не выкручивайся!”.

Он это умел, как никто. Я тому свидетель. И жалею, что ныне на такой поступок никто не отваживается. Да и у кого есть ныне такое моральное право в стане пигмеев и прытких косячков?!

Легенд и разных росказней о Бауке море. Он сам творил эти легенды, давал повод для обывательских разговоров. Обычные мерки к нему не подходили. Он выламывался из стандартных рамок и норм поведения. Но в душе, как я понимаю, он был глубоко одиноким, страдающим человеком. Даже из близкого окружения не все его понимали. Видели, главным образом, его эпатажные выходки и поступки. Потому судачили о нём на все лады, не чувствуя легко ранимую душу сурового воина.

Сын его, Бахытжан, приводит в блестящем послесловии к “Психологии войны” исповедальное признание отца. Вот оно:

“Я прошёл свой жизненный путь без жалоб, пытаюсь понять мир обычного человека и мир звёзд. Среди звёзд, где нет мелкой возни, мне дышалось



легче. Может, поэтому я любил и звёзды на своих погонах. Но мне было душно и тяжело среди тех людей, которые делают всё, чтобы истину превратить в ложь, а неправду выдать за правду, не желая или не умея выбраться за границы фальши. Они принимают вид знающих и понимающих, имея в себе только чужие знания, чудовищно искажая их и применяя только для корысти. В их среде имеет хождение чёрная улыбка авгуров, но когда им попадаетея истинно знающий, имеющий собственные мысли, следующий путём чести, они высмеивают его и топчут, злобно преследуют, клеветают на него, чтобы скрыть свою истинную сущность, имя которой — невежество. Жаль нищих!

И ещё одно признание Бауке:

“Если ты на пути к цели, то даже неудачи будут превращаться в удачу. Главное — достойную ли цель поставил перед собой человек”.

Таков аманат-завет Бауке. К его незаурядной личности, к его могучей фигуре, надеюсь, потомки будут обращаться ещё долго. Во имя поддержки спасительного нравственного начала.

Повторюсь: отсутствие Бауке сильно ощущается в наше время, в нашем обществе. И голос его гипотетических последователей звучит слабо. И видно, есть настоятельная потребность читать заветы-назидания легендарного казахского воина почаще. Такие мысли роились в моей голове при чтении его давнишних лекций под названием “Психология войны”.

Уже несколько дней хожу под впечатлением экономических прогнозов, отвечающих на вопрос: “Каким будет мир через 20 лет?”.

Материал на эту тему опубликован в “Известиях” (05.07.07). Проецирует этот вопрос на Россию русский профессор-экономист с мировым именем Станислав Михайлович Меньшиков (1927), живущий в Голландии.

Очень любопытно!

В своих прогнозах проф. Меньшиков руководствуется оптимально лучшим вариантом, “для того, чтобы показать пределы роста”.

По его подсчётам, и через 20 лет при всех нынешних темпах экономического роста “Россия не будет в числе главных игроков на мировой арене”.

Он пишет: “Россия будет отставать. По моим цифрам, предельный, то есть самый верхний прогноз, — это 5,5 % от мирового производства. Для не экономиста, для стороннего наблюдателя это ничего не значит. Но поймите, что это будет раза в 4 меньше, чем Китай, в 3,5 раза меньше, чем Америка, это будет даже меньше, чем Индия. Мы будем на 5-м месте”.

Мы — имеется в виду Россия.

Разумеется, мне даже очень интересно, что будет через 20 лет в мире, в России, но я ведь особую слабость питаю к Казахстану, в котором живу уже 66 лет.

Кто бы из наших доморощенных экономистов доступно и наглядно объяснил мне, что станет с Казахстаном через 20 лет? Конкретно, на научной основе, на фоне мировой экономики, исходя из реальных ресурсов, конъюнктуры, капиталовложений, роста ВВП и прочих экономических показателей. Футурологические потуги наших публицистов меня не убеждают. Программа “Казахстан-2030” для меня всего лишь ненаучная фантастика, наподобие сказок Шахерезады. Зажигательные речи временщиков, трескотня официальных газет, показушные мероприятия, той-шоу, юбилейные стишки дворцовых акынов, традиционные отчёты акимов и тому подобные спектакли-постановки давно обрели и никого не волнуют.



Люди хотели бы точно знать:

- что происходит реально;
- что мы имеем;
- на что можем рассчитывать в ближайшей перспективе;
- какова доля вины правителей в наших неурядицах;
- какова доля вины самого народа;
- где жмёт ботинок и в чём вообще дело;
- есть ли опасность экономического кризиса;
- на кого надеяться-опираться;
- кто недоброжелатель;
- с кого брать пример;
- какие отрасли экономики развивать в первую очередь;
- сколько ещё будем сырьевым придатком;
- что будет, когда исчерпаем сырьевые запасы;
- смиримся ли окончательно с гибелью аула?
- и т. д.

Хотелось бы, чтобы в научное прогнозирование включались наши экономисты — образованные, честные, объективные, неангажированные, ответственные, любящие свою страну и народ, умеющие считать, исходя из реальных экономических данных. Не оглядывающихся верноподданно на власть предрержащих и видящих хотя бы чуть дальше своего носа.

Неужели у нас нет таких экономистов-прогнозистов? Неужели это непосильная задача? Неужели держать народ в неведении — наша государственная политика? Неужели грешно заглядывать чуть-чуть вперёд? Неужели истина в том, чтобы ничего не знать и блуждать в потёмках, устраивая время от времени натужные тои?

Ау, экономисты! Отзовитесь!

09.07.07.

Мне пока неизвестно, как сложится судьба этой рукописи, но я очень хотел бы, чтобы она стала книгой. В том, что это будет полезная, поучительная, познавательная книга, я не сомневаюсь.

Хочется надеяться, что противные человеческому естеству слова “репрессия”, “депортация”, “ГУЛАГ” понемногу вытравливаются из сознания наших сограждан. И хотя нынешнее наше время, скорее всего, беспмятное и ещё недавно знаменательные тропы быстро зарастают травой забвения, я полагаю, что казахи, склонные изначально свято почитать свою историю и предков, не забудут своих славных сынов-азаматов, к которым, бесспорно, относится и поэт, учёный, педагог-наставник, Гражданин и патриот отечества Каюм Мухамедханов.

Об этом Человеке написано немало. Он является одним из блистательных и признанных нравственных и интеллектуальных авторитетов нации. Грани его яркого таланта, линии его гордой, мужественной, полной невзгод и страданий, духовных взлётов, жизни в какой-то мере отражены в книге “Слово о Каюме”, с благодарной любовью изданной его детьми. Данную рукопись с пока ещё не определившимся названием следует рассматривать как закономерное продолжение той книги воспоминаний. Здесь вниманию читателя предлагается самый трагичный этап долгой жизни Каюма Мухамедханова — его лагерный период, в котором наперекор судьбе он сохранил Человечность, Дар, любовь к жене, детям, людям. Гипотетический читатель убедится в том, прочитав его стихи, переводы,



письма, свидетельства, горькие и суровые документы, характеризующие то сложное время.

Именно в этом я вижу пафос книги. Её достоинство. Её память. Её уроки. Для нынешних и грядущих поколений.

Понимаю: некоторые документы той эпохи и поныне — полвека и более спустя — не всем по нраву. Страх прошлого и мелочный эгоизм оболванивают души. А вдруг обидятся потомки отнюдь не славных мужей? Но что делать? Историю грешно, преступно закамуфлировать, редактировать, переписывать, отрихтовывать по конъюнктурным и ложно понятым этическим соображениям. Правду необходимо знать, если мы хотим иметь дело с духовным прогрессом народа. И именно в этом заключается один из нравственных поступков Каюма Мухамедханова.

Я знавал Каюма-ага, встречался и беседовал с ним, в моей душе живёт светлая память о нём, я знаком с его творчеством, глубокими исследованиями, считаю, что жизнь и деяния его — немеркнувший пример служения родине и народу. Я воспринимал его как последнего из могикан, как наследника великих сынов “Алаша”, как одного из последних представителей абаевской школы.

Очень надеюсь, что эта рукопись, собранная и составленная с любовью и тщанием, увидит свет и станет достоянием благодарных читателей.

Эту изящную, мудрую повестушку Уильям Сароян написал в 1953 году. Я её прочитал только ныне (2007) в издании детской библиотеки им. С. Бегалина и в переводе нашего Константина Кешина (Эд. Джилкибаев), что меня приятно удивило: не знал, что Эдик обладает и такой гранью таланта.

Повесть называется “Папа, ты — чудак!”. Сюжет и все коллизии построены на давних и естественных отношениях 45-летнего отца-писателя и десятилетнего фантазёра-сына.

Дивная штучка!

Переводчик в своём предисловии говорит о том, что это произведение лирическим настроением, светлой интонацией напоминает “Детские годы Багрова-внука” С. Аксакова, “Детство Тёмы” Н. Гарина-Михайловского, “Детство Никиты” А. Толстого.

Подмечено верно!

Могу только добавить, что в казахской литературе подобных вещей или вовсе нет, или совсем мало. А нашим подросткам нужна именно такая литература.

Повесть состоит из 52 коротких главок-новеллок, поэтически раскрывающих мир подростка и его мудрого, всё понимающего, тактичного и деликатного отца. Кстати, у меня с отцом были такие же отношения, и я о том немного сказал в своей повести “Перед далью”. Ну, конечно, и ракурс другой, и обстановка другая, и обстоятельства другие. Это были 1941-1945 годы, и события происходили в казахском ауле на берегу Ишима, и мы с отцом назывались тогда спецпереселенцами.

Разумеется, я обратил внимание на психологические диалоги и примечательные сентенции в сарояновском повествовании. Вот некоторые из них: “Просто читать словарь — наслаждение. Словарь — замечательный роман, огромная книга стихов, масса размышлений о жизни и искусстве”.

“... а писателю нет смысла жить в городе, в который он не влюблён”.



“Писатель просто обязан жить в любви к миру, иначе он не сможет писать”.

“... всё хорошее появляется от любви. Когда писатель любит мир, он любит каждого человека в мире, и тогда он может писать”.

Это говорит-внушает сыну отец-писатель.

“Хороший рассказ — всегда обо всём на свете!”.

“Искусство — это всё, что есть на свете. Всё, на что ты смотришь по-особенному, всё, что ты видишь по-особенному, всё, что ты делаешь по-своему”.

“Океан — вот школа, дом и мир”.

А вот вывод мальчика:

“Хорошо всё-таки, что я не тигр, не птица, не червяк, не раковина, хорошо, что я всего-навсего человек”.

Мечта мальчика:

“Я создам новый язык. Такой язык, на котором нельзя будет говорить неправду”.

“Папа, пьеса — это что?” — спрашивает десятилетний Пит.

Отец отвечает:

“Много разного. Но перво-наперво, это люди и несчастье”.

“... каждому человеку суждено рано или поздно так или иначе умереть, но оставить после себя хорошую книгу — на свете ничего лучше и быть не может”.

Вот о таких достойных вещах говорится в повести У. Сарояна просто, убедительно и мудро.

В книге есть любопытная сцена игры в рифмующиеся слова.

“— О'кей, отлично. Плут..

— Кнут, — отозвался отец.

— Конь.

— Огонь, — сказал я и выкрикнул:

— Море.

— Горе.

— Судак.

— Дурак.

— Боль.

— Соль.

— Сон.

— Стон.

— Будильник.

— Кипятильник.

— Дверь.

— Зверь.

— Кровать.

— Спать...”.

Понятно, что эти рифмы по-русски придумал переводчик. В оригинале наверняка другие слова, другие рифмы.

Великолепная книжка! Рад, что я её прочитал хоть на старости лет. Она облагораживает душу вступающего в жизнь человека.

“Что русскому хорошо, то немцу — смерть”, — гласит русская мудрость. В самом деле, по ментальности нет более разных народов, чем



русские и немцы. В корне. По природе. Генетически. Парадокс: при всей такой разности — в быту, культуре, поведении, духоустройстве — неистребимая тяга друг к другу тянется с IX-X веков. О том свидетельствуют многочисленные документы, исследования, свидетельства.

Калмухан Исабаев рассказывал мне легенду, услышанную им в Германии в 1945 году от одного старого немца. Якобы в глубокой-глубокой древности у одного отца было два сына. Одного звали Прусс, другого — Рус. От Прусса пошли немцы, от Руса — русские. Братья то дружили, то враждовали в борьбе за жизненное пространство. Однако друг без друга никак не обходились. И их потомки навеки обречены на дружбу-вражду.

Мотивы эти звучат и в произведениях русских классиков — то лёгкая усмешка, то зубоскальство, то ехидство, то подчёркнутое неприятие. Почитайте Пушкина, Толстого, Гоголя, Лескова, Достоевского и многих других. Тема этнического несоответствия присутствует в разной тональности.

О том мне ещё раз подумалось, когда прочитал любопытный материал Гузель Агишевой в “Известиях” от 02.08.07. Материал озаглавлен: “Что русскому Обломов, то немцу Штольц”. Статья объективная, доброжелательная, построенная на конкретных фактах и вскрывающая этические несохожести двух народов. В конце статьи приведены любопытные данные: “10 хороших вещей, которые немцу смерть”. Вот они десять хороших вещей, абсолютно противопоказанные немцу:

1. Квас — вместо пива.
2. Веник и русская баня — вместо сауны.
3. Гарнир из гречки — вместо капусты.
4. Семечки — вместо орешков.
5. Старый Новый год — вместо Рождества.
6. Рассол — вместо аспирина.
7. Портянки — вместо носков.
8. Авоська — вместо пакета из супермаркета.
9. Ушанка — вместо капюшона.
10. Крашение яиц луком — вместо специальных пасхальных красок.

Понятно — это бытовой ряд с юморным оттенком. В самом деле, различия в психологическом, поведенческом, нравственном, бытовом, мировоззренческом и т. д. рядах колоссальны. И их можно передать лишь в обстоятельном исследовании с привлечением Монблана фактов.

Многие исконно немецкие черты в русских немцах сильно изменились, выветрились под воздействием русской среды, русского окружения, русской ментальности за два-три века. Вспомните хотя бы русских писателей немецкого происхождения. И всё же элементы немецкости каким-то образом проявляются даже под мощным инонациональным, иноязычным прессом. Полностью удалиться от своих первородных национальных корней возможно, пожалуй, лишь в десятом-пятнадцатом поколениях. На основании чего я это говорю? Мой дальний предок Андреас Бельгер прибыл в Россию из Заксен-Анхальта в сорокалетнем возрасте в 1767 году. Вообразите, сколько прошло лет, сколько сменилось поколений, какие бури пронеслись над миром, над страной, какие потрясения испытали многочисленные потомки того Андреаса Бельгера и его жены Луизы. А уклад жизни в немецких колониях Поволжья стойко сохранился вплоть до 1941 года, когда была ликвидирована немецкая автономия на Волге. Я ещё застал родительское село Мангейм, живал у бабушки, у дядьёв, во мне сидит память о том времени и о тех местах — Энгельс,



Мангейм, Зихельберг, Гнаденфлюр, я это описал в своём романе “Дом скитальца”. Быт, нравы, дух, ментальность, культура предков глубоко укоренились в душах тех немцев. Потом были депортация, трудармия, тяжкие испытания, новый непривычный быт, окружение, инобытие, иноязычие, а в родительском доме сохранилась дивным образом та аура, её дух чувствовался и на берегу Ишима в Казахстане, и на берегу Карасу в Узбекистане, где жили отец, мать, сёстры, зятья, племянники. Я представитель седьмого поколения названного выше земледельца Андреаса Бельгера, ныне у меня уже появилась правнучка, родня моя теперь обитает в России, Казахстане, Узбекистане, Германии, она причудливо смешалась с другими народами, а элементы этнического происхождения в них нет-нет да прорезаются. Семи лет я рос в казахском ауле, я бытую 66 лет в казахской среде, я заметно “оказахован”, многие мои соплеменники обрусели, но я знаю, что эти годы не совсем вытравили из меня немецкость, что сердце моё, душа моя чутко отзываются на всё немецкое. Те немецкие нити — аккуратность, дотошность, методичность, тяга к твёрдому порядку, ответственность, упорство, терпение, разумная расчётливость, трезвость — тянущиеся Бог весть из каких времён, продолжают и поныне во мне, в моих сёстрах, в моей дочери, в моих племянниках, моём внуке, и в этом заключается феномен национальной ментальности, стойкого национального гена, о чём напомнила мне статья в “Известиях” о разности мировосприятия немцев и русских. И это прекрасно, что такой феномен существует. И не стоит особенно стремиться к глобальной нивелировке.

Формы приветствия в Казахстане:

— Ассалаумагалекум!

— Уагалекумсалем!

Или:

— Гутеналейкум!

— Алейкумгутен!

Или:

— Архипелаг ГУЛАГ!

— ГУЛАГ архипелаг!

Теперь в ходу такие варианты:

— Нурсултан!

— Нур Отан!

Или:

— Нурсултан!

— Казахстан!

Есть прогресс!

О том времени и о тех частушках ныне, наверное, никто уже не помнит. Представьте: послевоенные годы. Сталин ещё жив. Я учусь в восьмом или девятом классе аульной школы.

Наша учительница по русскому языку и литературе Мария Петровна Егорова, родом из Ленинграда, чесеирка (член семьи изменника родины), высланная в казахстанскую глухомань, находящаяся, как мои родители и я сам, под командатурой, усердно обучала нас, аульных шалопаев, уму-разуму и немало времени уделяла патриотическому воспитанию.



В целях воспитания патриотизма она пустила в ход частушки. Мария Петровна иногда их сама сочиняла, а чаще всего выуживала их из сборников для сельского клуба.

Колхоз наш носил тогда имя Ленина. И мы, помнится, горланили:

*Хорошо в поле ходить,
Когда поле зелено.
Хорошо в колхозе жить
По заветам Ленина.*

Честно говоря, жить в колхозе было не очень хорошо. Бедно. Скучно. Убого. Зачуханные аульные хатуны и изнурённые подростки-подлетки весной пахали на тощих коровах. А осенью собирали на поле чахлые колоски.

Но мы прилежно разучивали патриотические частушки, дружно орали, выражали восторг, притопывали, иногда присвистывали, девочки-интернатовки в лад, не в лад повизгивали. Почему-то на аульчан русские частушки не производили впечатления, но Мария Петровна, видно, полагала, что тем самым приобщает нас исподволь к русскому языку, русской культуре и к советскому патриотизму.

Я не пел. Но старательно терзал аккордеон, извлекая незатейливый мотив, нажимал на басы. “Играй громче!” — требовал энтузиаст колхозной самодеятельности Жылгельды Муканов.

Встав рядом, три расторопные девочки-затейницы заводили очередную частушку:

*Я сорву цветок сирени,
Приколю его на грудь.*

Тотчас подавали голос трое парней, стоявшие напротив. Так начался частушечный айтыс.

*Вывел нас товарищ Ленин
На счастливый светлый путь.*

— Уай де!

— Ойдойт! — подбадривали нас слушатели.

Я рвал меха насколько хватало силёнок, лихо перебирал клавиши аккордеона. Жылгельды-агай выбивал дробь по столу костяшками пальцев.

— Веселей! Веселей! — подзадоривала певцов Мария Петровна. На сером, аскетическом её лице выступали пятна волнения.

Три голосистые девчонки, стоявшие в обнимку, затевали новые куплеты:

*Мы зажиточными стали,
Хорошо живём сейчас.*

Как разгорячённые стригунки, с ходу пустились вскачь — с гиканьем — ребята.

*Это ты, товарищ Сталин,
От нужды избавил нас.*

— Стоп! Стоп! — яростно махал костлявыми руками долговязый Жылгельды-ага. — Разве можно “тыкать” отцу народов? Нехорошо! Он же вам в дедушки годится, а вы — “ты”. Нельзя!



— Да, пожалуй, — поспешно соглашалась Мария Петровна, больше всего боявшаяся политического ляпа. — Лучше “вы”. Пойте: “Это вы, товарищ Сталин...”

— Ладно, хорошо, — не возражали певцы.

— Дальше! Веселей! Задорней! Что вы как неживые! Руки в бока! Грудь вперёд! В глазах блеск! Рот до ушей! Ножками топ! Ликуйте!

— И-и-и-и-ии! — взвизгнула активистка Майра.

— Айналайн! Жаса! Так-то!

— Давай-давай! Наяривай!

*Я с окошко на окошко
Цветик переставила, —*

дружно выводили девчонки. Мальчики отчаянно подхватили:

*Чтоб светло было портретам
Ленина и Сталина.*

— Уай! — вошёл в раж Жылгельды-агай, мотор школьной самодеятельности. — Так-так! А ты, — сверкал очами мугалим-учитель на меня. — Что сидишь, как озябшая ворона на помойке? Тебя же, небось, не сегодня выслали с Волги! Громче играй! Не на похоронах ведь сидишь! Больше огня, жару! И-и-и-и-эй!!

Девочки явно разогрелись, запевали всё бойчее, всё слаженнее.

*Мудрым Сталиным самим
Наше счастье ковано.*

Ребята ломкими басами подхватили:

*Никому не отдадим,
То, что завоёвано.*

— Жаксы! Жаксы! Хорро-шоо! — хлопнул в ладоши Жылгельды-ага.

— Следующий куплет!

*Подружка моя,
Подруженька активная...*

Потом девичья и мальчишечья группа вместе закончили:

*Никогда не надоест
Работа коллективная.*

— Так, хорошо! — удовлетворился Жылгельды-агай.

— Да, — согласилась Мария Петровна. — Только нужно произносить “коллектив”, а не “кяляктип”.

— Ерунда! Есть ещё куплет?

— Есть, — отозвалась Мария Петровна и подсказала шустрым девчонкам: “Жить мы стали по-иному...”.

Девочки мигом обо всём догадались:

*Жить мы стали по-иному,
Увидали новый свет.*

И ребята на этот раз не сплеховали:

*Шлём учителю родному,
Другу Сталину привет.*



— Уай! Маладес!

Все были довольны. Частушки получились на славу. Однако этот русский фольклорный жанр так и не привился в нашем ауле. И Мария Петровна, видно, скоро догадалась: ментальность не та. Для патриотического воспитания необходимо было прибегнуть к другим педагогическим новшествам.

25.06.07.

Заметил Габе (Габит Мусрепов) какие-то нелады с памятью. Забывать, путать начал самые простые вещи.

Отправился в поликлинику. В беседе врач несколько раз употребляла слово “склероз”.

Габе насторожился. Придя к себе, в кабинет Союза писателей, позвонил земляку, переводчику Ниязу Сыздыкову.

— Слуш-ша-ай... тебе при переводах встречалось слово “склероз”?

— О, Габе, да сколько угодно!

— И как ты его переводишь на казахский язык?

— Да я обычно пишу “алжыган” (“выживший из ума”), — простодушно ответил Нияз. — У, типун тебе на язык! — ответил в сердцах Габе и бросил трубку.

(Из рассказа А. Жаймурзина 20.02.02).

Во время прогулки Абеке (Жаймурзин) поведал Габе (Габиту Мусрепову) о неблагоприятных явлениях в обществе. Казахи в последнее время (а было это лет тридцать назад) стали рьяно копаться в своей родословной, все уточняют своё происхождение, находя в своём роду сплошь баев, биев, беков, султанов, хаджи, торе, определяют свои жузы, роды, подроды, племена, ветви, затевают между собой интриги, раздрай, свару, дошло до того, что даже в армии новобранцы, разделившись по родам, идут стенка на стенку.

— Да-да, — нахмурился Габе. — Эта зараза проникла и в ЦК. А может, оттуда и идёт. Я это давно замечаю. Прямо беда!

Походили, помолчали.

— И чем всё это кончится, Габе? — спросил через некоторое время Абеке.

Габе остановился, долго, пристально смотрел на своего собеседника и по своему обыкновению, врасстяжку, по слогам, убедительно, с болью, глухо произнёс:

— Ка-га-стро-фой!

Аксакал Абеке (Жаймурзин) рассказал мне один случай, связанный с Мухтаром Ауэзовым.

Как-то они ехали поездом в Москву. Ауэзов вдруг говорит:

— Ундасынов, видно, книг не читает.

— Что Вы, почему? — возражает А. Ж. — Он ведь государством руководит.



— Расскажу-ка тебе про один случай....

И далее Ауэзов поведал своему спутнику, как однажды Ундасынов пригласил его к себе и стал обстоятельно рассказывать, как был недавно у Ворошилова и тот, якобы, поинтересовался: “Как Ауэзов? Над чем работает? О, он классик мирового масштаба. Ему надо создавать все условия для работы”.

Сам же Ундасынов при этом ни слова о романе Ауэзова не сказал.

Проходит время. Стало известно, что однажды Фадеев зашёл к Сталину и сообщил, что есть такой писатель Ауэзов, написавший роман “Абай”. Сталин молча открыл ящик стола и показал Фадееву том “Абая”.

Через некоторое время Ауэзова снова приглашает Ундасынов и сообщает, что был в Москве у Кагановича и тот выразил восторг по поводу “Абая” и заметил: надо бы снять многосерийный фильм по этой книге, чтобы весь мир узнал, какой народ живёт в Казахстане.

И, рассказав об этом, Ундасынов и на этот раз ни словом не обмолвился о том, что сам читал “Абая”.

И Ауэзов недоумевал: “Апырай, мою книгу читают Сталин, Ворошилов, Каганович, и только у Ундасынова нет времени её читать!”.

— Потому-то и думаю: наверное, Ундасынов книг не читает.

12.02.02.

Было это в 1947 году, в бытность Абеке (Жаймурзина) секретарём Гурьевского обкома партии. Приехал он в Москву, привёз с собой аульные гостинцы: куырдак, казы, баурсаки, икру, всякую всячину. На дастархан прибыл и Шакен Айманов, актёр и режиссёр с группой знакомцев. Шумный, компанейский, он сразу взял бразды правления в свои руки, великолепно тамадовал, до утра рассказывал, смешил, балагурил, представлял, лицедействовал.

“Ох, и артист был! От бога!” — то и дело восклицал, вспоминая тот вечер, Абеке. Очень живо изобразил он свою встречу с Ауэзовым. Шакену до зарезу нужны были деньги, а занимать не у кого. Просить в полпредстве бесполезно: уже просил. И тут Шакен узнал, что в гостинице “Москва” находится Ауэзов. Обрадовался. Вот у кого можно подзанять нужную сумму. Позвонил. Мухтар Омарханович радушно пригласил к себе. Приехал Шакен. Разговорились. Ауэзов внимательно выслушал Шакена, похвалил. Молодец, хорошо работаешь, одобряю. Время шло, а Шакен никак не осмеливался открыто заявить о цели своего визита, наконец решился, выдохнул:

— Выручите. Я без копыя. Нуждаюсь.

— Сколько? — спросил, хмурясь, потемнев лицом, Ауэзов.

— Немного.

— И всё же?

“Проси верблюда, дадут коняшку”, — вспомнил Шакен.

— Ну, тысяча рублей.

— Тысяча?! Ой, это же много.

— Так получилось, — пригорюнился Шакен. — Приглашал друзей в ресторан, но явно переусердствовали.

— Брось! Что-то многовато. Ну, четыреста, пятьсот — ещё куда ни шло. А тысяча...

В это время постучали в дверь. Мухтар Омарханович бросился открывать, опередив расторопного Шакена. Вошла молодая, миловидная,



смуглая дама. Из разговора Шакен понял, что она профессор МГУ, пишет учебник (или пособие) о национальных литературах СССР и хочет проконсультироваться у Ауэзова.

Между тем подходило обеденное время. Шакен почувствовал, что он лишний, но уйти не мог, пока М. О. не займёт хотя бы часть нужной суммы.

— О, пора обедать! Пойдёмте с нами, — пригласил Ауэзов учёную даму.

Она отнекивалась, но М. О. был настойчив, горячо поддержал его и Шакен.

Шакен и заказывал. По обыкновению, щедро. Старался вовсю. В номере.

— Из питья что-нибудь заказал? — тихо спросил М. О.

— Не знаю, что Вы со своей спутницей пожелаете...

Заказали коньяк. Обедают, попивают, беседуют. Шакен ёрзает. Давно пора и честь знать, а Ауэзов о главном молчит.

— Ну, я пожалуй, пошёл, — напомнил Шакен. — Дела, знаете.

— А, подожди, — вспомнил тут его просьбу М. О. Ауэзов и пригласил Шакена в спальню, извинившись перед дамой.

— Сколько?

— Тысяча.

— Ой, многовато что-то... — нахмурился Ауэзов. — Тысяча... это ведь... Может, четыреста, пятьсот?

— Ну, что делать?.. Сколько уж сможете, — смирился Шакен.

Ауэзов достал бумажник, отсчитал пятьсот рублей.

— Ну, ещё бумажку! — настаивал Шакен.

Ауэзов, смущённо поглядывая на дверь, за которой сидела гостья, добавил купюру и предупредительно приложил палец к губам.

— Ещё, — нарочито громко сказал Шакен.

— Тс-с... — испугался М. Ауэзов, но всё же достал ещё одну сотню.

— Ну... вот эту... вот эту... Ну, ещё! Что Вам стоит?

— Боже мой, сколько же получилось? Что-то многовато...

— Где же много-то? Всего восемьсот... Ну, хотя бы ещё вот эту бумажку.

Ауэзов, вконец смущённый и растерянный (вот прилипала, торг устроил, когда дама ждёт в соседней комнате... Никакой деликатности у этих казахов!), сурово сказал:

— Э, хватит! Сколько же можно?

Таким образом, рассказывал, усмехаясь, Шакен, воспользовавшись моментом, выцыганил у Мухтара Омархановича девятьсот рублей и, довольный, тут же удалился, оставив его наедине с дамой.

“Знаешь, как Шакен умел рассказывать? Обхохочешься! Дьявол был! Всё так живо изображал. Я и десятой доли не смог передать”, — признался мне А. Жаймурзин.

У великих людей каждое слово, каждый поступок — великие. Не как у заурядных людей, — закончил рассказ Абеке.

16.02.02.

Обсуждают в Союзе писателей Казахстана новый толстущий роман Сабита Муканова. Было это в начале 50-х годов, и в то время подобные обсуждения практиковались часто. Первым предоставляют слово Мухтару Ауэзову.



— Нет-нет... Я потом, — отмахивается Мухтар Омарханович. — Пусть сначала Габит скажет.

Габит Мусрепов, по привычке медленно и степенно, растягивая слова, говорит:

— Будь моя воля, я перво-наперво, плотно закрыв глаза, сократил бы этот роман наполовину.

Тут же живо встрепенулся Мухтар Ауэзов:

— Постой, Габит! Скажешь мне тоже! Ты, закрыв глаза, готов роман сократить наполовину, а я даже с открытыми глазами половину отсёк бы.

— Эй, — прохрипел Сабит Муканов. — Аллах свидетель, эти двое заранее, видать, договорились завалить меня.

(Со слов очевидца А. Жаймурзина).

Сабит Муканов вообще отличался детской непосредственностью. Вот случай, чему я был свидетелем. Шла защита то ли кандидатской, то ли докторской диссертации Е. В. Лизуновой. Не помню, в каком году это было, но проходила защита в Академии наук. Научным руководителем диссертации был Ауэзов. Было известно, что вечный оппонент Ауэзова Муканов работал против защиты. На заседание учёного совета он пришёл с опозданием и сидел в первом ряду, нахохлившись и с подозрением оглядываясь по сторонам. Прошла процедура защиты. Потом голосование. Объявили результат: столько-то голосов “за”, а шесть — “против”.

В зале на мгновение наступила гробовая тишина. И вдруг раздался хриплый, недоуменный голос Сабита Муканова:

— Эй, как так?! Почему шесть? Должно было быть семь! А? Как это? Кто обманул, кто предал?!

И зал разразился хохотом. Всем стало ясно, кто плёл интриги и на что был расчёт.

Литературовед Есенгельды Ж. вспоминает, как одно время был близок с сыном Шаяхметова Равилем. Однажды он спросил:

— Ты ведь сын первого секретаря ЦК республики. Наверное, как сыр в масле катался?

— Нет, — ответил Равиль.

— Как так?

— Нас в семье было шестеро. И жили на зарплату отца. Бывало, пайки получали. Не разгуляешься. Стол был скудноватый. Иногда мы, дети, хныкали: хотелось чего-нибудь вкусенького. Отец тогда говорил:

— Хлеб есть? Есть. Масло есть? Есть. Вот намажь на хлеб масло и поешь. Вкусно! А запивай чаем.

Так жили. Казённый паек. Казённая квартира. Одна зарплата. Когда мать зарежет курочку — праздник.

Потом я подрос, продолжал свой рассказ Равиль. — Обзавёлся своей семьёй. Подрастали дети. И у меня за дастарханом негусто. Бывало, дети хнычут. И тогда я повторял отцовские слова:

— Хлеб есть? Есть. Масло есть? Есть. Вот намажьте на хлеб и поешьте. Вкусно! И запивайте чаем.



Лев Толстой пишет в дневнике: “Куда ни выйду — стыд и страдание...”.

Думаю, любой нормальный, не лишившийся совести человек — особенно с возрастом — испытывает то же самое. И особенно печально то, что постоянно ощущаешь свою беспомощность. Жизнь во многом соткана из страданий, а изменить что-либо ты не в силах. Вот это усугубляет твои страдания. Правда, Толстой нередко мучился от “безумной роскоши” вокруг, а мне, глядя на аульных казахов, постоянно приходится ужасаться безысходной нищете.

Литературовед Есенгельды Ж. рассказал мне про такой случай. На прогулку к памятнику Чокану пришёл как-то поэт-фронтовик Сырбай Мауленов. Удивил завсегдатаев тем, что читал наизусть уйму стихов казахских акынов XVIII-XIX веков. И вдруг тяжело вздохнул.

— Эй, чего вздыхаете? — спросил по-казахски писатель Тахави Ахтанов.

— Недавно вышел у меня пятитомник, — ответил Сыр-ага. — И вот подумал: запомнит ли кто хотя бы пять строк? Вряд ли...

— А что останется потомкам от Вас? — тотчас поинтересовался Есенгельды у Тахави.

Тот не ответил, долго молчал, потом сказал с грустью:

— И у меня вышел шеститомник. Из них, может, “Печаль любви” останется. А может, и вовсе ничего.

Я в этой связи вспомнил, как однажды в Союзе писателей один оратор, обсуждая чей-то роман, заметил, что вряд ли данный роман кто-нибудь вспомнит через пятьдесят лет.

Я сидел рядом с Ильясом Есенберлиным.

— 50 лет?! — хмыкнул он. — Дай Бог, чтобы наши книги прожили двадцать лет.

Выходит, эти люди были скромны и обладали трезвым взглядом.

Ныне несомненно выдающийся прозаик Абиш Кекильбаев издал 12 томов сочинений. И пошло-поехало! Кадыр Мырза-Али выдал 15 томов, Магауин — 13 томов, Досжан — 13, Т. Молдагалиев — 12, Ф. Унгарсынова — 10, К. Жумадилов — 13, Иран-Гайып — 13, О. Сулейменов — 7 томов. Кто-то недавно назвал цифру 20.

Обвал многотомников. А что останется в памяти потомков?

Так я и не понял, сколько в Казахстане народностей. Говорят: более ста... сто двадцать три... сто тридцать... сто тридцать шесть. Наверное, даже наша Ассамблея никак не может сосчитать. Я попробовал было: на третьем десятке начал запинаться. Подумал: видно, в Казахстане затерялись один якут, два шуршута, три ассирийца, полтора тофалара и один полунанаец-полунгасаран. Иначе откуда взялись бы 136 народностей?

Одно ясно: языков всё же значительно меньше. А вот на территории США в ходу около 300 языков. В штате Массачусетс можно сдать экзамен на водительские права на 24 языках — от албанского до фарси. Можно ли такое представить в Казахстане?



И вот ещё один разительный факт: лексический состав английского языка примерно 240 тысяч слов. Из них три четверти составляют заимствованные слова. И это, полагаю, характерно для всех языков мира. Надо бы поинтересоваться у Олжаса. Он по этой части “собаку съел”.

Похоже, наш министр образования и науки Жансеит Туймебаев — крутой реформатор. Решительно сократил сомнительные вузы и колченогие филиалы. Bravo! Давно пора! Сказав: “А”, надо сказать и “Б”, ибо в этой сфере позарез необходимо навести порядок. Надо бы вообще почистить “авгиевы конюшни”. Если это в принципе ещё возможно.

Так же решительно сделал министр ставку на ЕНТ. Правда, мне лично это кажется даже очень спорным. Госсекреты тут же становятся известными на базаре, ими торгуют, как семечками, и ЕНТ моментально превращается в банальный шахер-махер. Что видят и слепые, слышат и глухие.

Теперь, слышал, министр затевает тестирование и среди преподавателей. Не знаю, что из этого получится. Тоже единое? Тоже национальное? Если формально — то нелепо. Если всерьёз — ей-ей! — половина забракуется. А ведь и так нехватка: уж больно нелёгкий и скудный хлеб.

И ещё министр надумал внедрить некую клятву для учителей, наподобие клятвы Гиппократу для врачей. Что же это получается? Чиновники клянутся. Врачи клянутся. А дела-то совсем швах. И вдруг ещё тысячи и тысячи учителей в городах и весях начнут торжественно клясться в любви и верности своей профессии, стране и президенту. Представили?! И что изменится? Обучение пойдёт по высшему разряду? Патриотизм начнёт бить ключом? Фарс всё это!

Зачем комедию ломать в таких масштабах?

Об учителях необходимо конкретно заботиться, а не связывать руки ноги клятвами.

В далёкие студенческие годы я был неизменным “кассиром” по комнате в общежитии. Слова “коррупция” тогда ещё не знали, каждая копейка была абсолютно прозрачной. Я собирал с носа по 170 рэ из стипендии, и на эту сумму всей гурьбой столовались. В моей записной книжке записаны цены на хлеб, картошку, макароны, рис, лук, помидоры, сахар, баранину того времени.

Обходились! Голодных обмороков не было. В конце месяца, подсчитав ресурсы, я водил своих одноклассников разок в кафе. Случалось, и пиво пили.

Прошли годы. Страна неуклонно развивалась семимильными шагами, и горяча мы проскакали мимо коммунизма. То, что можно было в 50-е, 60-е годы купить за 10 рэ, ныне едва обретаешь за 10 тысяч тенге. Таковы масштабы-координаты.

Ещё пять-шесть лет назад моя жена безбоязненно отправлялась на Зелёный базар с одной тыщонкой, два года назад ей понадобилось примерно на те же покупки уже две тысячи, ныне же, не имея в запасе 4-5 тысяч тенге, она к базару даже близко не подходит. И это при том, что в морозильнике есть “согум” (добрый человек подкидывает), и едоков нас только двое. И продукты закупаются на неделю!



Я бы очень хотел, чтобы наши акимы, министры и другие высокопоставленные чиновники взяли бы в руки калькулятор и прикинули, сколько нужно тенгушек семье из пяти человек на:

- скромный хлеб-чай (о биологических нормах речи нет);
- комуслуги (растущие из месяца в месяц);
- одежду, обувь;
- лекарства (тоже дорожающие неуклонно);
- учёбу детей;
- мелкие бытовые нужды;
- гигиенические расходы;
- кое-какие культурные мероприятия;
- ремонт квартиры (элементарный, косметический);
- неизбежные горести близких и знакомых;
- соблюдение простого человеческого реноме;
- и т. д. и т. п.

А потом, посчитав реальные доходы (нередко это одна пенсия стариков), приблизительно определить, на каком уровне находится большинство казахстанцев, и после этого поскрести затылок: войдём в число пятидесяти конкурентоспособных стран и, если войдём, то примерно когда?

Недавно на вопрос: “Какова ваша зарплата?”, наш Президент, явно взгрустнув, с печалинкой в голосе всенародно ответил: “Зарплата, может, и немалая, но всё равно не хватает”. Народ у телевизора обомлел и покоя лишился: “Господи, как же так?! У Президента дети вроде как миллиардеры. И сам не на одну зарплату живёт. И на чёрный день кое-что припасено, а, оказывается, и ему всё равно не хватает”.

Не-хо-ро-шо! За державу обидно. Один президент на 15 миллионов, и он, выходит, испытывает нужду. Как же обходятся остальные наши бишара-бедняки, сорлыбаюшки и несчастные мыркымбаи. Как же эдак войдём в число пятидесяти конкурентоспособных стран? Или войдут только пять процентов избранных?

Не укладывается всё это в моей голове.

А на днях я узнал, что Алматы уже вошёл в число тридцати самых дорогих городов мира. Представляете? Уже! Вошёл! В первую тридцатку! Мира! По дороговизне.

Народ ликует, радуется, чепчики в воздух бросает. Какая радость! Какой грандиозный успех! Мы вошли в тридцатку самых-самых дорогих. Повезёт — так лет через пять окажемся в двадцатке. А там — глядишь — и до Токио рукой подать.

Это ли не прогресс?! По загрязнённости воздушного бассейна мы, кажется, вообще впереди планеты всей.

Но что дальше?..

Июль 2007 г.

Она обратилась ко мне по телефону. Милый девичий голос. Беглая казахская речь с сильным турецко-английским акцентом. Да-да, она турчанка. Из Стамбула. Третий год учится в аспирантуре Индианского университета США. Изучает проблемы оралманов-переселенцев. Читала мои статьи в казахской периодике. Хотела бы встретиться. Если это, конечно, возможно.

Отчего ж. Возможно. Только во время моей прогулки.



Встретились через неделю. У памятника Чокану. Симпатичная, открытая смуглянка с рюкзачком за спиной, улыбчивая, отзывчивая, сразу расположила к себе, и я сорок минут рассказывал ей об оралманах — казахских, германских, израильских. Она усердно строчила в тетрадке, кивала аккуратной головкой, щедро улыбалась безукоризненно белыми зубами, изумлялась, переспрашивала какие-то слова.

Закончив свою импровизацию, я попрощался:

— Теперь, айналайн, расскажи о себе.

Она, всё так же мило улыбаясь, доверчиво поведала о своём житейском бытии в США, об университете, о профессорах, об интересе к казахскому, киргизскому, узбекскому, туркменскому языкам, о тамошних нравах-манерах, о грантах (“О, на всё хватает”), об условиях, об университетском парке, в котором она по утрам совершает пробежку... Что там говорить! Всё ей по душе, всё нравится. Окончив аспирантуру, она вернётся к родителям в Стамбул и станет преподавать этнологию, политологию, культурологию.

Зовут её Ушик. По-турецки это означает “Ясная, светлая”.

— Хорошо, дорогая Ушик. Да будет ясной твоя душа, светлым сердце! Уже месяц ты в Алматы. Гость мало гостит, да многое подмечает. Какие у тебя сложились впечатления о нашем городе?

Гостья нахмурила бровки.

— Знаете... тяжёлый город. Слишком много машин. Нагромождение зданий. Теснота. Для людей места нет. Грязновато. И — дороговизна. О, очень, очень всё дорого! Здесь мне денег нужно в два раза больше, чем в штате Индиана. И квартира, и продукты, и все товары, и разные услуги — ой, дорого! Я не знаю, как здесь вообще живут. Ни в Турции, ни в Америке такой дороговизны не встречала.

И ещё: я снимаю квартиру в районе КазГУграда. Меня удивляют студентки. Они приезжают в университет, как на дискотеку: разнаряженные, растелешенные, обвешанные побрякушками. Я не вижу в их руках книг. Странно! Учатся ли они вообще? Я приехала практиковаться в казахском языке. Но на улице, везде я слышу только русскую речь.

— А по-русски не говоришь?

— Чуть-чуть понимаю, но говорить не могу.

— В американском университете учатся серьёзно?

— О да! Там студенты и аспиранты со всего мира. И все приехали за знаниями. Вчера у вас в библиотеке встретила одного американца. Он тоже специализируется по казахскому языку. Так интересно!

— Выходит, Ушик, турки и американцы изучают казахский, а казахи вполне обходятся русским?

— Да, я обратила на это внимание. Очень странно! И я понимаю, что для оралманов это одна из серьёзных проблем.

— Ну, успехов тебе, айналайн. Дарю на память о нашей встрече единственную мою казахскую книжку. При случае позванивай. Может, ещё встретимся...

— Рахмет, рахмет, Бельгир мырза...

Дней через десять она — как обещала — позвонила ещё раз.

— На рассвете улетаю. Ещё раз вас благодарю за беседу, за книгу. На следующий год, думаю, буду снова в Алматы. Тогда и встретимся. На том же месте. Ладно?

— Договорились, милая! Счастливого пути!


Сергей ГОРБУНОВ

Зов далёких предков

С того момента, когда человек стал осознавать себя человеком и задумываться над тем, что его окружает, что было прежде и произойдёт в будущем, — прошло не одно тысячелетие. За это время с лица Земли исчезли некогда могущественные государства, города и народы. Такая же участь постигла Ассирию, великую империю, существовавшую за тысячи лет до нашей эры в междуречье Тигра и Евфрата, чья власть простиралась на весь Ближний Восток. В этой ушедшей круговерти веков, событий и войн уцелел, не единожды в попытках быть истреблённым под корень, народ Ассирии, сохранив свой язык, веру, культуру и обычаи. Но чтобы и это не кануло в Лету, павлодарский инженер-строитель Эдуард Бабаев, ассириец по национальности, написал три научно-популярные многостраничные книги (одна уже выпущена местным издательством под названием “Месопотамия. Ассирия — страна бога Ашшура”, другие две: “Месопотамия — Бет-Нахрейн. Ассирийский народ и его боги-покровители” и “Месопотамия — Бет-Нахрейн. Ассирийцы — потомки древних атураи из земли Нимруда” готовы к печати), потратив на это более двадцати лет творчества и поиска новых данных.

До четвёртого класса Эдик (Эдуард, Эльд) особо не задумывался над тем, кто какой национальности. Жил он тогда с родителями в одной из республик Закавказья, владел, помимо родного, языком здешнего коренного населения и русским. Так что проблем со сверстниками не возникало ни в школе, ни на улице.

“Но во время одной из олимпиад по математике мне дали понять, что моя нация — малая и ничего не значит, — рассказывает Э. Бабаев. — Я занял первое место, а на более представительную олимпиаду послали мальчика основной в этой республике нации. Вот тогда-то в детстве я почувствовал на себе отношение к малым народам в нашем государстве. И именно тогда я стал задумываться над тем, кто такие ассирийцы, где их историческая родина, почему они оказались вне её, и отчего их в этой республике считают каким-то второстепенным народом. Я тебе больше скажу. Уже взрослым, окончив в Целинограде инженерно-строительный институт, я вновь, так как там продолжали жить мои родители, вернулся туда, где прошло моё детство. Не думай, что я хвалюсь, но мне в Казахстане, который я считаю своей второй родиной, дали хорошие знания, а от работы я не бегал. Поэтому на новом месте я вскоре стал авторитетным работником и многое сделал для ввода в эксплуатацию природоохранных объектов. Но когда очередь дошла до поощрения тех, кто отличился в этих делах (между прочим, меня пророчили к награде), вновь были отмечены только специалисты коренной национальности. Я никогда не винил и не виню всю эту нацию: плохих наций и народов не бывает, есть плохие люди. Вот тогда-то я и дал себе слово,



что напишу книги об Ассирии и ассирийцах, в которых покажу, что у нас было и есть славное прошлое и настоящее, и достойные сыны и дочери, чтобы другие, такие как я, оказавшиеся в таком положении, не мучились душевно, не зная подлинную историю и культуру своего народа”.

Задумка осуществилась не сразу. Вначале Эдуард, а этим он начал интересоваться, окончивая школу, стал исследовать свою родословную: кто и кем кому приходится, где жили и чем занимались, как семья и родичи оказались в начале прошлого века в России, где сейчас проживает родня и другие ассирийцы.

“Понимаешь, как-то несправедливо получается, — продолжал Бабаев. — У всех народов есть своя история, а у моего — нет. В школе изучают древние Египет, Грецию, Италию и другие страны, а об истории Ассирии и Вавилонии — отрывочные сведения: дескать, существовала такая империя за 2000 лет до н. э. в долинах рек Тигра и Евфрата. Вспомнят еще Месопотамию, то есть Междуречье, возможно уникальные системы орошения, позволявшие получать несколько урожаев в год, висячие сады Семирамиды, библиотеку Ашшурбанского и, пожалуй, всё. (Между прочим, Э. Бабаев сохранил книги по истории, когда ещё учился в школе). А ведь развитие письменности, клинописи, давшей толчок другим письменам, пошло из Ассири-Вавилонии. А народ, который Моисей привёл в землю обетованную и сорок лет его водил по пустыне, появился в пределах Ассири-Вавилонии гораздо позже и обживал отнюдь не заброшенные территории, вокруг тогдашних евреев-арамлеев кипела жизнь. Орошаемое земледелие, торговля, ремёсла, судоходство по Тигру и Евфрату, морским заливам развились за тысячи лет до прихода евреев”.

Обо всём этом и многом другом Эдуард Бабаев узнал из книг и публикаций по истории Ассирии и Вавилона, Шумера и Аккада. То, что для нас экзотика и глубокая древность, для него — живая летопись доныне здравствующего народа.

“Среди апостолов Христа многие были ассирийцами. Да и основы Библии, что доказывают первоисточники, писались в моей древней многострадальной стране”.

Э. Бабаев стал по-своему проследивать и обозначать связь времён и поколений не так, как это описано в различных учёных трудах, статьях и академических монографиях. Но обратился он именно к ним. Самым же главным источником стала Библия. Из неё извлёк абсолютно все факты по ранней истории своего народа и стал на этот стержень нанизывать всё, что разыскал в трудах историков и археологов.

“Столица Ассирии — Ниневия — стоящая на берегу. Но в 605 году до н.э. Ассирийская империя перестала существовать под натиском восставших покорённых народов, затем персов, греков, Александра Македонского, арабов. Несмотря на это, ассирийцы выжили до наших дней, сохранили свой язык и культуру, не ассимилировались с другими нациями этой части Азии лишь потому, что на заре его зарождения приняли христианство и не отступали от веры. За это нас окрестные народы жгли огнём и мечом, и многие сотни тысяч моих соплеменников погибли за прошедшие века.

Да что брать далёкую историю, когда ассирийцы, спасаясь от геноцида, в начале прошлого века через Турцию и Иран пришли в Российскую



империю вместе с частями отступающей армии, надеясь найти помощь у единоверцев. А многие тысячи обрели гонения и смерть, особенно в годы сталинских репрессий. Мужчин и юношей-ассирийцев вылавливали и, если повезёт, отправляли по этапу в Сибирь или Иран, потому что многие были подданными этого государства, а большинство — расстреливали. А ведь ассирийцы искренне любили Советский Союз и не отделяли себя от судьбы страны. Такими были и мой дедушка — чекист, и его брат — учитель школы, которых тоже репрессировали в 1937 году.

В 1917 году численность ассирийцев в России достигала 50 тысяч человек, в 1926-м чуть больше 26 тысяч, а в 1939 году, согласно переписи народов СССР — 19 тысяч человек. Иными словами, был практически истреблён целый народ.

Конечно, в первую очередь уничтожалась интеллигенция, слабая неустойчивая прослойка среди ассирийцев, но носительница языка, культуры, традиций, обычаев. Но на этом страдания народа не закончились. Народ, представители которого мужественно воевали на фронтах Великой Отечественной, по-стахановски трудившиеся в тылу и давшие Стране Советов двух Героев Советского Союза, генералов, трёх Героев Социалистического Труда, академиков, лауреатов Государственных премий и т.п., в массовом порядке был выселен в Сибирь и Северный Казахстан из Закавказья и Северного Кавказа”.

... На поиски места высылки выпускник школы Э. Бабаев отправился в Казахстан через Челябинскую, Томскую и Омскую области, где архивные документы сохранили сведения, что арестованных повезли в Акмолинск. Но когда юноша приехал в этот город, переименованный в Целиноград, то следов дедушки не нашёл — тот этап “врагов народа” расформировали в лагерь Семипалатинска, Новосибирской области и т. д.

Походил-походил Бабаев-младший по городу, потыкался в двери различных кабинетов, но так ничего и не выяснил. И чтобы не возвращаться домой с пустыми руками, поступил в местный инженерно-строительный институт, вывеску которого приметил, когда проходил мимо. Он станет штудировать строительство на системах водоснабжения, но всегда будет помнить о том, что попутно должен, как дал себе зарок, изучать историю своего народа. Позже это намерение трансформируется в желание написать книгу, которая была бы читаема не только ассирийцами, но и представителями других наций.

... Как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Чтобы написать, надо знать, о чём писать, иметь багаж определённых знаний, владеть словом. Второе у инженера-строителя имелось, а вот ради первого пришлось сесть за книги. Он искал их не только по всей стране, переписываясь с библиотеками и научными институтами страны, скупал, где только удастся. В том числе и за границей, приплачивая туристам, отправляющимся в страны Востока и Европы. (Всё это на свои, кровные деньги, за это Эдуард Михайлович благодарен жене Людмиле Романовне и дочери Кристине, которые не роптали, а наоборот, помогали в создании книги). Затем всё добытое систематизировалось, переводилось (приходилось нанимать переводчиков), обобщалось в виде отдельных рукописных глав, перепечатывалось набело. Но, спустя какое-то время, этот чистовик переписывался заново, дополненный новыми фактами или размышлениями автора. И так почти изо дня в



день на протяжении 16 лет (!). Причём последние три года Эдуард Михайлович, оставив работу, занимался только книгой.

“Понимаешь, я почувствовал, что, действуя прежними темпами, не напишу книгу, — как бы оправдываясь, говорит он. — Тем более что она у меня переросла объёмом в 450 страниц, а я не сказал всего того, что намеревался сказать читателям. Поэтому, сдав в печать “Месопотамия. Ассирия — страна бога Ашшура”, я тут же принялся за две другие книги, которые будут более многостраничные. И я бы хотел сказать спасибо моим друзьям: Мейраму Смаилову, Конакбаю Сапену, Виктору Мерцу, Владимиру Олещуку, Александру Сырику, Юрию Поминову, Валерию Ушанову, Марату Гумарову, Г.А. Бабину, и ещё многим-многим другим людям (пусть не обижаются, что не назвал поимённо всех), кто, узнав, что я не работаю и пишу книгу о своём народе, помогли мне материально и добрым словом”.

... Говоря об этом, Бабаев умолчал про то, что ещё полностью не рассчитался с кредиторами за издаваемую вторую книгу. Не стал говорить и о том (об этом я узнал на стороне. — С. Г.), что ему предлагали “поставить дело на поток” и с “наваром” продавать его книги вместо того, чтобы безвозмездно их раздаривать.

“Я их не для этого писал, — он рассердился, когда я напомнил ему этот факт. — Я дал слово, что расскажу о своей исторической родине и об ассирийцах, и я его выполню. И не ради денег, а потому, что мне не хочется, чтобы ассирийцы затерялись среди других народов”.

— Эдуард Михайлович, — подступаю с другого “бока”, — ну ты тогда хотя бы диссертацию по Ассирии защитил.

— Я ещё раз говорю, что не для этого писал книги. Я отдаю дань своему народу. А кто желает — пусть по этим книгам пишет диссертацию. Я же доволен тем, что к известным учёным-востоковедам переводам семи ассирийских постулатов мудрости (вроде притч) добавил ещё пять, ища их в разных клинописных изданиях, переводя их текст. Значит, мой народ, кому обязано человечество культурными достижениями и откуда вообще пошла вся земная цивилизация, будет дополнительно услышан. И пусть ещё не так давно униженный народ воспрянет и почувствует гордость при звучании современного гимна Ассирии, при словах “Мы, ассирийцы...”.

... Писатель Николай Карамзин, автор “Истории государства Российского”, сказал, что “Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно: неуважение к ним — есть первый признак дикости и безнравственности”. В отличие от Эдуарда Бабаева, многие из нас, ныне живущих, “иваны”, не помнящие родства.

г. Павлодар.



Норлан СЕИТОВ

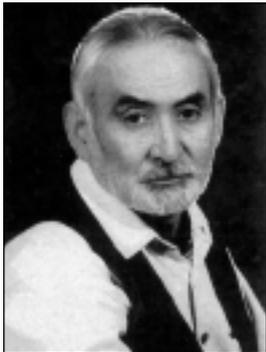
Мой Григ

Гениальное исполнение фламенко на гитаре можно услышать только в записях или в Испании. А тут — “живьём” в Алматы — на концертах и дома. Я пишу о гитаристе Григории Стадниченко. Вы, читатель, думаете, что я, возможно, что-то преувеличиваю. Нет, конечно, нет. Стоит Вам услышать его игру на гитаре, как Вы невольно начнёте говорить, а может быть, и даже писать о своём восторге. Ведь недаром, когда недавно, по приглашению президента Казахстана приехал к нам король Испании Хуан Карлос, то для него стало приятным сюрпризом выступление Стадниченко. Это произошло в необычайно красивых местах в горах Баянаульского заповедника. Слушатели: свита короля, наш президент с помощниками и онемевшие снайперы на сопках вокруг. Удивлению и удовольствию короля не было границ. Помощники президента наслаждались музыкой и своей работой: это они в Алматы через посла Испании, который иногда собирал для музицирования лучших гитаристов города, нашли казахстанского Пако...

А моя встреча с Григорием состоялась в его малюсенькой комнате, где, не знаю как, вместились ещё и музыкальная студия.

На стенах нет красочных плакатов, одна гитара в футляре, другая в чехле; только на старом шкафу висит листовка о розыске особо опасного преступника с миллионным вознаграждением. Присмотревшись, узнал в чёрно-белом снимке хозяина этой комнатки. Мы переглянулись и улыбнулись этой шутке. К моему удовольствию, он исполнил несколько своих композиций, а затем мы принялись, по договорённости, записывать мою гитарную музыку...

В 2000 году я познакомился с Григом (так я назвал его с разрешения Стадниченко) на концерте алматинских гитаристов на сцене “Казахконцерта”. Выступление его затмило всех гитаристов. Он поставил восклицательный знак своей виртуозной игрой. После концерта ко мне подошли мои ученики из музыкальной школы (я выступал в дуэте с Александром Смирновым) и, как положено по этикету, поблагодарили меня, но причиной был не я: они с горящими глазами просили познакомить с Григорием Стадниченко. Они вручили ему цветы, прежде не забыв подарить и мне, и что-то лепетали о Пако де Лусии, сравнивая нашего фламенкиста с испанцем. Дети в чувствах открытны.



**Норлан
СЕИТОВ**

родился в 1940 году. Музыкант, гитарист, композитор. Пишет прозу. В 2005 г. выпустил сборник рассказов “Добрые люди”. Живёт в Алматы. В “Ниве” выступает впервые.



А впервые я увидел Грига на экране телевизора. Услышал концовку пьесы Н. А. Римского-Корсакова “Полёт шмеля”. У меня “отвалилась челюсть очень далеко”, в ушах звонко стучало сердце. Чтобы **так** кто-нибудь играл на гитаре эту виртуозную пьесу, мне не приходилось слышать...

Так же когда-то меня ошеломила игра испанского гитариста Пако де Лусия.

Из века в век у людей, любящих гитару, столько было музыкальных потрясений и не только от гитаристов, но и от других музыкантов... Но я пишу о гитаристе, хотя именно сейчас звучит в моей памяти 1-й концерт для скрипки с оркестром Феликса Мендельсона.

Впервые мировые музыкальные волны в гитарном искусстве начали подниматься от острова “Гитары” (“гитара — мой остров” — это слова великого испанского гитариста Андреса Сеговия (1893—1987). Он, рыцарь гитары, завоевал и покори́л мир, и не только музыкальный. На гитаре он исполнил многие произведения великих композиторов, к примеру, “Чакону” Иоганна Себастьяна Баха... Он считал, что невозможно добиться высот в музыке, не полюбив другие виды искусств. В знак благодарности ему поставили памятник от патриотов Родины. Он академик изящных искусств Испании, и его имя стоит в одном ряду с великим Франсиско Гойя... Андрес всю свою долгую творческую жизнь напевал с детства: “Чтобы играть на гитаре, нужна сильная рука и настойчивость”... Десятилетиями мы “качаемся” на волнах, поднятых гитарой А. Сеговии.

Возможно, кто-то в гитарном мире изучил и исполняет что-то из багажа А. Сеговии, но тут происходит взрыв кометы — это сгусток энергии долгого и тяжкого труда Пако де Лусия! Настоящее имя: Франциско Санчес Гомес. В интервью он признался, что 90 процентов своей жизни он уделяет гитаре (как просто. — **Н. С.**), и это продолжается с пятилетнего возраста.

Довелось, наверное, и мэтру А. Сеговия услышать яростную игру Пако, к сожалению, не могу даже представить его впечатления... Фламенко — это другой стиль: у каждого свой остров и своя природа. Пако де Лусия гитарист фламенко. Его в Испании считают номер один. В своих поисках и творческом резюме он поднялся выше своих коллег, сочетая синтез современной музыки и извечный народный стиль фламенко. Помимо космической скорости звучит волшебно удивительная кантилена с проникновенной вибрацией. И, как парад, — сольные выступления на лучших концертных площадках мира...

Мой краткий экскурс о легендарных гитаристах считаю необходимым: так как “истина не тускнеет в повторении”...

В течение нескольких дней Григ записывал мою гитарную музыку, угощал чаем и очень скупно рассказывал о себе...

Взял в руки гитару в переходном возрасте: это когда мальчики отдельно и девочки отдельно, хотя природный магнит делал своё дело. Для Гриши магнитом оказалась гитара! В те годы “учителями” были друзья и случайные знакомые. Естественно, такая школа была закончена экстерном. А дальше: куда и к кому? Он познакомился с профессиональным педагогом, гитаристом В. Поздняковым. Виртуозная игра учителя вдохновляла усердного ученика, и через год он поступает в музыкальное училище. В городе была проблема иметь хорошую гитару. Григорий уговаривал одного парня продать немецкую гитару “Музима”. Тот, хотя сам серьёзно не занимался на ней, многократно отказывал ему по непонятным причинам. Григорий искренне был огорчён, узнав, что немецкая гитара была разбита на голове хозяина, и ещё



более удивлён, когда пострадавший бескорыстно подарил поломанную гитару студенту музучилища. Золотые руки мастера Григория восстановили инструмент, и бесконечные дни и ночи были отданы любимой подруге. В поисках самовыражения — в те года он был творческим участником рок-группы “На!!!”, импровизировал в джазовых коллективах, в общем, набирался опыта. В училище наслаждался музыкой симфонического оркестра, “живьём” исполнявшего фрагменты из опер Р. Вагнера. Особенно нравились призывы к действию медной группы: а трубы терзали душу. А скрипка! Как прекрасно она звучала в руках Айман Мусаходжаевой на концерте в филармонии, вспоминает Стадниченко.

“Офонарел” Григорий, когда услышал пассажи Пако де Лусия. “Офонарел” весь музыкальный мир, и вся земля засветилась от кометы по имени “Пако”, которая витает вокруг земного шара, сверкая и звеня струнами гитары.

Бетховен, прослушав игру на гитаре итальянца М. Джулиани, сказал, что гитара — это маленький оркестр. Вот таким оркестром взялся управлять Стадниченко. Сама музыка делает чудеса с человеком, окрыляет светлые чувства, будоражит воображение, вдохновляет на труд. Душа гитары отдаётся настойчивому дирижёру, трепетно отзывается на полу-призывы, возникает гармония, и как тут не радоваться долгожданной красоте после долгих поисков и трудов молодого музыканта.

Однажды, после окончания музучилища, Гриша с приятелями зашёл в кафе, где на сцене страстно резвилась и пела цыганская четвёрка из Павлодара. Григорий, осмелев после рюмки вина, попросил у “ромалов” гитару и сыграл вариации на цыганскую песню из репертуара московского гитариста Сергея Орехова. Цыгане плакали, хватались за кудрявые волосы и умоляли: играй, играй, наш ты родной. И с этого вечера началась работа на сцене “ромала” Гриши Стадниченко...

Но не о такой сцене мечтал музыкант, потому что вся страсть и помыслы были очень далеки от той каверзной судьбы, которая безжалостно гнула и равнодушно-бесцеремонно отталкивала в тень несбывшихся желаний. Но как жить? Молодая семья! Любимая жена. Сын, не понимая отсутствия отца в вечернее время, требует отцовской ласки. И, наконец, пустой холодильник... Вот она — наша жизнь! Разве это сытый читатель поймёт?

Но в эти трудные годы он готовил сольный концерт на нашей сцене. Репертуар был составлен из произведений Римского-Корсакова, Панина, Пако де Лусия и обработок Орехова. Многие произведения мы слышали в концертных залах Алматы, многие, к огорчению, так и не услышали. А играет Григ с кровью на пальцах, с глубокими царапинами на гитарном сердце. И ногти от напряжения трескаются (ногтевой способ звукоизвлечения). Надо искать выход.

У него, в отчаянные дни безысходности, он есть: это природа, книги и, конечно, семья. О книгах. Это эпохальный роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита”, романы Ф. М. Достоевского и произведения поэта-авангардиста Д. Хармса, который для меня лично был неизвестен, но благодаря Григу я заинтересовался им.

В эти суровые годы его выручала подруга-гитара, которая была старше музыканта ровно на один год. А “отцом” гитары был московский музыкальный мастер Михайлов. Такая гитара по звучанию: это солнце ночью, и нотки издалека, подаренные нам великими композиторами, светятся при исполнении на ней нежностью, успокаивают встревоженную душу, а то вдруг рассыпаются фейерверком на жгучем закате испанского неба.



Тихой гаванью для Грига оказались его ученики. Это не напряжённое состояние на сцене при выступлении, здесь ты как бы смотришь на своё ученическое прошлое, и тут, пусть и с большим опозданием, можешь исправить давнюю ошибку... Первый ученик — то сын Даниель. Ему восемь лет. “Музыкальную прививку” принял от отца два года назад. Он показательно сыграл пьесу и спел популярную песню (из программы 5 класса музыкальной школы). Я представил себе, как играл бы сейчас Стадниченко, если бы начал играть на гитаре с младенчества! Домашнее преподавание проходит без нажима и горячих слёз. После урока сыночек берёт подмышку гитару и идёт на кухню для самостоятельного разучивания задания. Родители, чтоб не отвлекать мальчика, терпеливо дожидаются, когда он отыграет едва ли не всю программу, и затем все вместе пьют “настоящий индийский” чай.

Теплятся, конечно, в душе воспоминания: это совместное выступление с Демисом Руссосом на сцене Дворца Республики, также с группой “Баккара”. Сама российская примадонна А. Б. Пугачёва, слушая виртуозную сольную игру Грига на сценической площадке в отеле “Анкара”, воскликнула: “О! Это кайф!”. После её слов местная администрация, наконец, проявила интерес к музыканту, который, по их выражению, “бренчит” у них уже полгода.

Приятно, конечно, вспоминать полугодичную поездку в Италию, куда Грига в составе диксиленда пригласили выступать в развлекательном шоу в городе Равенна. “Старая Италия! Подарила счастье на века!” — эти слова из песни. Ведь во многих странах особо одарённых композиторов в качестве награды посылали в Италию для изучения культуры великой страны. Наши ребята не подкачали: появились друзья. Тут-то сбываются слова великого Бетховена: музыка объединяет людей. Там люди без тормозов в дружелюбии. И, естественно, наши воодушевлённые музыканты играли без страховки под куполом успеха. Незабываемое, фантастическое время, скажи, Григ! Ура!!!

Я бы крикнул “ура” сто раз, если бы нашёлся среди наших состоятельных людей, хоть на один процент похожих на небезызвестного Савву Морозова, и вывел бы гениального гитариста Григория Стадниченко на мировую сцену. И наша независимая Республика Казахстан гордилась бы своим Пако... А пока цыганский ансамбль, ученики, дом...

И вот мы продолжаем записывать мою музыку. Запись я готовил для личного пользования, поэтому не был строг и убеждал себя, что первый блин будет комом (я впервые записывался на диск). Григ думал иначе: он преподнёс мне мастер-класс: и как гитарист, и как маститый оператор цеха звукозаписи. Я был счастлив: получилось почти всё чистенько и даже выразительно, благодаря мастеру Г. Стадниченко.

Перед уходом из гостеприимного и творческого дома я ещё раз взглянул на листовку на стене шкафа, где обещали награду в миллион, и подумал о том, что миллион должен сам искать такого гитариста, а не наоборот. А на экране компьютера играл легендарный Пако, и мы заворожённо слушали изящные пассажи.

Можно закончить статью цитатами из высказываний великих, но я скажу своими словами о том, что гитара тоже любит вас, гитаристов и любителей, но в этой любви больше повезло нашему земляку — Григорию Юрьевичу Стадниченко.

г. Алматы.



Литературная премия — О. Григорьевой



25 августа в культурном центре «Дом-музей Марины Цветаевой» города Москвы состоялось торжественное вручение второй международной литературной премии им. М. И. Цветаевой. Премия вручалась по двум номинациям: современная поэзия и исследования жизни и творчества М. И. Цветаевой.

В первой номинации на соискание премии рассматривались поэтические книги, изданные в 2007-2008 годах. Жюри оценивало 26 поэтических сборников. За большой вклад в поэтическое наследие литературная премия им. М. Цветаевой была присуждена Григорьевой Ольге Николаевне, поэту, члену Союза журналистов Казахстана, обозревателю по вопросам культуры областной газеты «Звезда Прииртышья» (город Павлодар, Казахстан). Её сборник «Из семи тетрадей» был признан лучшим из представленных на конкурс.

Во второй номинации премия была присуждена Кудровой Ирме Викторовне, члену Союза писателей России, литературоведу (город Санкт-Петербург).

Премии и медали лауреатов вручали специально приехавшие на эту церемонию учредители премии: мэр города Елабуги Республики Татарстан Ильшат Гафуров и директор Елабужского музейного заповедника Гульзада Руденко. Спонсором премии является предприятие «Таттелеком».

Премия им. М. Цветаевой была учреждена в 2007 году. Её первыми лауреатами были известные литературоведы, писатели Лев Мнухин, Елена Коркина (Москва) и Вячеслав Головкин (Ставрополь). Они были награждены на праздновании тысячелетия города Елабуги в августе прошлого года. Вторую литературную премию было решено вручать в Москве, в дни проведения международного семинара, посвящённого переводам сочинений М. Цветаевой на иностранные языки. На церемонии вручения присутствовали цветаеведы из России, Украины, Грузии, Франции, Мексики, Германии, Италии, Великобритании и Греции.

Гордимся, что наша землячка, представительница Казахстана, постоянный автор «Нивы», стала лауреатом этой престижной литературной премии, и желаем Ольге Николаевне новых творческих успехов!

Константин ПЕТРОВ.

г. Москва.



Галим КУДАЙБЕРГЕНОВ

Его Величество Случай*

Армянские невестки Казахстана

Вместо пролога

Мне уже немало лет. Давно дед. Даже не знаю, будут ли мои внуки когда-нибудь читать написанное мною. Но как человек неравнодуш-

ный, считаю: что слышал, видел и пропустил через себя, не помешает знать всем. Тем более, что события эти действительно имели место в жизни.

Судьба свела меня с несколькими Героями Советского Союза. Высокое звание они получили совсем молодыми, даже не думая и не мечтая об этом. Звание было присвоено им за форсирование Днепра в годы Великой Отечественной войны.

Форсирование Днепра — одна из кровопролитнейших операций в мировой истории — осуществлялось почти в течение полугода войсками четырёх Украинских фронтов. Штурм реки протяжённостью более двух тысяч километров происходил в два этапа. Первый — август-сентябрь, второй — октябрь-декабрь 1943 года в верхнем и среднем течении Днепра на линии фронта около тысячи километров.

Высокий и обрывистый правый берег Днепра гитлеровцы укрепили с немецкой точностью и аккуратностью, присвоив фортификационным сооружениям громкое название “Восточный вал”, с которого простреливался каждый квадратный метр речной глади.

С обеих сторон к Днепру было стянуто огромное количество людских ресурсов и военной техники. Советские войска насчитывали более 2 миллионов 600 тысяч человек, 51 тысячу орудий и миномётов, включая легендарные “катюши”, свыше 2400 танков и самоходных артиллерийских установок, более 2850 самолётов.

По численности так называемой живой силы наступающая сторона более чем в два раза превосходила обороняющихся. У неё в четыре раза было больше орудий и миномётов, имелось преимущество по количеству танков и самолётов.

Начало наступления — 28 августа 1943 года. На узкой полосе фронта вдоль Днепра на тучных чернозёмах, покрытых ясенем, дубом, каштанами, воюющие стороны сконцентрировали почти четыре миллиона человек, десятки тысяч орудий, танков, самолётов. Страшно даже вообразить и представить последствия этого кровавого месива!

*В № 10 “Нивы” за 2007 год опубликована первая часть документальных рассказов доктора сельскохозяйственных наук, профессора Галима Кудайбергенова из цикла “Его Величество Случай”. Читательскому вниманию предлагается вторая часть повествования.



В конце сентября войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н. Ф. Ватутина вышли к Днепру в районе Киева, преодолели водную преграду и заняли на правом берегу два плацдарма севернее и южнее города. С основной задачей: любой ценой освободить столицу Украины к 7 ноября — празднику Великой Октябрьской социалистической революции.

Оценив, какая предстоит грандиозная по размаху и кровопролитности битва, Ставка Верховного Главнокомандующего приняла решение: “Те, кто первыми форсирует Днепр, удержится и закрепится на противоположном вражеском берегу, будут удостоены высокого звания “Герой Советского Союза”.

Получить звание Героя — всеобщая мечта, особенно молодых. Живой Герой! О смерти молодые никогда не думали и не думают. Им всегда кажется, что жизнь штука вечная!

— Форсируешь Днепр — Герой! — говорили везде и всюду те, кому это надо было говорить.

Звания Героя Советского Союза за форсирование Днепра были удостоены 2438 человек. Такого звёздного награждения не было за всю кровопролитную историю Великой Отечественной.

При штурме “Восточного вала” творилось нечто невообразимое. Скорее, природная стихия. Все по телевизору видели африканские саванны. Серенгети. Мирные антилопы, гонимые засухой и подталкиваемые бесчисленными стаями хищников в поисках пастбищ, должны преодолеть реку, которая кишит кровожадными крокодилами в ожидании... пищи.

... Итак, встретились два потока. С одной стороны — широкий многоводный Днепр, чудный в прекрасную погоду. С другой — нескончаемый поток людей и техники в одно мгновение сомкнулись в стихии огня, взрывов, дыма, поднимая в небо мириады водных капель, в которых словно зарево целыми днями красовалась радуга.

Прозрачная днепровская вода вмиг окрасилась в кроваво-красный цвет. Сотни тысяч искалеченных трупов, потерявших ноги, руки, плыли по течению, словно кровавые плоты из обезображенных человеческих тел.

Потом они превращались в скорченные ледяные фигурки, молчаливых и страшных свидетелей жестокой битвы, когда Днепр сковывал мороз.

Из более чем двух тысяч Героев, которые были удостоены этого высокого звания и остались живыми в кромешном аду, я знаком с тремя (вернее, встречаться довелось с двумя, а о первом из них я много слышал, когда работал в Есильском районе тогдашней Тургайской области).

Самому старшему из Героев Даниилу Нестеренко из Донецкой области было двадцать пять, Садыку Жаксыгулову из Западного Казахстана — девятнадцать, сибиряку Лёше Ситникову — восемнадцать. Боже мой, совсем юные и, как говорится, нецелованные. Война любит молодых! По-разному сложилась у них послевоенная судьба. Судьба рядовых Великой Отечественной...

Форсировав огнедышащий Днепр и при этом чудом уцелев, Даниил Потапович Нестеренко нелепо погиб в начальный период освоения целины в ковыльной казахской степи, переправляя технику через коварную, взбухшую от весеннего половодья и пересыхающую в летний зной речушку Жаныспай.

Лишь скромный музей и обелиск недалеко от берегов Ишима на центральной усадьбе ныне полуразвалившегося бывшего целинного совхоза “Дальний” — свидетели его земного бытия.



С доктором сельскохозяйственных наук, профессором Алексеем Михайловичем Ситниковым судьба свела меня, когда я защищал докторскую диссертацию в начале девяностых годов прошлого столетия на учёном совете Омского сельскохозяйственного института в Сиваковке (Сибирской сельхозакадемии). В те годы профессор А. М. Ситников заведовал кафедрой земледелия этого прославленного учебного заведения.

Кафедра давала заключение на мою работу. Мы несколько раз беседовали с ним с глазу на глаз. Принципиальный и доброжелательный, он пожалел мне успехов. А при тайном голосовании поддержал меня. Говорю об этом уверенно только потому, что весь состав учёного совета института по итогам тайного голосования единогласно одобрил мою работу, проголосовал “за”.

Садык Шакенович Жаксыгулов. Герой Садык, как его величают на родине. Многократный участник Парада Победы на Красной площади в Москве в составе воинов-казахстанцев. Часто выступает со своими фронтовыми воспоминаниями перед молодёжью, школьниками. Но, как мне кажется, одно дело — официальные военно-патриотические выступления, другое — откровенная беседа, беседа-исповедь — окопная правда. Манеры создают человека, его образ мышления и поведения. От этого никуда не денешься.

Порой вокруг вольно или невольно разыгрывают какой-то спектакль: встречают, угощают, провожают, делая из тебя того, кого хотят видеть. Не зная и не ведая — на войне бывает и так, что в критический момент трус становится героем, а у настоящего героя душа уходит в пятки.

С годами к этому привыкаешь. Новизна пугает и отталкивает. Когда приближаются военно-патриотические даты и мероприятия, как он сам признаётся, даже против желания внутренний голос приказывает: “Готовься! Иди! Выступай! Ты живая легенда. Говори не то, что делал в действительности, а то, что хотел сделать. Лучше говори то, что тебе советовали сказать. Так нужно!”.

Однако в моём персонаже меня интересовало не то, как и за что ему присвоили высокое звание, а как он встретил верную спутницу жизни Веру Сергеевну Хачатурову, первую из армянских невесток Казахстана.

История второй невестки произошла в Нагорном Карабахе, в годы страшного межнационального конфликта между Азербайджаном и Арменией.

Герой и его Вера

Вот что мне рассказал Садык Жаксыгулов во время одной из наших продолжительных бесед:

“Родился я в 1924 году в Джангалинском районе. Это Нарымкумы, где испокон веку развивалось пастбищное животноводство Западного Казахстана. Нескончаемые отары овец, верблюжьи табуны. Букеевская саванна, да и только. Здесь прошло босоное детство.

Хорошо помню, как в начале тридцатых годов к нам прислали молодую русскую девушку по имени Елена. Она окончила Уральское медицинское училище, старейшее учебное заведение этого профиля в Казахстане. Распределили её в наши края — врачевать местный люд, где веками народ преклонялся перед разными баксы — знахарями. “Дохтур Ленин” — так называли джангалинцы своего медика Елену. Людям было сподручней и удобней называть её именем вождя, так и сохранился её добрый образ в их памяти.



Безотказная, трудолюбивая, неприхотливая, она за несколько лет проживания среди казахов познала язык и обычаи кочевников. По первому сигналу, когда за ней приезжали или сообщали о больных, прихватив с собой медикаменты, она садилась на верблюда — по тем временам свою машину “скорой помощи”, в любую погоду и любое время суток ехала вслед за посланцем-погонщиком. Не знаю, чем она могла вылечить больных, но только её вид в белом халате, чисто вымытые руки, санитарная сумочка, градусник, фонендоскоп и всякие другие медицинские принадлежности делали своё дело.

Когда она выходила из юрты одного больного и направлялась к следующему, первый благословлял её, желая счастья, удачи, долгих лет жизни. Слава “дохтура Ленина” опережала славу фельдшера, маленькой и доброй Лены. Воистину: “Врач не лечит. Врач успокаивает!”.

Под именем “дохтур Ленин” её помнят в тех краях до сих пор. В каждой юрте она всегда была любима и желанна.

В начале пятидесятых годов в связи с испытаниями ракетного оружия несколько районов этой местности Западно-Казахстанской области закрыли, превратив в полигон.

Местный люд без шума, не спрашивая ни о чём, вывезли и расселили по сёлам области, где они обитают до сих пор под общим новым родовым названием — джангалинцы.

В сентябре 1942 года пришла повестка, меня вызвали в военкомат и вместе с другими призывниками отправили в телячьем вагоне в город Оренбург, где прошёл курсы младших командиров. Своё первое боевое крещение получил в конце июля 1943 года под Курском. Степь. Знойное лето. Кругом грохот, пыль, разрывы снарядов, мин, бомб. Всё вокруг в огне, стрельба. Душераздирающие крики раненых. Трупы погибших.

С непривычки особенно страшной бывает первая неделя. Если за это время ничего не случится, считай, удачное крещение. Потом свыкаешься, более того, привыкаешь как к чему-то обычному, новому военному быту. Быту неприхотливо-кровавому и смертельному. Кто воевал, тот о боях не пишет. Особенно рядовые солдаты войны.

Наш миномётный расчёт включили в состав 73-й гвардейской стрелковой дивизии, которую достаточно сильно потрепали в Курской битве. Теперь дивизия действовала в контрнаступлении советских войск и была в рядах освободителей Орла и Белгорода.

В жарких схватках, кроме миномётного расчёта, приходилось быть автоматчиком, пулемётчиком, гранатомётчиком. Одним словом, пехота — “царица полей”. Если хочешь выжить, пехота всему научит быстро, без наставлений и нареканий. На войне — как на войне. Это тоже работа. Работа опасная, кровавая, грязная, неблагодарная. Но кто-то должен воевать!

От Белгорода по прямой до Киева около четырёхсот километров, но чтобы попасть в город, надо форсировать Днепр. И так, вперёд на Киев! Пропаганда и агитация были поставлены на высшем уровне. Уничтожить врага! 7 ноября маршем Победы пройти по Крещатику! На это ежедневно и по несколько раз вдохновляли и наставляли политруки-замполиты. Действительно, Киев освободили 6 ноября.

Оказывается, если одно и то же повторять и вдальбивать в голову по многу раз, ни о чём другом солдат не думает. Поел. Автомат за плечо — и хоть сейчас готов к маршу для форсирования Днепра.



А где он, Днепр? Какой героизм? Это только в кино, книгах, наивном детском воображении. На фронте один страх, правда, и он со временем проходит, как бы свыкаешься и тупеешь.

Я долго думал на тему войны. После пережитого военного кошмара мною, рядовым пехотинцем, который первым встречается лицом к лицу с врагом. Чем выше по званию командир, тем он подальше от переднего края.

Я пришёл к мысли: убитые на поле боя — это невинные жертвы стремления к одной-единственной цели — справедливости и истине по выполнению боевой задачи. Это не чья-то злоба, ненависть, жестокость. Это закон и правило войны. Это, в конце концов, связывает воедино победителя и побеждённого. Убитого и убийцу.

Когда мы прибыли к месту, где была назначена переправа, уже вовсю велось форсирование реки. А солдаты шли и шли лавиной. Без конца и края.словно конвейер смерти. Никто не знал, что ждёт впереди. Этого не положено было знать нам, пушечному мясу, которых был готов молча проглотить Днепр и унести своими водами к устью, к самому Чёрному морю.

Выросший в степи, а скорее в пустыне, я вначале испугался ширины реки, которую видел впервые. Вообще-то, по правде, это вторая увиденная мною река.

Первую, Урал, я пересекал дважды, когда в товарных вагонах нас везли из Уральска в Оренбург в учебный полк и потом из Оренбурга на фронт. Волгу пересекали ночью, когда я спал.

Тут впервые испытал страх! Неужели осилим? Как переплывём? Тем более, многие понятия не имели, что такое плавать. А здесь об этом никто не спрашивал. Последовала команда:

— Вперёд!

Быстро поставив миномёт на плот, мы начали отталкивать его от берега. Когда вода стала выше щиколотки, кто-то рявкнул:

— Ты что думаешь, так пешком дойдёшь до фрица? А ну быстро прыгай и гребь.

Мы были далеко не первые, кто штурмовал “Восточный вал”. Весь правый берег был разворочен взрывами. Крутом воронки, обломки от плотов, на которых висели лохмотья от обмундирования, даже части человеческих тел.

Едва отошли от берега, как нас накрыл шквальный огонь фашистов. В воздухе как пчёлы засвистели пули. Кругом разрывы мин и снарядов.

Начало светать. Я, припав к брёвнам плота, молил и просил аллаха, чтобы нас миновала смерть. Чтобы помог нашему ветхому плавсредству перевезти нас на правый берег. Я не оглядывался назад, знал, что это бесполезно. Надежда только впереди. Что есть силы, напирал на вёсла. Когда тебя одолевает страх, усталости не бывать, её просто нет. В голове только простые и проникновенные слова замполита:

— Форсировать Днепр. Добить врага. Освободить Киев.

И никаких других мыслей. Всё просто и гениально. Сколько было затоплено соседних плотов, не считали. Точно знаю — много. До сих пор в ушах душераздирающие крики погибающих:

— Спасите! Помогите! Мама!

Не знаю, сколько прошло времени в этом кошмаре. Солдаты с соседних плотов начали прыгать в реку. Стоя по шею в воде, они толкали свои плоты или просто брели к берегу, неся на высоко поднятых руках оружие. Мы тоже спрыгнули, дотолкали свой плот с несколькими миномётами и снарядами.



На этом берегу заметно тише и меньше разрывов мин и снарядов. Неожиданно крутой берег Днепра стал нашей защитой. Но как взобраться по высоченному яру? Минные заграждения взяли на себя самые первые штурмовые отряды, форсировавшие реку. Героические самоубийцы, скорее всего, штрафбатовцы, они знали, что обречены и на что идут. Вечная слава и вечная им память!

Ещё на заключительном этапе Курской битвы мы застали момент, как человек десять солдат из боевого охранения тяжёлого танка "ИС" (Иосиф Сталин) своими телами проделывали проходы в минном поле врага...

Когда преодолевали Днепр в страшной огневой перепалке, мы отбились от своих и пристали к чужим. Так было со многими. Всех объединяла одна цель и задача — захватить и удержать плацдарм.

Многие уже карабкались по скользкому крутому яру вверх. Часть бойцов летела вниз, но они вставали и вновь карабкались. Подплывали новые подразделения. Кто на плотках, кто в лодках, а кто даже вплавь.

Пора и нам приниматься за дело. Нас было пятеро и, к счастью, все живы. Все деревенские, простые ребята. Сопя, снимаем тяжеленный миномёт по частям, таскаем ящики со снарядами. Я у них за командира. Думаю, только из-за своего роста. Потому как был на целую голову выше каждого из них. Сквозь шум, гвалт, крики вдруг услышал вроде как команду:

— Ты чего завошкался, б... Тащи быстрее свою пушку наверх! Поддай жару фрицам! Они тут засели, как пауки, и поливают всех огнём. Не дают поднять головы!

Больше я ничего не услышал. Главное понял. Команда придала силы, и мы на верёвках стремительно потащили наверх свой миномёт. Минутной паузы было достаточно, чтобы приготовить своё орудие к бою. К тому времени уже было светло. Утренняя заря пробивала пыль и дым, который окутал всё побережье Днепра.

К своему несчастью, не успели мы сделать ни одного залпа, как неожиданно выскочивший вражеский танк прямой наводкой ударил в наш миномёт, убив двоих моих друзей.

Земля ходила ходуном, всюду взрывы, грохот, стрельба, дым, огонь, крики. Не пойму: где свои, где чужие. Наконец, нашёлся, кто объединил нас. Небольшую группу обезумевших людей. Какой тут героизм! Последовала команда:

— Окопаться!

Что-что, а окапываться мы умели.

Если говорят: "Голод — не тётка!", то на войне: "Смерть не ждёт, если не зароешься в землю-матушку!"

Начали обсыхать. Грязь сухими комьями начала отставать от гимнастёрки. В сапогах противно чавкала вода. Главное — жив! Что ещё надо на войне? Не успели окопаться до колена, как враг пошёл в яростную атаку, пытаясь сбросить нас назад в реку.

Всё, что могло стрелять и двигаться, пёрло прямо на нас. Впереди танки.

Деваться некуда. Если сбросят в Днепр — утону. Это точно конец, а тут хоть какая-то надежда. Слышу яростную команду:

— Держаться до конца! Приказ Сталина! Ни шагу назад!

Не видно сквозь пыль и дымовую завесу, но отлично слышен нудный вой "Юнкерсов". На бреющем полёте они сбрасывали бомбы на наши войска, продолжающие форсировать Днепр.



Промедление — поражение! Киева не видать!

Наша оборона, по всей вероятности, серьёзно озадачила врага, фашисты снова ринулись в атаку. Неимоверными усилиями отбив её, мы закопались глубже, начали обустривать траншею — своё жильё и спасительницу. Тут командиры нашли нас, собрали повзводно, поротно.

Наши действия стали приобретать более осмысленный характер. Даже ходили в атаку по ночам, в надежде забросать вражеские дзоты гранатами. Проложили связь, обеспечили доставку пищи.

Особенно тяжёлым оказался бой 10 октября. Мои товарищи, с кем пришлось форсировать Днепр, все погибли. Когда взрывом накрыло меня, потерял сознание. Очнулся в санчасти полка. Подшаманили. И снова в бой.

Накануне дня Красной Армии 22 февраля 1944 года указом Президиума Верховного Совета СССР за форсирование Днепра и удержание плацдарма мне в числе более чем двух тысяч воинов присвоили звание Героя Советского Союза.

После Победы четверых Героев из нашей дивизии направили на переподготовку офицерского состава в город Баку, в котором уже тогда проживало около миллиона жителей. Баку произвёл на меня фантастическое впечатление.

Я оказался как бы в другом мире, долго не мог прийти в себя. Лазурное море, зелёный большой чистый город — людской муравейник. Война до Баку не дошла, и это его счастье.

Разместили нас в Сальянских казармах. Как рассказывали нам, своё название они получили от француза по имени Сальян, который находился на службе у императора Николая I, по высочайшему указу которого Сальян был направлен на службу в Баку, считавшийся тогда совершенно диким местом.

Француз был достаточно хорошо образован. Обладал незаурядными знаниями и организаторскими способностями в области строительства. В короткие сроки под его руководством был отстроен город-крепость, красивый, добротный, с учётом особенностей восточной архитектуры.

Городок был озеленён, обладал своим неповторимым микроклиматом. Завершив строительство, француз отправил письмо императору: “Государь, докладываю! В этом диком краю я, Сальян, построил земной рай”. Ответ был краток: “Построил земной рай — молодец! А теперь живи в нём!”.

Казарма — дом родной для солдата. А здесь действительно почти рай. Мы были поражены уютом, тишиной и порядком. Если к строевой подготовке привыкли быстро, то к учёбе никак. Тем более что я окончил казахскую школу. В конце концов, офицер из меня не получился, но зато в Баку я нашёл своё счастье. На всю жизнь.

После карантина нам дали увольнение в город. Надраили кирзовые сапоги, почистили парадную форму, сержантские погоны. Белые подворотнички, фуражка. Старшина части привередливо осматривал каждого из нас, наставлял при этом:

— Вы не просто курсанты! Вы Герои Советского Союза. Помните и не забывайте это высокое звание и честь!

Как только мы вышли за пределы войсковой части, все встречные, от мала до велика, обращали на нас особое внимание. Золотые звёзды на наших мундирах сияли как настоящие небесные звёзды. Такого уважения не было среди своих военных, для которых награды — привычное дело.



А в гражданской среде — настоящий фурор! Грудь колесом! В первые дни было как-то не по себе. Потом свыклись со своей новой ролью.

Баку в те годы был многонациональным и гостеприимным городом, особенно доброжелательным к нам, военным. Однажды мы пошли в кино, и здесь, в очереди в билетную кассу, я познакомился с девушкой Верой.

Билетов нам не досталось. Пошли погулять. Она оказалась коренной бакинкой, прекрасно знала свой родной город и стала первым моим гидом. Как быстро пролетело время, пока прогуливались по паркам и скверам города, вдоль побережья Каспия! Пора возвращаться в свою часть. Без Веры я бы не нашёл своей казармы. Она проводила меня до места. После первого дня нашего знакомства я не придавал этому особого значения и был удивлён, когда, спустя несколько дней, запыхавшись, прибежал дневальный и сообщил:

— К тебе девушка.

Я не поверил:

— Какая девушка? У меня здесь никого нет!

Кстати, тогда девушки толпами осаждали ворота нашего КПП, и все привыкли к этому.

Выхожу. Не верю глазам. Боже мой! Оказывается, меня вызывала Вера. Усатый и добродушный старшина втихаря досрочно отпустил меня в увольнение. Вера сияла от счастья, когда шла рядом со мной. Мы подошли к какому-то скверу на берегу моря. Зашли в уютное летнее кафе. Вдруг Вера представляет меня:

— Это мой брат Рубен. Младшие сестрёнки Ася, Седа.

Вот так сюрприз!

— А это Герой Садык, о котором я вам рассказывала. Никто из вас не верил, что он настоящий Герой. Садык, пусть хоть потрогают твою звезду.

Любопытство и нетерпение девочек не знало границ. Притронувшись к звезде, они начали пальцами аккуратно гладить награду. Мне даже пришлось наклониться. Рубен смущённо стоял в стороне и что-то говорил своим сёстрам на незнакомом мне языке, как оказалось, на армянском.

Только тогда я узнал, что Вера армянка, но для меня это уже не имело значения. Для меня она просто Вера. Когда любопытство девочек было, наконец, удовлетворено, они вдвоём взяли меня крепко за руки и не отпускали от себя. Я даже не знал, кто из них Ася, а кто Седа. Для них держать Героя за руку было счастьем и предметом особой гордости, вызывая зависть у всех встречных, которые уступали нам дорогу. В тот вечер меня в часть уже провожали всей семьёй.

После этого случая в увольнение мне разрешили ходить в одиночку. Правда, за мной тогда всякий раз приходила Вера.

— Ну, парень! Ты попался! Возьмёт она тебя в оборот, эта бакинка. Чую сердцем. Не отвертись! Не забывай, однако, что ты азиат, — шутил усатый старшина.

Теперь, особенно по воскресеньям, Вера приходила за мной вдвоём с братом. Рубен учился на третьем курсе института и был уже образованным молодым человеком, не то что я, курсант школы молодых командиров, хотя и Герой. С гордостью и воодушевлением он поведал мне историю любимого им города:

“Баку мы называем по-своему Баку, возможно, это происходит от персидского “Бад кибе” — обдуваемый ветром”. Впервые он упоминается в источниках V века, и уже тогда был известен добычей нефти. Как крепость,

Баку в XV—XVI веках считался одним из сильнейших в Закавказье. Об этом свидетельствуют остатки разрушенных стен старого города и минарета Сынык-кала. Нефть вывозили в Иран, Среднюю Азию, Турцию и даже в Индию, что приносило иранской казне большой доход.

Во время Персидского похода Петра Первого Баку был взят русскими войсками и возвращён Ирану в 1735 году. С 1747 года Баку стал центром одноимённого Бакинского ханства. В 1806 году, во время ирано-русской войны, Баку был присоединён к России.

Добыча “чёрного золота” к концу XIX века увеличилась с 26 тысяч до 11 миллионов тонн, что составило около 50 % мировой нефтедобычи. Вскоре был построен нефтепровод Баку — Батуми, который был пущен в эксплуатацию в 1907 году.

Да, кстати, отчасти Октябрьскую революцию 1917 года, — озираясь по сторонам, Рубен перешёл на шёпот, — некоторые историки рассматривают как войну между Ротшильдами и Рокфеллерами за контроль над бакинскими нефтепромыслами. В 1920 году Рокфеллеры отобрали у большевиков половину бакинских нефтепромыслов, принадлежавших ранее Ротшильдам. Когда в 1921 году Ленин провозгласил НЭП в России, чья экономика находилась в полном хаосе, вернулись капиталисты. Именно Рокфеллеры после смерти Ленина финансировали сталинские пятилетки”.

Об этом и о многом другом рассказал мне Рубен, когда мы гуляли и осматривали достопримечательности Баку. Оказывается, во время войны немцы очень хотели отрезать бакинскую нефть, ничего для этого не жалея. Но не получилось. Именно “чёрное золото” привлекало и привлекает к этому городу большое внимание всех сильных мира сего.

“Баку называют Парижем Востока, — гордо и без усталости повторял Рубен, когда мы пошли к одному каменному сооружению. — Это “Кыз каласы” или “Девичья башня” — визитная карточка нашего города, памятник архитектуры XI века, которая была сооружена по проекту архитектора Масуда.

В те далёкие времена она была построена на одном из островов в море. Но через века море усохло, башня оказалась на суше, и мы ходим сюда пешком, а раньше до неё добирались на лодках или даже вплавь”.

Рубен рассказал прекрасную легенду, почему ей дали название “Девичья”, но я её попросту забыл. В моей голове было столько впечатлений, что для той легенды не оказалось места.

Затем двинулись к дворцу Ширваншахов, замечательному памятнику средневековья (XV век). Этот ансамбль зданий вокруг трёх дворцов: дворец Диван-хана, Усыпальница, мавзолей Сейида Ахья Бакуви — мечеть с минаретом, Восточные ворота.

Неимоверная жара и духота при высокой влажности воздуха притупили мой интерес. По правде говоря, это всё меня особенно и не интересовало. Мне бы лучше быть наедине с Верой! Однако увлечённый Рубен не замечал этого. Ему хотелось показать свою эрудицию как историка, экскурсовода.

Любовь к памятникам, к истории любимого города, тем более при послушном и тихом “туристе” Герое. Как кадры кинохроники, мелькали перед моими глазами минарет Сынык-кала (XI век), храм огнепоклонников “Атешгях”, крепостные стены старого Баку с Шамахинскими воротами, сохранившиеся строения старого города “Ичери Шехар”.

Я устал. Гимнастёрка покрылась потом, хоть бери и выжимай. Хорошо, что сырые потные портянки, мастерски намотанные мной, надёжно держались на ногах, обутых в кирзовые сапоги, и не сбились.



Рубен безостановочно говорил о каком-то Насими — поэте, мыслителе, казнённом за “богохульство” и похороненном в Сирии, в городе Алеппо, недалеко от древней Пальмиры. Её архитектурные ансамбли отличаются особой внушительностью, величием, пышностью форм и скульптур.

— Небезынтересно, — как знаток зодчества, добавлял Рубен, — Санкт-Петербург иногда называли Северной Пальмирой!

Когда, вдохновлённый моим послушанием и вниманием, он замахнулся на то, чтобы совершить поездку в какой-то Гобустан — музей под открытым небом со множеством изображений древних людей каменного века, я в отчаянии запротестовал, в чём нашёл решительную поддержку со стороны Веры. Энтузиазм Рубена как-то иссяк.

— Садик, как твоя фамилия?

— Жаксыгулов, — ответил я. — А зачем это тебе?

— Да так, просто. А наша фамилия Хачатуров, хотя мы армяне. Она должна звучать Хачатурян, как у знаменитого композитора. Не знаю как у вас, а у нас, армян, имена и фамилии делятся на пять категорий: титулованные по родителям, по роду занятий, по географии или отличительному признаку. Армянские фамилии обычно заканчиваются на “ян” или “янц”, что означает “сын”. Сейчас многие армянские фамилии русифицировались заменой традиционных окончаний “ян, янц” на русское “ов”.

— Оказывается, у вас тоже!

Мы засмеялись.

— Да, Рубен, кстати, по-казахски меня звать Садык, а ты моё имя уже переименовал на свой армянский лад — Садик!

Мы вновь от души рассмеялись.

— Ладно, Садик! Переваривай увиденное и услышанное. — И он отложил предлагаемую экскурсию на неопределённое время. А потом, как мне показалось, и вовсе забыл о ней.

Моя служба-учёба продолжалась, и я уже начал привыкать к ней. Особенно не мог дождаться воскресенья — увольнения и встречи с Верой.

После памятной экскурсии Рубен не стал приставать ко мне со своими познаниями, может быть, сам догадался, а может, Вера подсказала.

— А вот здесь мы живём.

Она завела меня в маленький дворик, увитый виноградом, через листья которого не проникали даже солнечные лучи. Дома мы пробыли совсем недолго. Видимо, Вера стеснялась своей матери. Я смутно догадывался, что она, наверное, была против наших встреч. О том, что мы встречаемся и даже симпатизируем друг другу, ей было доподлинно известно от сына Рубена и младших дочерей. И они все были на стороне Веры.

Однако у родителей всегда своё мнение. И оно не всегда совпадает, чаще бывает наоборот, чем у детей. Конечно, мать Веры знала, что я другой нации и веры, а это тогда много значило для людей её возраста и убеждений.

Прошло больше полугода нашей учёбы. Преподаватели и командиры уже сделали свои выводы. В итоге из четверых Героев, которых направила наша дивизия, двое отсыпались: я и Николаенко. Двоих куда-то перевели. Меня с Мишей Николаенко сразу демобилизовали.

— Так что прощайтесь со своими девчонками и домой, — заключил наш ротный по курсу.

Меня одолевали необъяснимые чувства. С одной стороны, Вера, к которой я привык, и она влюбилась в меня, не скрывая ни от кого.



— Я поеду с тобой хоть на край света! Мой Садык! Любимый! — говорила она, обнимая и целуя меня, вся в слезах. — Я тебя везде найду!

Скажу прямо. У нас с Верой не было интимных отношений. Мы даже стеснялись их. Почему-то сдерживали свои инстинкты. Не могу объяснить. Или время было такое. Или мы были разных национальностей и веры.

С другой стороны, родной дом, по которому я так соскучился за долгие годы войны, по родным и самым близким. Ожидание встреч. Ностальгия гораздо значительнее и интереснее, чем правда действительности.

По этому поводу я хорошо запомнил рассказ одного аксакала. В наших краях живёт много уральских казаков, которые почти пятьсот, а то и больше лет назад осели в облюбованных ими краях из-за обилия рыбы, в том числе осетровой. Изобилие икры, в том числе чёрной. Изобрели свой способ рыбалки — багренье и плавня с использованием будар.

Багренье — подлёдная рыбалка — обычно начиналось у города Уральска и заканчивалось в двухстах километрах вниз по течению реки. Начиналось багренье между 10 декабря и 15 января, как только хорошо замёрзнет лёд, продолжительностью две-две с половиной недели максимум.

Плавня делится на “весеннюю” или “севрюжнюю рыбалку” и “осеннюю” в строго определённое время и место. Плавня проводится на бударах — лодках, выдолбленных из тополя или вербы.

Начало багренья и плавни определял выстрел из пушки, который назывался “удар”.

Раньше река называлась Яик, от казахского “Жаик”. Однако после пугачёвской смуты, которую поддержали яицкие казаки, даже выдавшие за Емельяна Пугачёва местную красавицу Устинью Кузнецову, по велению императрицы Екатерины II, реку переименовали в Урал, а на казахском “Жаик” сохранилось и ныне.

Во время восстания местные казахи не поддержали пугачёвский бунт. Яицкие казаки были их вечными врагами.

Советская власть уравнила враждующие стороны в правах. Теперь они живут в одних сёлах и пользуются преимущественно одним видом тяглогового средства — лошадью.

Так вот. Одну клячу, которая всю жизнь обслуживала селян по хозяйству, на старости отпустили на заслуженных отдых. Это поддержали даже казахи, для которых конина — деликатес. Свобода! Иди, гуляй! Ан нет! Походит лошадка, походит, а рано утром как штык дежурит у своей привычной арбы. Можно излечиться от болезни, а от привычки — никогда!

Так и нас всегда тянет по привычке. Поэтому так сладки для нашего слуха понятия: отчий дом, родные края, родная земля и другие из этого рода призывно-патриотические понятия. Однако эти понятия всегда относительны.

Надо родную землю свою, если она действительно тебе родная, вначале обустроить. Трудиться на ней в поте лица, быть терпеливым. Одним словом, как говорил великий Конфуций: “Не делай другому того, чего себе не желаешь!”. А потом уже все перечисленные лозунги и призывы воспримутся сами собой.

... Покидали Баку неожиданно ночью. Я не успел даже попрощаться с Верой. Нас по тревоге подняли и строем прямо на вокзал. Погрузили в обычные товарные вагоны. Попробуй убеги. Пристрелят на месте. Не посмотрят, что ты Герой. А как хотелось убежать и попрощаться, оглядывался кругом в надежде — вот увижу Веру. Напрасно.



Домой добирался из Баку больше месяца по разрушенной войной стране, через Ростов, Киев, Саратов. В Ростове нас даже не выпустили на перрон. В Киеве мы с Мишей Николаенко обратились к коменданту вокзала:

— Сколько друзей потеряли при форсировании Днепра, когда освобождали город. Как его теперь не увидеть вживую? Ведь и Героя получили за его освобождение.

Последнее особенно сильно подействовало на пожилого военного:

— Ну шош, хлопцы! Даю вам ровно трое суток. А после сего срока я вас не чувяв и не бачив! Ты, Михась, видкиля? А, Полтава, цеж рядом. А ты, як тэбэ, Садык — Казахстан? Шчо це таке? Ты мини, хлопец, кажи станцию.

— Уральск.

— Ясно теперича!

Город Киев — одно название. Сплошные руины. Не то что солнечный, весёлый и жизнерадостный Баку. Киев только-только возрождался. Восстанавливался после страшных разрушений. Это особенно наглядно было видно по улицам, где полно людей и машин.

На перекрёстке регулировщица, на ней изумительные сапожки, синяя милицейская юбка, белая гимнастёрка с портупеей и маленький берет. Жезлом она не орудовала, а чудодействовала, как бы танцуя какой-то удивительный, темпераментный танец.

Она была очень красивой, как будто сама природа сотворила её регулировщицей. Водители сигналили ей, а она дарила всем свою ослепительную улыбку. Мы с Мишей, раскрыв рот, почти час любовались ею. Можно сказать — влюбились. Но пора уходить.

Что тогда поразило, это удивительно миловидные украинские девушки. У всех мягкая походка и грациозная осанка. Ну прямо танцовщицы, как та регулировщица, на которую мы перед этим взгляды.

Уже потом, спустя годы, я обратил внимание на украинцев-переселенцев, которые попали к нам в Казахстан в период столыпинской реформы, а может, и раньше. Их девушки были одна в одну вылитые, как те девчата, которыми мы любовались в Киеве в первые послевоенные годы.

Название “Киев” связывают с именем Кия — легендарного основателя города в шестом-седьмом веке новой эры, как центра восточнославянских племён. Через Киев проходили важнейшие торговые пути из “варяг в греки”, в Константинополь, в Азию, на Дон и в Новгород.

После того как Олег завладел Киевом, город стал центром Киевской Руси.

В середине XI века в Киеве были построены выдающиеся памятники древнего русского зодчества: Софийский собор, Киево-Печерская лавра.

В 1240 году город попал в вассальную зависимость от Золотой орды, после вошёл в состав Великого княжества Литовского. Его грабили крымские войска хана Минли Гирея, польская шляхта. Так продолжалось более четырёх веков, пока не произошло воссоединение Украины с Россией в 1654 году.

Четыре века происходило смешение различных рас и народов. Война войной, а у жизни свои законы. Вот где, как мне кажется, кроются истоки красоты местных девчат! Одна из них Роксалана. Кто она, Роксалана? Для одних — турчанка, для других — француженка. Я думаю, что она всё-таки украинка. Ведь в молодости, до того как стать султаном Османской империи, Сулейман II правил Крымом!

Первой женой Сулеймана II, прозванного в Европе “Великолепный”, а в мусульманском мире как “Законодатель”, была грузинка Босфорна,



родившая ему наследника Мустафу. Не будь Роксаланы, так бы оно и осталось. Роксалана в те годы была лишь одной из многих одалисок гарема султана. Благодаря своей красоте, уму, мудрости она стала его женой, подарила четырёх сыновей и одну дочь. Это потрясающая история любви...

Почти четверть века слава и гордость Турции, гроза и ужас Европы был игрушкой в руках Роксаланы, которая добилась своего и привела на османский трон своего сына Селима II, который, в отличие от своего отца, получил кличку “Пьяница”.

Роксалана умерла на несколько лет раньше султана и была погребена со всеми почестями, оплакиваемая неутешными слезами султана. Сам Сулейман II по своему же завещанию похоронен рядом со своей любимой...

За годы войны фашисты уничтожили на Украине около пяти миллионов человек и свыше двух миллионов жителей вывезли на работу в захваченные ими европейские страны. Многие шахты не подлежали восстановлению, потому как туда были сброшены трупы тысяч людей. Всё промышленное оборудование Украины было разрушено или вывезено.

Теперь, пока не будет построено новое, всё делается вручную. Каждый камень, кирпич разрушенного города надо выбрать, поднять, перенести и заново всё построить.

Кругом, куда ни глянь, восстановительные работы. А ещё надо производить продукты питания, потому как Украина — традиционная житница страны. А что такое выращивать хлеб или буряки? Ухаживать за скотом ради молока и мяса? Скажу прямо, труд адский! Всё вручную!

Мы прошли через разбитый центр города. Одни остовы зданий, в которых когда-то кипела жизнь. Подошли к древнему монастырю, стоявшему на обрыве. Это Успенский собор Киево-Печерской лавры — один из старейших храмов, который когда-то был центром всей русской православной Церкви. Великолепные монастырские здания с росписями построены в двенадцатом веке.

Монастыри во все времена были хранилищами многих сокровищ мира, но вот пришли “цивилизованные” захватчики и вывезли большую их часть. Перед отступлением всё, что можно было взорвать, фашисты взорвали, обстреливали здания из тяжёлых орудий.

Теперь это огромная куча битого камня, провалившихся куполов с остатками стекла, на которых местами можно различить настенную роспись. Нужны были столетия, чтобы воздвигнуть подобную красоту, теперь всё погибло. Все дворики монастыря заросли сорняками. Кругом полынь, чертополох, лебеда, которые всегда появляются в таких местах. Будь то руины города или заброшенные хлебные нивы.

В полуразрушенной часовне, перед разбитым алтарём увидели оборванную женщину, которая со стоном царапала землю, как бы пытаясь обнять её. Через открытые ворота, куда раньше могли проходить только члены царской фамилии и её ближайшее окружение, проследовала, беспрерывно крестясь, полубезумная женщина с дикими, навывкате, глазами. От ужаса увиденного мы долго не могли прийти в себя.

А вот и Софийский собор. Он сохранился, вероятней всего потому, что из него нечего было взять, поэтому он и не был разрушен. Собор был построен во времена Ярослава Мудрого, так что это одна из самых древних церквей мира. В боковой часовне, в маленьком, похожем на домик, саркофаге из мрамора, покоится его тело.



По преданию, во время одного из многочисленных сражений Ярослав сломал ногу. Тело его пролежало в этом саркофаге более тысячи лет, а недавно, когда захоронение было вскрыто, обнаружилось, что у скелета в гробу в самом деле была сломанная нога. Все были счастливы, потому что им действительно оказался Ярослав Мудрый.

Обе церкви, которые мы посетили, навеяли мрачное настроение. Действительно, все храмы давят на человека своим величием, от этого они великие. Ни одно дикое племя, ни один завоеватель не зверствовали в Киеве так беспощадно и расчётливо, как фашисты.

И вот, словно в отместку — смотрите, что вы наделали, — колонны военнопленных в мундирах немецкой армии топают по улицам Киева на работы по расчистке оставленных ими руин. Это, вероятно, одно из худших наказаний, какое только можно им придумать!

На Киевском вокзале, если можно его так назвать, груды развалин. Мы обнялись и попрощались. Больше своего однополчанина Мишу Николаенко я никогда не видел и не слышал о нём.

Добрый комендант вокзала вручил воинское предписание и билет:
— Ну, хлопэц! Кати до сэбэ, до дому, до хаты.

Мы долго ехали по растерзанной войной украинской земле. Казалось, этому не будет конца и края.

Поезд, громыхая вагонами, дотащил нас до Саратова. На душе защемило от родного запаха жусана — полыни и знойного сухого воздуха. Весна. Зелень разнотравья и степные тюльпаны радовали глаз.

Меньше, почти даже нет, разрушенных и развороченных железнодорожных путей и раскуроченных остовов вагонов. В Саратове пересадка из теплушек в настоящие пассажирские вагоны.

Железнодорожный военный комендант быстро решил мои вопросы. Как-никак Герой. Хотя сам вокзал кишел людьми, как настоящий растревожженный муравейник. Шум, гам, ссоры с матерщиной неслись со всех сторон. Огромные очереди за билетами, которых не было в свободной продаже. Зато толпы блатных могли достать и продать их куда угодно. Подходили даже ко мне со своими услугами.

Особую тревогу представляли толпы беспризорников, которые проносились по огромному вокзалу и привокзальной площади в поисках своей жертвы. Пьяные мужики-калеки, вчерашние фронтовики, брошенные семьями, сбившись в маленькие компании по два-три человека, отталкиваясь выструганными палочками, передвигались на самодельных самокатах, матерясь и выпрашивая милостыню.

И вот, наконец, подали поезд Саратов — Челябинск.

Ура! Еду домой.

Добрался в свой аул далеко за полночь. Пешком. Грязь по колено.

Скрип двери первой, как всегда, услышала мама.

— Ойбай, жаным! — Мой дорогой! Еле дождалась тебя.

Несколько дней подряд к нам валил народ со всей округи: соседи, родственники, знакомые и незнакомые мне люди. Все они разделяли радость Победы. Сын живой и здоровым вернулся с поля боя. Не знаю, чем потчевали их всех родители. В народе говорят: «Каждый гость приходит со своим достатком!».

Наконец всё утомилось. Будни. В первую очередь надо встать на воинский учёт.

У себя на родине мне пришлось как бы заново проходить школу жизни. Фронтовиков, которые, как я, вернулись домой живыми, было достаточно. Было много и тех, кто потерял ногу, руку, одним словом, инвалидов. Если в Баку, Киеве, Саратове на меня смотрели как на Героя, и я стал привыкать к этому, то дома всё было иначе.

— Подумаешь, Герой. Да видали мы таких, и за что это им дают? Вот я без ноги остался. Считай, калека на всю жизнь, однако не герой!

И так почти каждый день.

Звезду Героя я снял, отдал матери, чтобы она спрятала куда-нибудь подальше с глаз. Почему возникает такая людская неблагодарность и зависть? Как будто я отнял это звание у кого-то из них. Что я мог ответить на подобные выпады? Ничего. Молчал и злился.

У меня не было никакой профессии. Для начала меня, как Героя, направили в соседнее село комсомольским вожак. Хотя в этой работе я ничего не смыслил.

Секретарь райкома комсомола, однорукий фронтовик, мой ровесник, похлопав меня по плечу, напутствовал:

— Ой, сколько там девчат-трактористок! Море! Не зевай. Запомни на всю жизнь два главных математических действия: отнимать и делить! Делить и отнимать! Научись делать это как надо, всё пойдёт как по маслу. Нет — пеняй на себя!

Помню, как всё то лето заготавливал овечий кизяк для школы и для районного начальства. Овечий кизяк по качеству не уступал даже углю. Это все хорошо знали. Заготавливать, распределять кизяк поручили моему шефу — секретарю райкома комсомола. Начальство не дураки, они всех и вся хорошо знают и всё просчитывают!

Однажды ко мне как к комсоргу, но, думаю, больше как к Герою, обратился уважаемый местный аксакал. Мастер на все руки. Благодаря безотказности, трудолюбию и таланту все в районе стояли за него горой. Он всю войну был на “брони”. Он и слесарь, плотник, кузнец, пимокат, портной.

Это он постоянно обеспечивал меня крайне дефицитными черенками для лопат в этом безлесном краю, когда я вырезал и переворачивал овечий кизяк.

Надумал он дать своей дочери высшее учительское образование. Предел мечтаний местного казахского “Левши”. Но для поступления в Уральский педагогический институт нужен паспорт, без которого молодым вообще нельзя отлучаться даже за пределы посёлка. Всем этим руководил местный “баскарма” — председатель колхоза. Позвонит кому надо, и судьба твоя решена.

Хорошо зная всё это, смущаясь, уважаемый аксакал нелёгкую просьбу свою изложил мне. Он знал, что я один-единственный Герой на всю округу, наверное, был почему-то убеждён, что только я могу помочь в его деле.

Районное начальство в лице моего шефа каждую неделю навещало меня, интересуясь темпами заготовки зимнего топлива. Потому как одной рукой он постоянно хлопал меня по плечу, темпы его устраивали. При очередном визите я изложил свою просьбу.

— Такие дела быстро не делаются! — шутил он с самым серьёзным видом. — Я посоветуюсь и скажу тебе через неделю.

Сел в свой тарангас и умчался. Правда, через неделю он назвал цену: — Мешок зерна и ещё что-нибудь!

Я знал, что аксакалу кое-что принесли за его услуги, но указанная такса — несказанное богатство тех лет. Такое я слышал впервые, тем более от такого человека — комсомольского вожака!



К этой таксе мой аксакал безропотно добавил ещё трофейный будильник. Организовал телегу, я всё отвёз домой к своему шефу, выгрузил в сарае. Часы занёс в дом. Хозяева даже не вышли помочь. Что ж, каждому своё! Даже мне, простому парню из аула, было противно делать подобное. А как быть? Жаловаться кому и на кого? Мне-то, Герою!

А потом случилось то, что заставило забыть былое, начать новую жизнь. Семейную.

Откровенно говоря, вначале по возвращении домой была тоска зелёная. Наш аул — это далеко не величественный и шумный Баку с его базарами и морем. Даже не разбитый и разрушенный Киев с его красавицами-регулирующими, а с Европой, куда на короткое время меня забросила фронтовая судьба, и сравнивать не приходилось.

Пыльный мешок, да и только. Там и сям разбросаны глинобитные низкие домики, где всюду выглядывали из-под облупившейся обмазки самодельные саманы. Дикие заросли сорняков вровень с плоской крышей. И на крыше тоже. Ни одного забора и ограждения.

Кривые и короткие улочки, которые трудно ими и назвать, в глубоких колдобинах и колеях. Повсюду грязь, кучи навоза, где копошились гуси, утки, куры, а пронырливые козы всегда красовались на верхушке этих куч. Бродячие кошки, собаки. Ни одного деревца, ни другой зелени.

С тоской вспоминал Веру. Неужели я никогда её не увижу? Подать бы ей весточку о себе. Но как? Написать “на деревню дедушке”? Однако Баку не деревня. А её домашнего адреса я не знал.

Всё это вызывало безысходность.

Угрюмый, перепуганный, забитый народ. Одним словом, начало оседлости веками кочевавших по степным просторам номадов. Нынче здесь, а завтра там!

В то время в тех местах, куда закидывала меня военная судьба, эту черту цивилизации народы пересекли на несколько сот лет раньше нас!

Впрочем, я быстро привык к своему аулу, образу его жизни. Человек привыкает ко всему, но к хорошему быстрее. А вот как сделать, чтобы было хорошо? Не всегда и не у всех это получается. Надо работать до пота, до крови.

Вечерело. Мама, расстелив дастархан, начала подавать скромную пищу в побитых и потрескавшихся пиалах. Тогда, да и сейчас, многие семьи в сельской местности у нас сидят прямо на полу, постелив толстую шерстяную кошму, а на неё корпёшки — домотканые коврики.

Когда поужинали и приступили к чаепитию, отец, резко кашлянув, в который раз начал свою излюбленную тему:

— Война кончилась! Все твои ровесники обзавелись семьями, имеют даже детей. А ты что, другой, не такой как они? Не думай, что ты какой-то Герой! Ты такой, как и все!

Вот таким был наш отец. Царство ему небесное! Он давно так затуркал маму, что она не могла и рта раскрыть и что-то возразить ему. А потом свыклась со своей ролью и положением в семье.

Как-то она поведала о том, что местные старики упрекали отца, что я никак не соберусь жениться, даже подобрали мне невесту, подбивали его к сватовству.

... Вдруг слышу робкий стук в дверь. Иду. Смотрю. И глазам не верю. Стоит Вера.

— Скажите, Садык здесь живёт?!

В темноте она меня не разглядела.

— Здесь, Вера! Здесь! Я же Садык! Садык я!

Тут она как бросится на меня. Вся в слезах. Прибежала мама. Слышу грозный голос отца:

— Эй, что там у вас случилось?

— Ничего! Ничего! Вера приехала.

И я завёл Веру в наше жилище. Глинобитный домик, перегороженный пополам длинной печкой.

— Принимайте. Это ваша келин — сноха! Вера из Баку.

— Что он говорит? Пусть не показывается мне на глаза эта нечестивая иноверка, — разразился проклятиями мой отец.

Вот так была встречена моя невеста в родительском доме.

Думаю, Вера была готова ко всему. Решившись на такой отчаянный шаг, она сожгла за собой все мосты. Не зная ни слова по-казахски, она в душе поняла гневную тираду отца. Но куда ей деваться? В её незавидном положении.

Это была наша первая ночь в роли мужа и жены. Вера почти до утра рассказывала о своих мытарствах, пока добиралась сюда. А это сама по себе удивительная история.

... Оказывается, в тот день, когда нас, подняв по тревоге, погрузили в вагоны, ничего не зная об этом Вера пришла как всегда на КПП. Её встретил добродушный усатый старшина:

— Дочка, моя дорогая! Ты знаешь — нет твоего Героя-жениха!

— Как нет? Где мой Садык? — пролепетала Вера.

— Его досрочно демобилизовали. Об этом даже он сам не знал. Их всех сегодня ночью отправили на вокзал. Так что беги на станцию. Может быть, они ещё там! Спеши!

И Вера подробно рассказала мне о том, что происходило впоследствии.

“Я не знаю, как примчалась на вокзал, кишевший гражданскими, военными, шпаной, жуликами, бандюганями. Выскочила на перрон, обошла все поезда, которые здесь стояли, и дежурила до глубокой ночи. Напрасно. Нет моего Садыка! Вся в слезах вернулась домой.

Огромный, большой мир в минуту стал чужим и пустым.

Первыми в таких случаях отзываются матери. Но у нас с мамой были разные взгляды. Она была категорически против даже тогда, когда мы только встречались с тобой.

— Подумаешь, поплачешь-поплачешь и успокоишься. Нет худа без добра!

Искать поддержки у мамы бесполезно. После обеда появился Рубен, увидев меня, он сразу почувал что-то неладное. Я ему всё рассказала.

— Пошли в воинскую часть. Ещё не всё потеряно.

К нашей радости, мы вновь встретились с этим добрым усатым старшиной.

— Да, дочка, вагон, в котором увозили Героев, подцепили в самый первый эшелон, который отправлялся из Баку, а куда — не знаю. Только знаю, что конечная станция у твоего жениха — Уральск. Это я выяснил, как только мы расстались с тобой вчера!

— Это моя сестрёнка! — вступил в разговор Рубен. — Вы не можете помочь нам найти его адрес?

Старшина ответил:

— Прямо сейчас — нет. Нужно подождать дня три-четыре.

Как долго тянулись эти дни! Я не могла найти себе места. Всё вмиг осточертело. Чёрная тоска. Я бродила по тем местам, где мы были вместе,



полные счастья. Иногда казалось, что ты идёшь рядом в своей солдатской форме, гремя своими огромными кирзовыми сапогами...

Когда в назначенное время я пришла на КПП, старшина уже ждал меня.

— Ну, дочка! Я всё сделал для тебя и твоего Героя. Будьте счастливы! Вызнал даже, как лучше и быстрее добраться к твоему жениху. Всё здесь напечатано. Кроме того, командир дал одну бумагу. Думаю, она доведёт тебя, куда ты хочешь! Если надумаешь ехать к своему жениху, то лучше поездом из Баку в Сталинград, оттуда в Саратов. Там рукой подать до Уральска. А в конверте особая бумажка. В ней наш командир хлопочет перед всеми военными комендантами вокзалов, чтобы они оказывали тебе всяческую помощь, потому как ты едешь к своему жениху — Герою Советского Союза Жаксыгулову Садыку!

Действительно, это был волшебный листок, который всюду открывал мне двери, а добрые люди помогали во всём.

Вначале я написала тебе письмо, но ответа не дождалась. Видимо, оно просто потерялось где-то в пути и до тебя не дошло.

Прошёл месяц или полтора, не помню. Я так затосковала по тебе. Жить неохота. Оставив матери записку, собрав маленький чемоданчик, я покинула дом.

Стали подъезжать к Сталинграду. Недавно прошедшие обильные дожди поразмыли всё в округе. Кругом вода и зелень. Зелень и вода. В открытой степи паслись стада коз и коров. Рядом с железнодорожными путями валялись сожжённые вагоны, платформы — молчаливые свидетели жестоких боёв за город.

Вся земля на пути к Сталинграду была похожа на гигантскую свалку: повсюду искорёженные остовы танков, орудий, самоходных установок. Мимо тихо двигавшегося нашего поезда я увидела людей, собиравших металлические обломки, которые можно было переплавить на тракторном заводе.

Как я заметила, на окраинах города начали строиться маленькие домишки. Но как только мы въехали в город, в нём ничего, кроме разрушений и руин. Наш поезд, словно черепаха, медленно полз вдоль Волги, по берегу которой Сталинград вытянулся почти на семьдесят километров. Вот и вокзал.

Я, схватив чемоданчик, вышла на перрон — груды развалин. Куда идти?! Что делать? Хорошо, что ещё светло. Кругом толчея. Пыталась выяснить, где можно найти коменданта вокзала. Никто не знал.

Вдруг среди множества людей увидела человека средних лет, обличьем похожего на тебя. Странно, ведь я впервые встретила и сразу же полюбила казаха. У нас в Баку людей с азиатской внешностью и раскосыми глазами не встретишь. Для меня этот случайный человек показался родным. Я подбежала к нему и со слезами обратилась:

— Я армянка, зовут меня Вера. Еду в Уральск к своему жениху-казуху! Помогите мне.

Он сначала оторопел, ожидая чего угодно, но только не этого. Он тоже, как мне показалось, впервые увидел девушку-армянку, живя постоянно среди русских и своих сородичей. А потом приветливо ответил:

— Ойбай, айналайн! Моя дорогая! У меня там много родственников, так что будешь мне келин — сноха.

Как хорошо, когда в такую тяжёлую минуту кто-то подаёт тебе руку помощи и спасает тебя.

Мы отошли в сторону, пристроились на куче камней, я рассказала ему, как на духу, историю своей любви. Он внимательно меня слушал. Когда я закончила, он сказал мне:

— Я сейчас на работе. — Только тогда я обратила внимание на его залапанный и промасленный бушлат, из карманов которого торчали голицы и ключи. — Мы тут недалеко перекаладываем шпалы и рельсы. Я сбегая, отпрошусь у Александра Васильевича, своего путевого мастера. А ты, келин, посиди. Жди, никуда не уходи, а то потеряешься. — И побежал, помахав мне рукой.

Я прождала его довольно долго. В голову пришла даже такая страшная мысль: “Наверное, бросил и убежал. Кому я нужна — фронтовая невеста!”.

Но тут же гнала её от себя: “Ведь он так похож на Садыка. Я верю ему. Подожду, придёт обязательно”.

От вынужденного безделья начала разглядывать развалины. Меня никогда в жизни не приходилось видеть такой разрушенный город. Нет даже стен. Именно этот город защищал и мой Баку.

Я задумалась и не заметила, как подошедший дядя Бижан — так звали моего новоявленного “родственника” — окликнул меня:

— Дорогая сношенька, пойдём к нам домой, по дороге всё расскажу. Я немного задержался. Узнавал, когда будут ближайšie поезда. В общем, через два дня. Зачем тебе эти дни болтаться в чужом городе Саратове? Там у тебя будет пересадка на Уральск. Мы посадим тебя с Александром Васильевичем, и ты в Саратове с одного поезда через три часа пересядешь на другой. И прямо домой! Только будь осторожна и держись меня, не отставай. Дай мне свой чемодан.

Мы шли. Куда ни глянь — груды обломков, битого кирпича, бетона, измельчённой штукатурки. Меня, только что покинувшую мирный, спокойный Баку, всё больше и больше поражало то, какое огромное пространство занимают здесь руины. Но самое удивительное — руины обитаемые. Под обломками находились подвалы, щели, в которых жило много людей с семьями.

Идя за дядей Бижаном, я думала о том, что война пришла и ушла, насытившись кровью, всё разрушив на своём пути, а люди должны как-то жить. Это потом появляются другие возможности, а вначале как бы пристроиться. Раньше здесь были их дома, превратившиеся в руины, но люди по-прежнему живут в них. Уже привыкли.

Из-за большой груды обломков навстречу нам вышла девушка, поправляя расчёской волосы. Наверное, шла на работу. Девушка, опрятно и чисто одетая, пробиралась через заросли сорняков.

Я не могла представить себе, как это ей удавалось. Живя практически под землёй, она сумела сохранить чистоту, гордость, женственность.

Женщины выходили из своих укрытий. Шли, видимо, на рынок. На головах белые косынки, в руках авоськи для продуктов. Если бы не руины — это было бы нормальной картиной, обычными буднями довоенной поры. Руины же были непонятной для моих глаз декорацией какого-то инопланетного образа жизни.

Наш путь проходил через небольшую помойку, куда выбрасывали корки от дынь, арбузов, какие-то кости, картофельную шелуху и другой мусор. Чуть дальше за помойкой был небольшой холмик и из него, как будто из норы, к моему ужасу, выползла девочка. У неё были длинные босые ноги, тонкие жилистые руки. Волосы были спутанными и грязными. Она казалась чёрной от скопившейся на ней грязи, но у неё было удивительно красивое лицо и какие-то ненормальные безумные глаза.

В кошмаре сражающегося города с девочкой что-то произошло, и она нашла свой покой в забвении. Сидела на корточках, как Маугли. Объедала



арбузные корочки, обсасывала и грызла кости, выплёвывая изо рта объедки, а затем ковыряла пальцем во рту.

— Дочка, идём! Не обращай внимания! Таких у нас много! Это беда наша! Будь проклята война! — прервал мои раздумья дядя Бижан.

Как раз в это время из другой норы появилась какая-то сердобольная женщина и дала девочке полбуханки хлеба. Тут у меня самой потекли слюнки. Почти сутки во рту не было и маковой росинки. Так захотелось есть.

Девочка схватила хлеб, почти рыча, и прижала его к груди. Она глядела на женщину, которая дала ей хлеб, глазами полуобезумевшей собаки и следила за ней с подозрением, пока та не скрылась в подвале. Лишь потом, отвернувшись, спрятала лицо в ломте чёрного хлеба. И как зверь смотрела поверх этого куска,водя глазами туда-сюда. А когда она вгрызлась в хлеб, один конец её рваного и грязного платка соскользнул с её немой груди. Девочка мгновенно прикрыла её, будто святыню, поправив платок и пригладив его удивительно женственным жестом.

Боже мой! Сколько же было ещё таких созданий, которые не сумели сохранить нормальную психику в нечеловеческих условиях жизни, но и не смогли удалиться в потусторонний мир, а остались неприкаемыми в жестокой действительности, спасаемые лишь инстинктом самосохранения.

У девочки было таинственно-красивое лицо, напоминавшее одновременно “Мадонну” Рафаэля, “Джоконду” Леонардо да Винчи, “Маху” Гойи. Эти причудливые видения среди невообразимых руин до сих пор стоят у меня перед глазами.

— А вот мы и дома, — сказал дядя Бижан, когда мы подошли к большому холму из всякого строительного мусора, камня, щебня на окраине Сталинграда. — Не стесняйся! Будь как у себя дома. Как называется твой город?

— Баку, — ответила я.

— Марзия, — окликнул он кого-то. — Принимай гостью. Она наша келин!

Навстречу нам вышла улыбающаяся, немного полноватая добродушная женщина. Наверное, жена, подумала я. Она поправила на голове своеобразно повязанный платок. В таком виде я впервые увидела тогда женщину-казашку.

— Да вот заготавливаю кизяк. Скоро зима, а топить, обогревать дом надо! Проходите, проходите. Не стойте. Я сейчас. Помою только руки.

Открыв скрипучую, сбитую из досок дверь, вошли внутрь холма, оказавшегося жилищем дяди Бижана, где он обитал со своей семьёй. Квартира-холм представляла собой две комнаты: в одной столовались, в другой — спали. Полы земляные.

В кухне сколоченный стол, лавки, какие-то полки для посуды. Во второй — нары, покрытые кошмой, одеяла, подушки. Квартира была побелена меловым раствором, белая пыль нещадно сыпалась, прилипала к одежде. Через малюсенькие застеклённые отверстия пробивался свет. Было светло и чисто. Я сразу почувствовала семейный уют. Одним словом, несравнимый ни с чем домашний мир, благодаря неустанной заботе и трудолюбию хозяйки очага.

Пока тётя Марзия что-то готовила на столе, дядя Бижан занёс пытящий жаром и дымом самовар.

— Ну, дочка, проходи. Не стесняйся. Скоро подойдёт и наша дочурка. Вдвоём посмотрите наш город.



Когда я увидела на столе хлеб, несколько обжаренных кусочков теста, жёлтое сливочное масло, я еле-еле удержала себя, чтобы не наброситься и не проглотить всё это в один миг. Так проголодалась. И тут я обратила внимание на нечто похожее на чугунок, в котором что-то тлело, издавая особый, как будто травяной запах. Оказывается, внутри чугунка, на которой хозяйка поставила чайник, горел овечий кизяк.

— Садись к столу, дорогая наша келин. Чем богаты, тем и рады.

Дядя Бижан перешёл на свой казахский язык и, видимо, вкратце пересказал жене мою историю. Потому как у тётки Марзии появились слёзы, и она запричитала:

— Дорогая моя, будь счастлива!

Я сразу поняла, что рассказанное дядей Бижаном глубоко тронуло её.

Не прошло и нескольких минут как совершенно незнакомые и чужие люди стали вмиг мне родными.

Пиалы были разнокалиберными, с трещинками, но самое главное — они были. Дядя Бижан по привычке пил чай из металлической кружки.

— Если ты бакинка, то мы коренные сталинградцы, — пояснила тётка Марзия. — Бижан всю жизнь на железной дороге. Это наш дом и наш двор, в котором мы жили и до войны, и в войну, и после неё. Здесь мы и умрём. Война — будь она проклята! — унесла троих наших сыновей. Один пропал без вести, другой погиб уже в конце войны, освобождая Будапешт, а третий, самый младший, скончался у меня на руках от тяжёлого ранения во время штурма Сталинграда. Осталась у нас одна дочка, — и безутешно зарыдала.

Дядя Бижан стал успокаивать жену.

— Вот так и живём! Завидуем твоему жениху и его родителям! Будь счастлива!

— Ой, я совсем забыла, — спохватилась тётка Марзия. — Бижан, там есть тары — принеси. А как звать-то тебя, дочка?

— Вера.

— Давай угостим Веру. Тары — особая пища казахов, а проще — жареное просо.

Когда я положила в рот маленькую щепотку тары, не могла сразу понять, что это такое. Масса твёрдая, не сразу раздробить зубами. Однако я продолжала пережёвывать тары, запивая чаем, и почувствовала удивительный вкус, который до сих пор сохранился у меня во рту.

Гостеприимные хозяева растолковали мне, как готовится тары... Оказывается, это сложная и трудоёмкая процедура.

Обычно во дворе расстилают полог, кладут на него просяные снопы, отбивают их палками. Собирается целая толпа ребятшек — и вперёд. Снопы несколько раз ворошат, чтобы выбить все зёрнышки. Потом их собирают, провеивают. Очищенное таким образом просо засыпают в большой котёл. Заливают водой. После первого кипячения набухшую зерновую массу процеживают, отделяют от воды. Сушат на воздухе под крышей. Подсушенное зерно вновь засыпают в котёл и поджаривают его, постоянно перемешивая специальным деревянным черпаком на длинном черенке, чтобы не обжечься от жара. При этом постоянно пробуют на вкус зерно, чтобы не подгорело. После обжарки зерно готово. После этого надо отбить оболочку от зерновки. Маленькие порции поджаренного проса засыпают в большую деревянную ступу и отбивают вручную. Если тары воскового цвета — значит хозяйка трудолюбивая и чистоплотная. Она вложила, как



говорят, сердце и душу в своё творение. Если тары коричневатый, значит просо в ступе отбито кое-как. Но в любом случае вкус тары отменный. Тары, — пояснили хозяева, — обязательный атрибут чаепития в Западном Казахстане. Вот видишь, Садык, как много нового для себя я узнала от гостеприимных людей.

После того как мы пообедали, дядя Бижан заторопился:

— Вы посидите, поговорите. А я пойду на двор, займусь хозяйством.

Я помогла тётё Марзие убрать со стола. Хотя она поначалу и воспротивилась этому.

— Ой, не надо! Я сама! — возражала тётя Марзия. — Ты моя гостья!

Но я настояла на своём.

Потом мы вышли из жилища. Внимательно присмотревшись, я увидела опрятный чистый дворик, загон, куда загоняли скот, сарай. Стог сена. До меня дошёл запах навоза от пирамидок аккуратно сложенного пласта на пласта кизяка, продувавшегося знойным воздухом поволжских степей.

Пока я знакомилась с новой для меня обстановкой, тётя Марзия, взяв два ведра с коромыслом на плечах, ушла по воду. Дядя Бижан колот топором маленькие чурки, как я догадалась — для самовара. Тут я заметила ещё одно коромысло и что есть мочи с двумя ведёрками бросилась вслед за тётёй Марзией.

— Ну зачем тебе это надо, Верочка! Это привычное для меня дело! Ты же гостья!

Мы спускались вниз по берегу одного из рукавов Волги, где копошились женщины и дети. Все они здоровались с тётёй Марзией, называя её при этом по-русски, кто “тётя Маша”, кто просто “Маша, Мария”. Меня это удивило, а тётя Марзия уже свыклась со своим новым русским именем.

Пойма реки — сплошные огороды. Картофель, помидоры, огурцы, арбузы, дыни, тыква. Одним словом, второй хлеб. А где пища, там всегда кипит жизнь.

— А где твоя Галя, а это кто? — спросила пожилая женщина в рваном платке и латаном-перелатанном сарафане, поднимая голову от куста помидоров:

— Это наша келин! Невестка по-русски. — гордо ответила тётя Марзия.

— Ой, как хорошо! Молодец какая! Сразу видно, трудолюбивая! Помогай, дочка, старикам! Это всё отблагодарится Богом! — обрадовалась простая русская женщина. Когда мы возвращались с водой, она сорвала несколько помидоров и угостила нас.

Опрокинув ведра в большой чан, мы снова отправились на реку. Когда вернулись, нас встретила Гульзия.

— Дочка, а это Вера. Она из Баку. Едет к своему жениху в Уральск, — представила меня своей дочери тётя Марзия. — Иди, поешь, а потом пойдёшь за коровой.

Затем, обратившись ко мне, пояснила:

— Ты, Вера, не удивляйся, что меня тут все называют по-русски, я уже привыкла. Здесь сплошь и рядом многие казахи носят русские имена. Просто местным жителям удобнее называть нас своими именами. Вот в нашем ауле жил один казах, наш дальний родственник Михаил Борисович. Да-да! Михаил Борисович даже по документам, хотя его фамилия настоящая казахская — Барасов. Дело было так. Его отец Байсымак пас колхозный скот на дальнем отгоне. Местные русские перекроили его имя на свой лад — “дядя Борис”, как меня — “тётя Маша”. Когда у него родился сын, ему дали имя Насиболла. Надо же, его русский напарник как раз



поехал в село. Вот Байсымак и попросил, чтобы он привёз из сельского совета свидетельство о рождении сына. Тот уехал, а по пути забыл казахское имя сына своего друга. Когда в сельском совете спросили имя новорождённого, мужик, почесав голову, признался:

— Забыл, хоть убейте меня. Имя отца точно дядя Борис, а имя сына забыл. Ну, напишите Михаил.

И так со свидетельством о рождении на имя Михаила Борисовича друг вернулся на отгон. С тех пор Насиболла и живёт с новым русским именем и отчеством.

Пока тётя Марзия рассказывала мне эту грустную и смешную историю, появилась Гульзия, и мы отправились с ней встречать корову с выпаса.

Когда мы очутились за городской окраиной, там была уже толпа подростков, тоже пришедших сюда, чтобы встретить своих коров.

— А это кто такая? — спросил Гульзию какой-то вихрастый и шустрый мальчуган.

— Моя родственница. Она приехала из Баку. Вера! Хватит тебе, Васька, или что ещё надо?!

— Хватит, хватит! Я смотрю, она не похожа на наших. Ты кто?

— Перестань, Васька, — резко прервала его Гульзия. — А то будет как тогда!

— Ладно-ладно! — ответил босоногий, в заплатанных коротких штанах рыжий-прерыжий мальчишка.

На следующий вечер, когда мы снова встречали корову, любознательный Васька не отставал от меня со своими расспросами. Возле нас с Гульзией собралась целая толпа: женщины, девочки, подростки. Я рассказывала им о своём родном Баку, о Каспии, о нефти, красотах и экзотике города. Спрашивали меня и о том, были ли у нас немцы. Я ответила, что они не дошли до Баку.

— Ой, какие вы счастливые! — воскликнула одна старушка.

— Пойдём на Волгу. Там очень даже интересно, — предложила Гульзия, когда мы загнали корову во двор.

Издали было заметно, что на великой реке кипела своя жизнь. Туда-сюда сновали маленькие буксиры, а лодок было не счесть. Попадались даже под парусами.

Что поразило меня, так это огромнейшие плоты, на которых были даже небольшие избушки с маленькими загонами для коров, коз, всякой птицы, с копнами сена. Как мне рассказали, они плыли с дальних северных притоков Волги: Оки, Велуги, Свяги, Камы, где и были срублены и сплавливались по рекам толстенные брёвна. Вереницы плотов медленно плыли вниз, причаливая к большим и малым разрушенным городам, где сплавщики отцепляли часть плотов для строек, а потом двигались дальше, к Астрахани. В этот дальний путь, длившийся месяцами, плотогоны приспособились отправляться с семьями.

Я увидела, как на одном из причаленных к берегу больших плотов женщина в огороженном загоне доила корову, другая развешивала выстиранное бельё. Тем временем несколько мужиков отцепляли брёвна для строек Сталинграда. Мальчишки удочками ловили рыбу; развешанный предыдущий улов сушился под пологом из досок.

А вот как плотогоны с семьями и домашней живностью добирались обратно в свои родные места, этого я не знаю.

На следующее утро ни свет ни заря нас подняла тётя Марзия:



— Ну, девочки, просыпайтесь! Сегодня воскресенье. Гульзия, покажи Вере наш Сталинград.

Наскоро позавтракав, мы двинулись среди развалин.

— А это наш знаменитый тракторный завод, — показывая на дымящиеся трубы, гордо заметила моя подружка.

Вся земля вокруг была искорёжена и истерзана. Половина зданий в руинах. Восстановление завода шло одновременно с выпуском техники. Мимо нас паровоз протащил несколько платформ со свежевыкрашенными тракторами.

Во время войны на заводе собирали танки, даже под страшным обстрелом и бомбёжке с воздуха. В тех случаях, когда фашисты слишком близко прорывались к территории, люди, отложив в сторону инструменты и взяв в руки оружие, шли на защиту своего завода. Отбив врага, вновь принимались за работу!

На центральной площади города развалины здания, которое раньше было большим универсальным магазином. Это был последний опорный пункт гитлеровцев после их окружения. Именно здесь захватили в плен генерал-фельдмаршала Паулюса.

Здесь, 2 февраля 1943 года завершилась Сталинградская битва. Около ста бойцов за оборону города получили звание Героя Советского Союза, среди них и сержант Павлов.

Он и девять его сослуживцев держали оборону жилого дома пятьдесят два дня, почти два месяца! Несмотря на все попытки, врагу так и не удалось захватить ни самого Павлова, ни дом, который с тех пор именуют домом Павлова.

Это была самая дальняя точка, до которой могли продвинуться захватчики. Дом Павлова теперь — национальная святыня. Именно на этой черте были остановлены и уничтожены враги. Дальше — Волга.

Об этом мне рассказала умница Гульзия.

А в это время на Волге шла оживлённая рыбная торговля. Рыбаки на лодках подвозили осетров. Это были гигантские рыбы двух видов: один с огромными усами, а другой с длинным носом. Точно таких я видела у себя в Баку. Вес осетра, оказывается, достигает от трёхсот до пятисот килограммов!

Осетры дают огромное количество чёрной икры.

Возвращаясь домой, мы случайно забрели в небольшой сквер, где под огромным обелиском из камня росло множество красных цветов, а под ними были похоронены многие из тех, кто защищал Сталинград.

В парке почти не было народа, лишь одна женщина сидела на скамейке, а мальчик лет пяти-шести стоял у ограды обелиска и смотрел на цветы. Когда мы спросили, что он тут делает, мальчонка совершенно спокойно ответил:

— Я пришёл к папе. Я хожу к нему в гости каждый день!

Это было сказано так буднично и просто. Женщина, сидевшая на скамейке, взглянула на нас, кивнула и печально улыбнулась. Пока мы осматривали сквер, женщина и мальчик ушли. К своим родным развалинам.

Там впервые в жизни я увидела пленных немцев-солдат, на которых не смотрели и не обращали внимания сталинградцы. Может быть, уже привыкли к ним. Пленные были одеты в довольно потрёпанную военную форму. Их колонны, охраняемые обычно одним солдатом, уныло тащились по улицам с работы и на работу.

Усталые и проголодавшиеся, мы еле добрались до своего жилья.

— Ну, дорогая сноха, просыпайся. Сегодня твой поезд. Я провожу тебя, посажу в вагон! — разбудил меня утром дядя Бижан. — Марзия собрала тебе в дорогу котомку. Смотри, Саратов всегда был голодным городом! Это не то что наш Сталинград. Будь осторожней в дороге и особенно на вокзале! — напутствовал меня дядя Бижан.

Мы покинули ставший родным дом дяди Бижана. Я несла наполненную котомку, дядя Бижан — мой чемоданчик.

Когда мы добрались до вокзала, нас встретил мастер пути, начальник дяди Бижана.

— Ну, Бижан! Возьми посадочный талон. Если бы не справка, что ты невеста Героя, осталась бы у нас, пришлось бы нам самим искать тебе жениха, — пошутил Александр Васильевич. — Ты проводи свою сноху, а я пошёл на участок. Счастливого тебе пути и доброй встречи! — напутствовал меня этот добрый человек.

Подали состав. Дядя Бижан подошёл к кондуктору-проводнику, что-то долго объяснял ему, показывая на меня. Потом мы вдвоём еле протиснулись в вагон, который со всех сторон атаковали пассажиры. Наконец он пристроил меня.

— Теперь прощай, дорогая сношенька. Счастливого пути. Будь счастлива!

У меня потекли слёзы. Так никто и никогда меня в жизни не встречал и не провожал.

Спасибо этим славным людям, которых я не забуду до самой смерти.

Тётя Марзия, оказывается, положила в котомку помидоры, огурцы, несколько варёных яиц, немножко тары, бутылъ с айраном, краюху хлеба. Всё это она оторвала от своей полуголодной семьи, чтобы снабдить продуктами меня, совершенно случайную девушку, которая ехала к своему желанному. И всё это благородные люди сделали по одной простой причине — они были казахами, а я полюбила казаха, хотя я другая по национальности и вере. И этого им было достаточно, чтобы принять меня породственному.

Как добралась до Саратова, даже и не заметила. В этих краях не было войны. Только поезд отъехал от Сталинграда, как разрушений встречалось всё меньше, а ближе к Саратову их вообще нет. Прямо как у нас в Баку.

Предупреждённая дядей Бижаном о голодном саратовском крае, я вцепилась в полуопустевшую котомку и чемоданчик. Пока бегала по вокзалу со своими бумажками, подали пассажирский поезд Саратов — Челябинск, а от Уральска в конце концов добралась сюда, мой любимый Садък. А ты об этом ничего не знал и не ведал. Вот так я свалилась тебе словно снег на голову”, — закончила свой рассказ Вера”.

От автора

Спустя много лет, когда я познакомился с Садыком Жаксыгуловым и его семьёй и мы сдружились, мне довелось беседовать с Верой Сергеевной, поведавшей о том, как складывалась их семейная жизнь после того, как девушка приехала из Баку к своему суженому.

“Как я сразу заметила, родители держали Садыка в ежовых рукавицах, особенно отец.



В семье говорили только на казахском языке, представления о котором я не имела. Правда, встречались отдельные слова, сходные с хорошо знакомым мне азербайджанским. Я спрашивала Садыка, как вести себя с его родителями? Он отвечал:

— Ты сноха этого дома и веди себя так, как подобает снохе. Главное — молчи и работай по дому. На ту половину, где родители, не вздумай заходить. Отец мой строгий, с характером. А вот мама добрая!

Так мы прожили в проходной комнатухе почти год. Я раздобыла старую тетрадку, куда записывала услышанные казахские слова и зубрила их. Страшно боялась отца Садыка, потому как он постоянно угрожающе говорил сыну:

— Чтобы мои глаза эту иноверку не видели в моём доме!

Смысла этой фразы я не знала, и допытывалась у Садыка, что означает слово “капир”.

Только позже я узнала, что это значит “неверная”, то есть другой веры. А Садык постоянно уходил от ответа:

— Зачем это тебе надо?

Но я не отставала.

— Если хочешь знать, это означает “добрая”! — как-то в сердцах буркнул Садык.

Я так обрадовалась. Неужели отец Садыка такой же добрый, как дядя Бижан из Сталинграда?

Боясь его гнева, мать Садыка не могла пригласить меня за один с ними дастархан, когда Садыка не было дома. Даже пекла отдельно для меня хлеб! Вот таким был у меня свёкор. Царство ему небесное!

Вскоре после моего приезда Садыка назначили председателем сельского совета. Нам пришлось переехать в другой аул, где я родила первенца. А перебрались мы туда, смешно сказать, он в одной шинели, а я со своим неразлучным чемоданом.

Затем его вернули в районный центр, поставили каким-то мелким начальником. Дали нам неказистую избушку. Главное — появился свой угол. Свой дом, свой очаг. Садык уходил утром рано, возвращался поздно вечером. Такая была у него работа, по дому мне совсем не помогал.

Я много раз вспоминала дядю Бижана из Сталинграда. Как он заботился о своём доме, чистил двор, колол чурки для самовара, смотрел за скотом, в общем, всячески помогал жене, тётке Марзие. А она хлопотала по дому, в свою очередь делая всё, чтобы угодить своему мужу. Это гораздо выше и важнее любви! Это настоящая семейная жизнь.

Когда первенцу исполнился годик, к нам неожиданно заявились гости во главе со свекровью. Я оторопела. В доме пусто, хоть шаром покати. Страшно коверкая казахские слова, пригласила их в дом. Я сгорала от стыда. Нечем даже угостить родичей.

Кроме свекрови были ещё двое, по всей видимости, муж и жена. Они что-то принесли с собой, развязали. Как оказалось — кошма. Неслыханное богатство тех лет. Быстро расстелили на полу. Расселись. Теперь дом немножко стал похож на дом.

Свекровь начала издалека. Говорила она со мной по-казахски. Как я поняла, мужчина — её брат. Вот уже много лет как у них нет детей.

— Вы молоды, у вас всё впереди. Отдайте своего ребёнка им на воспитание. Они вам не чужие, тоже родичи. Только живут на далёком отгоне.

Очень надеются на вас. Осчастливьте их. Пусть станут вновь как молодые, пусть зазвучит детский смех в их юрте. Это событие, если оно произойдёт, кровно свяжет вас, и от этого станете намного ближе и роднее друг другу.

Я ожидала всего, но только не этого. Что делать? Я уже привыкла к своему малышу. Моё дитя — и вдруг отдать. Я была в смятении. Откажу — подумают: она чужая, она армянка, другой веры, потому так и поступила. У нас это не принято. Это обычное явление среди казахов-степняков. Только я одна должна принять решение.

— Хорошо! — согласилась я. — Только вот ещё одну ночь проведу с малышом. Вымою его, накормлю. А утром заберёте.

Мой сынок уже ползал по кошме, улыбался.

Когда вечером Садык вернулся с работы, я сообщила ему о своём решении. Он промолчал.

— Не переживай, дорогой Садык. Я тебе столько нарожаю детей. Зато эти люди будут счастливы.

Утром пришла повозка. Приехавшие завели во двор корову для нас, а мне ещё и платье подарили. Женщина завернула малыша в одеяло, он даже не заплакал. Бережно передала в руки мужа. Села в повозку, взяла ребёнка, нежно прижала его к груди и расплакалась, не в силах вымолвить ни слова. Её муж, смущаясь, благословил меня:

— Дорогая сноха, будь счастлива! Живи тысячу лет. За всю твою доброту отблагодарит бог!

В эти минуты мне даже показалось, что рядом со мной не совершенно незнакомые мне люди, а дорогие дядя Бижан и тётя Марзия из Сталинграда.

Повозка двинулась. Я вернулась в совершенно пустой дом без моего первенца.

Вскоре мы действительно стали как родные. Они один-два раза в год присылали нам свои дары: то барашка, то сливочного масла и мяса на зиму, то ещё кошму.

Но самый главный подарок они сделали тогда, когда моему первенцу уже надо было идти в школу, в первый класс. Видимо, они долго обсуждали: малыш должен учиться, получить образование. А что у них — скот да пески. Пески да скот. Так он отстанет от жизни. Бог не простит, а тем более, чужой ребёнок у приёмных родителей, хотя он им стал уже родным.

И к первому сентября они привезли к нам одетого с иголки здорового румяного первоклассника. Только вместо портфеля у него была сшитая из брезента сумка с орнаментом — подарок местного мастера-акакала за то, что когда-то Садык помог ему устроить дочерей на учёбу в Уральский педагогический институт. После его окончания их направили на работу в Астраханскую область, где в нескольких районах и поныне живут одни казахи. Там они повыходили замуж, родили детей и иногда навещивались на родину.

К тому времени у нас было ещё двое сыновей. Один вовсю бегал, даже ходил со мной вечером встречать коров, а другой — ползал.

И так сразу стало трое детей. Садыка постепенно продвигали по службе. А впереди была целая жизнь! О том, как она складывалась у нас в дальнейшем, вы хорошо знаете. Всякое бывало. Не обходилось и без трудностей. Но жили мы с Садыком в ладу и согласии”, — завершила свой рассказ о том далёком времени Вера Сергеевна.

Продолжение в следующем номере.



Немеркнущие краски акварели

В столичном музее современного искусства состоялась персональная выставка заслуженного художника Российской Федерации Александра Шапошникова. Всего в экспозицию было включено свыше 60 произведений, написанных в период с 1994 по 2007 год.

На открытии выставки побывали известные казахстанские политики, общественные деятели, учёные и художники. Российского мастера приветствовали Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ Михаил Бочарников, а также профессор Амангельды Айталы и заместитель председателя правления фонда устойчивого развития “Казына” Гадильбек Шалахметов, оба в недавнем прошлом депутаты парламента и земляки Шапошникова, уроженцы Астраханской области.

Амангельды Айталы назвал вернисаж значимым событием в культурной жизни Астаны, и не только потому, что астраханские пейзажи вызывают у него ностальгические чувства — работы мастера будут прекрасным примером для молодых казахстанских художников.

Для Гадильбека Шалахметова приезд Шапошникова — событие личное: они родились в один день, какое-то время учились в одной школе. По его мнению, Александр Михайлович художник уникальный. Почему обычно акварели небольшие? Да потому, что их нужно заканчивать быстро, минут за пятнадцать — быстро сохнет краска. Александр пишет картины большие, в этом достиг мастерства.

— Те места, где мы с Александром родились, Велимир Хлебников назвал треугольником Магомета, Христа и Будды, “страной, где все люди — Адамы”, — сказал давний друг художника.

Александр Михайлович ШАПОШНИКОВ

родился 9 июня 1943 г. в селе Мумра Астраханской области. С 1962 г. учился в Московском заочном университете искусств им. Н. К. Крупской на факультете рисунка и живописи, с 1967 до 1971 г. — в Астраханском художественном училище им. П. А. Власова. Затем до 1984 г. работал художником-оформителем в Астраханских художественно-производственных мастерских Художественного фонда РСФСР. С 1984 г. — член



Союза художников СССР, в 2000 г. А. М. Шапошникову присвоено почётное звание “Заслуженный художник Российской Федерации”.

С 1972 г. — участник областных, региональных, республиканских, всесоюзных, международных выставок, автор двадцати персональных выставок, прошедших в Астрахани,

Элисте, Хельсинки (Финляндия), Кургане, Астане (Казахстан). Работы Александра Шапошникова находятся в частных коллекциях во многих странах мира.



Евразийское мироощущение волжанина чувствуется в каждой его акварели. Он много ездит и пишет преимущественно пейзажи тех мест, где побывал. И всякий раз стремится уловить дух, неповторимость новых для него ландшафтов. В прошлом году Александр Шапошников побывал в Казахстане и написал несколько видов Коргалжинского заповедника, в первую очередь озера Шолак — они тоже включены в экспозицию.

Работы волжского художника привлекают своим удивительным лиризмом, проникновенностью, “неслыханной простотой”. Российский мастер, конечно, универсал и умеет работать в любой технике, но предпочитает акварель, которая позволяет ему наиболее полно передать своё видение, вызвать резонанс в душах зрителей. А уж передать текучесть вод, беглость бликов, плакучесть ив и берёз, строгую вознесённость елей, зыбкость туманов, ясность рассветов и печаль закатов он умеет.

Его пейзажи, как правило, безлюдны, разве что вдали, в самой глубине картины, в покачивающейся лодочке виднеется одинокая фигурка рыбака. Однако при этом присутствие человека ощутимо — это и лодка на берегу реки, и бревенчатые срубы, и занесённые снегом стога сена. Художник словно попросил подождать людей за рамками картины, чтобы внимание зрителей не отвлекалось от той красоты, которая их окружает.



Интересно и другое — в коллекции всевозможных наград у Александра Шапошникова и его дочери Натальи, тоже художницы, хранятся дипломы с формулировкой “За сохранение традиций акварели”. Сам Александр Шапошников поясняет: сейчас появилось множество различных вариантов смешанной техники, но и сам он, и его дочь предпочитают традиционную акварель и не пытаются дополнить её ничем. При этом мастера нельзя назвать консерватором, ему доступны разные стили и новшества, только краски он оставляет неизменными. В самом деле, каждый начинающий художник пленяется даже их названиями: сиена жжёная, умбра натуральная, тиюиндиго, кадмий... И до конца жизни сохраняет любовь к этим прозрачным, тонким, чудесным краскам, так же, как гость Астаны, замечательный российский живописец Александр Шапошников.

Бектур КАДЫРОВ.

Фото Игоря БУРГАНДИНОВА.



Валентин ОСИПОВ

Орлик

Непридуманная повесть из военного детства

*Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня...*

Из А. С. Пушкина (стихи “Зимнее утро”)

*Конь не оставит тебя в беде, а жеребёнок
прискачет к тебе в радости.*

Из наставлений дяди Ильеса

В диковинку нынче лошади. Вот и захотелось о них рассказать. Для этого я вернулся в предальёкое время своего детства — это тогда, когда шла война с немецкими фашистами, чтобы наш народ остался свободным, а страна — независимой.

1. Кони для войны

Лошади-лошади... Без них нельзя было в нашем селе, которое когда-то очень давно прижилось вдоль по крутому берегу могучей сибирской реки Иртыш, а по другую сторону уходила в неоглядье просторная казахская степь. Был казачий стан, да вышел, стал просто колхозом. Теперь здесь жили не только казаки, казачки и казачата, а также просто приезжие по разным случаям русские люди и украинцы, а ещё местные жители — казахи, которые постепенно съехались из соседних аулов, а также немцы — переселили в войну с берегов воюющей Волги, чеченцы и ингуши, тоже привезённые в эту суровую пору — с Кавказа, когда туда подступали фашисты.

Все мои школьные друзья хорошо знали, что лошадь у нас в селе это не совсем конь и тем более не скакун. Кони воюют в коннице. Скакуны снимаются в кино, а у нас в селе скакун был всего один; остальные кочевали в своих табунах под присмотром казахов.

У скакуна было две заботы. Становиться отцом жеребят. И три раза в год — по самым торжественным праздникам — пойти под седло для председателя колхоза. Председатель установил радостный для всех обычай: проскакать на этом вороном скакуне-красавце по кличке Громобой по главной нашей улице к правлению колхоза, к собравшемуся там уж почти всему селу. Да с удалинкой и молодецки — разглядит пятернёй свои роскошные усы-усища, оправит на груди боевые медали, взмахнёт плёточкой будто шашкой, а ещё дёрнет удилами, чтобы вздыбиться на виду у всех перед тем как попытается лихо соскочить с седла, небось, сдерживая стон от боли; военные раны на ноге ещё дают о себе знать. У него было диковинное для русского слуха имя Аманжол — в переводе как бы Добрый путь, да вот из-за фашистской бомбы была ему любая дорога в тягость, однако преодолевал — знал, что нужен колхозникам.

Громобой его выручал. Шея у Громобоя лебединая, а горяч. Грызёт удила, косит на своего всадника большим лиловым без белков глазом, ноздри

трепещут, нервно перебирает тонкими, упругими и крепкими ногами — выплясывает, выплясывает, не очень-то подчиняясь туго натянутым поводьям. И впрямь красавец!

Мало было радости-то в войну. А тут свой председатель ну совсем как в кино маршал Будённый в довоенные парады на Красной площади — тоже при усах-усищах и на скакуне.

У председателя лихой конь, а у остальных в селе лошади, это потому, что они для работы. Если мальчишка любит лошадей, то с разрешения председателя тебе доверяют на весь год заботиться о жеребёнке, а то и о настоящей лошади: кормить-поить, ухаживать. Это называлось пионерским шефством. Мне достался совсем молоденький Орлик. Моя мама, врач нашей больницы, радовалась, что было и мне поручение заботиться о колхозном достоянии. Она в былом горожанка и медик-учёная вдруг оказалась в Сибири — так власть и война распорядились. Но приняла новую для себя жизнь: научилась держать то, что спасало — домашнюю живность. И корову, и кур с петухом, и верного сторожа-лаяльщика, по-сибирски кудлатую собаку.

Когда шла война, не все лошади становились конями. Возьмут ли её на фронт — определяла военная комиссия. Она приезжала из далёкого районного центра. У околицы гостей встречал сам председатель и приглашал на конный двор — огороженную площадку у конюшни. Здесь для них уже приготовлены длинная скамья, маленький столик с прогибающейся под локтями фанерной столешницей в застарелых фиолетовых разводах от чернильных клякс и обязательно пузатый графин воды. Мимо столика начинали водить лошадей, чтобы определить — кому в армию, кому остаться для колхоза тягловой силой.

Водили по очереди. Вот шагом. Вот взбодрят на рысь. Вот остановят. Тогда подходят двое-трое — ищут изъяны. Ощупывают ноги, грудь, спину, круп, щерят им губы, чтобы по зубам определить — не стёрты ли, склоняются, чтобы осмотреть копыта — не сбиты ли.

Женщины-конюхи — мужики-то на фронте — под присмотром председателя прытко водят лошадей, а сами едва-едва не плачут от жалости, что приходит час прощанья с этими кормильцами. А мы, шефы-мальчишки, удивляемся: зачем горевать — надо радоваться-гордиться, что поскачут на врага наши Орлик, Звёздочка, Аскер — это по-казахски воин-солдат, Батыр — это по-казахски богатырь, Буран, Смелыш...

Письма-треугольнички, которые шли с фронта, иной раз утоляли наше жадное любопытство — как там бьются наши кони. И не обязательно в атаках или в упряжи у артиллеристов. Быстро уразумели, что те, кому выпало таскать военно-полевые кухни и санитарные повозки, тоже воюют. Оказывается, на фронте любили сибирских и казахских коней: терпеливые на любые невзгоды. Но холодело в детских душах, когда среди крупно-буквенных росчерков в письмах чернильным карандашом выхватишь горе-бедовое оповещение — погиб посланец нашего села.

Как-то с другом поделились своим горем с учителем военного дела, военруками они тогда назывались, или, если в полном виде, то — военный руководитель, он, конечно, руководил не войной, а подготовкой нас, школяров, к войне. Так он сказал нам: “Не горюйте. Без крови войны не бывает. Наши боевые кони на фронте пока незаменимы. Вот почитайте...”. И дал нам журнал “Красноармеец”, который военруку вручили перед выпиской



из госпиталя, где он залечивал свои боевые раны. Листаем журнал, чтобы выискать — с какими такими целями вручён он нам. И вдруг статья “Слава славным кавалеристам!”. Читаем одно за другим самое-самое интересное — про военную участь лошадей самых разных времён. Вот о древних временах: “В войске Киевской Руси и позднее кавалерия составляла основу княжеских дружин и сыграла большую роль в сражениях (Ледовое побоище 1242, Куликовская битва 1380). Вот о временах 17-18 веков: оказывается, вся тогдашняя кавалерия подразделялась на тяжёлую (кирасиры), среднюю (драгуны) и лёгкую (гусары, уланы). Появилась казачья кавалерия...”. Вот про наши времена: “К началу войны в Советской Армии было 4 кавалерийских корпуса по 2-3 дивизии в каждом. Корпус имел: свыше 19 тыс. чел., 16 тыс. лошадей, 128 лёгких танков, 44 бронемшины, 300 орудий и миномётов. К 1 февраля 1942 г. на фронте действовало 17 кавалерийских корпусов...”. В их числе особо прославились гвардейские казацкие 5-й Донской и 4-й Кубанский. И перечислялись герои-командиры: П. Белов, Л. Доватор, И. Плиев, Н. Осликовский, Н. Кириченко, А. Селиванов...

Лошади всякого на войне могут навидаться. Я уже взрослым прочитал в древнейшем русском произведении “Задонщина” о битве на Куликовом поле жуткие строки: “А средь трупов человеческого борзый конь не может скакнуть, в крови по колено бредут”.

Жесток воинский обычай: тяжело раненную лошадь пристреливали — в ухо, чтобы не мучилась.

Неужто и моего друга по имени Орлик, если ускачет бить врага, ждёт такая судьба или всё-таки вернётся живым и здоровым под боевым седлом с попоной, на которой красные звёзды?

2. Сколько удивлений

Уж как давным-давно расстался со своим гривастым другом, а он всё передо мною: вот совсем маленьким, сосунком бежит вприпрыжку к матери-матке, суёт мордочку к вымени и упоённо насыщается вкусным молоком, и пока пьёт, то от неизбывного дитячьего удовольствия всё крутит своим хвостиком, ну прямо пропеллер от Карлсона;

- вот взрослым взмывает на дыбы: шея с головой гордо на высокой высоте, передними ногами стрижёт на уровне моих плеч, а на задних стоит прочно;

- вот он крепко заморился и тихохонько укладывает на землю своё громоздкое тулово, осторожно подгибая сперва передние ноги, потом умащивает под себя задние;

- вот подошёл к подружке и стал нежно пощипывать её в холку, и она с такой же ответной лаской, и не скрывает, что ей самой приятно одаривать друга таким добрым отношением;

- упадёшь, а он круг отстукает копытами и возвращается, встанет рядом и подбадривает всем своим видом, чтобы вставал;

- вот вдруг сшибка-драчка с задиристым соперником. Оба на дыбы и стараются ударить друг друга по груди воинственно вздёрнутыми передними ногами. Но могут извернуться и, как говорят сибиряки, дать “задки”, то есть лягнуть копытами, да так больно, что супротивник мигом отскакивает не то с жалостливым, не то с жалким взвизгом;

- вот, почуяв под пузом потягивающего от прилива отчаянной смелости щеночка-несмышлёныша, замирает, чтобы нечаянно не задеть копытницами;



- вот начинает игру со мной. Ждёт, ждёт, когда я подойду, да отпрядывает, если я уже близко, а глазом косит, явно примериваясь, чтобы, если и вновь отпрянуть, так не очень далеко;

- вот проявляет хитрованство, когда я хочу оседлать его. Вздохнул и вспучил бока; я затянул подпруги и только ноги в стремя, чтобы взметнуться в седло, а он выдохнул, и я, не успев побывать в седле, свёртываюсь под живот по причине ослабленных ремней, а все вокруг свидетели моего позора ухохатываются.

Он и поздороваться умел — одаривал коротким ржаньем, если, правда, каким-то образом издалека догадывался, что я шёл к нему с добрыми чувствами, к тому же с лакомством в кармане.

3. В гостях у табунщика Тулебека

Мама взяла меня с собой по своим врачебным делам в многодневную поездку по тем местам, где казахи-табунщики, кочуя со своими семьями, выпуливали на летних пастбищах колхозные табуны. Следила, чтобы никто не заболел. Худо дело, если в войну даже в нашем деревенском тылу кто-то заболел — кто же о фронтовиках будет заботиться, выращивая хлеб и заготавливая мясо и масло, а ещё овчины для военных полушубков и шапок-ушанок, уж не говоря про четвероногое пополнение для конницы.

— Сначала к почтенному Тулебеку заедем, — сказала.

... Наша повозка-таратайка взъехала на холмик, и вдали юрты показались. Как только подъехали, так были встречены сперва издали брехомлаем собак, поближе — приятным терпким дымком от кизячьего костра.

Потом, у юрты, были приветствованы улыбкой и какими-то по-казахски добрыми словами от табунщика-старика, или, по-казахски выражаясь, аксакала, то есть белобородый, седой от много прожитых мудрых лет. К маме обратился — знал, что она училась понимать по-казахски: “Ханум! Даргер! Кош келдиниздер! Сизды коргелен куаныштыиын!”. “Уважаемая, значит, доктор! Добро пожаловать! Рад вас видеть...”. И меня заметил: “Бала”, — сказал, мальчик, значит. Потом завысил обращение: “Жас жигит! Юноша-джигит, значит. “Кайрлы кеш”. Добрый вечер, значит. Потом уже по-русски стал выпрашивать да расспрашивать маму по степному обычаю не спеша и в подробностях. И не боится ли. И как свой дом содержит, как домашняя скотина, благополучно ли в больнице, и даже про здоровье нашей больничной лошадки не забыл повопросить. Особо заинтересовался, что там по радио сообщают с фронта. Однако же не забыл распорядиться принести из юрты степные пиалы-кисешки, красивые своим в голубом раскрасе народным узорочьем, и налить очень ко времени после утомительно жаркой дороги прохладный кумыс. Это кобылье молоко, которое как-то особо, до приятной кислинки, готовят-выдерживают в кожаных бурдюках.

Потом он подозвал своего сына, возрастом чуть постарше меня, и сказал ему: “Егизбай-жан, бери моего скакуна — ишь, копытом землю роет и грызёт коновязь. Да скачи к табуны: поверни к юртам, чтобы нашим гостям показать самое дорогое! Да скачи так, чтоб не хуже, чем твой старший брат Оразмухаммед кавалерист на фронте”. Вот ведь как — врач приехал, а ни он, старик, ни его жена-старушка, ни на какие болезни и не подумали жаловаться, может, только потом.



Табун, наверное, на пятьдесят лошадей, взбодрённый пронзительными мальчишескими вскриками, устремился во весь опор к нашему стойбищу. Он гулко утаптывал твёрдыми копытами степь и наполнял предвечернюю тишину чётким топотом, наяристым храпом и звучными ржаньем — то коротко негодующим, то безмятежно залившимся. Мой новый знакомец гнал табун напоказ, но хитро — в одно время на вечерний водопой. Неподалёку от юрта виднелся колодец, рядом с которым лежали на земле длинные, на несколько метров каждая, колоды-лотки. Жена и остальные дети табунщика взялись за шесты с привязанными вёдрами и принялись усердно черпать воду и при этом успевали приваживать пугливых или строптивых коней ласковыми голосами: “Всем хватит.. Всех напоим...”.

Горд табунщик, что может показать лучших из лучших. Каждого коня знает и помнит:

— Вот тот солодовый — на фронт пойдёт. Резвый!..

— Каракоровый жеребец — иноходец, краса и гордость в моём табуне...

— Нравится белая? Берегу — жеребья...

— Тот вороной — тоже для армии...

— Вон буланый — уж подрос, осенью под хомут...

— Видите серого в яблоках? На дыбы взметнулся. Огонь! К седлу завтра буду приучать...

— Та гнедая, а рядом с ней пегий — совсем за лето одичали, не подпускают...

— Рыжий — совсем смирный. Пускай твой джигит, — обратился табунщик к маме, — если хочет, так оседлает.

А на одну взял да и прикрикнул, когда она стала лягаться с подружкой: “У-у, травяной мешок!”. Пояснил: “Злая. Грызётся как собака со всеми...”.

Мама, поражённая, как и я, таким богатым перечнем мастей, спросила: “Всё ли перечислил, дорогой и уважаемый Тулебек-агай?”. Агай — это мама употребила почтительно-уважительное выражение, с которым можно обращаться только к пожилым собеседникам.

Он ответил: “Однажды с нашим председателем за ужином-бешбармаком на спор считали-считали и насчитали числом с неплохую отару овец. Так из того счёта могу добавить, если по-русски: бурка, буланка, савраска, каурка, чалка, чубарка, мухортка, серко, сивка... Всех только по-казахски припомню”.

Потом обратил внимание на меня; посмотрел, как я хлебнул шипучего и щипучего кумыса, улыбнулся и загадал загадку. Это он решил проверить мои лошадиные познания, да с азартом, совсем как баба Лена: “Что выше лошади и ниже собаки?”. Ждал-ждал ответа и не дождался. Сам и ответил: “Седло!”.

Стал поучать-наставлять: “Видишь, кобылка фыркает — к дождю”. Ещё вспомнил: “Если зимой лошадь трясёт головой и закидывает её вверх — быть бурану”. Или такое высказал: “Лошадь храпит — к ненастью”.

Я пошёл к Рыжему знакомиться — табунщик остановил: “Ой-бой!”. (Так удивляются казахи). Продолжил: “Ты, джигит, выходит, пока не знаешь, что даже к самой смирной лошади надо подходить спереди, если, конечно, своих зубов не жалко”. Это к тому, что лошадь в случае чего лягнуть может.

Всё знает табунщик. Лошади не только мастью разные. По характеру тоже каждая всяк на свой нор — сразу не угадаешь. Не только добродушная,

услужливая, доверчивая, послушная — для поцелуйчиков в мягкие ноздри, как это показывают в кино. Не только отважная, но и безрассудная или, напротив, робкая, а то пугливая. Но и непредугаданная, даже коварная или просто упряmica. И опасную дикость может проявить или внезапную неукротённость. Кое-что рассказал Тулебек и о вожаке табуна: “Во-о-н тот жеребец страшен даже волкам — пасть ощерит, глаза выпучит и копыта как кувалды”.

Тяжка участь табунщика. Об этом я с мамой узнал во время ужина, когда Тулебек разговорился себе и нам в охотку. И в самом деле, не каждому дано не только на лето, но на всю зиму уходить в степь на кочёвку, чтобы пасти табун. Всё верхом-верхом-верхом, а отдых только ночью, когда Тулебека сменяет жена или на летних каникулах старший сын-семиклассник. А как иначе, если столько забот: надо искать скрытые снегами пастбища, где бы лошадям можно было копытами разбивать снег и добираться до сухой травы, беречь их от волков, знать, когда разрешить табуну рассыпаться в линию, чтоб больше пастбища доставалось, а когда вскачь — криками и с помощью длинного шеста с петлёй-арканом — сбивать лошадей потеснее: чтоб согреться им, чтоб — не приведи аллах! — защититься от волков, чтоб отправляться в перекочёвку. И всё это и в жару, и по стреляющим морозам, а то при секущей позёмке, а то в мрачный буран, который схож был своими унылыми завываниями с жалобами оголодавших волков.

Я спросил табунщика о самой у него любимой лошади. Он принялся отвечать:

— Когда выйдешь, у коновязи сразу узнаешь моего жеребца: самый рослый, а грива и хвост не стрижены — едва не до земли. Зовут его Тулпар. Это имя из нашего казахского сказа — крылатый конь. Он и в самом деле непобедим в байге-скачках, даже на аламан-байге, это, если не знаешь, козлодранье. Когда война кончится и если вдруг разбогатею, так закажу ему у наших умельцев седло и уздечку, отделанные серебром, и попону из верблюжьего меха с узорами.

И он взял в руки домбру, как бы степную гитару, но всего-то из двух сухих бараньих струн, нехитрый инструмент, но чётко звучный, как выстук копыт в сухой степи, и запел самосотворённую песню со здравицей Тулпару, может, своему, может, легендарному. Пел он по-казахски, а его сын стал переводчиком:

“Серый иноходец-конь, который Тулпаром был рождён, помчался, брызгая пеной и разгрызая удила. А земля рвалась из-под копыт этого благородного коня, как будто каждое его копыто — кетмень. Он даже холмы вскачь перемахивал, будто ему помогли крылья-грива. Он остановится только в одном случае — если увидит плачущего ребёнка или улыбающуюся девушку. И подчиняется только своему заботливому хозяину, с которым готов скакать хоть на волков, хоть на врагов-фашистов...”.

4. Как жилось лошади в войну

Читатели нынешних совсем не лошадиных времён — вокруг всё автомашины да мотоциклы с велосипедами — наверное спросят: почему не всякая хорошая лошадь могла стать боевым конём?

Начну издалека. Все мужчины-колхозники воюют с фашистами, и не по силам их заменить женщинам с несколькими калеками-инвалидами и



стариками. Меньше поэтому стали заготавливать на зиму припасов и для человека, и для всей деревенской живности. А зимы как назло пошли суровые: страшные морозы — аж до 45 градусов, и на много дней по несколько раз в месяц бураны-вьюги.

Люди голодали-холодали, но терпели, ибо были сильны верой, что надо жить, а стало быть работать и ради домашних своих, и ради того, чтобы помогать стране победить фашистов. Лошадь же терпит-терпит, а потом выпадет ей тоска неизбывная, ибо сплошь для неё горе-горюха от голодухи — ни смерти, ни живота, если выразаться на старинном русском языке, или попросту — жизни нет.

Прожорлива долгая сибирская зима на припасы и без того малые с осени для лошадей тоже. Лето — припасиха, а зима — подбериха. Постепенно остаются в скирдах только слежалые и подопрелые от земляной сырости низовые пласты. Они издалека отдают кислой невкусью. Но и таких пластов становится мало. Поэтому велено давать в день и на ночь всего-то два-три навильника. Была такая необманная среди колхозников мера: столько, сколько ты, мальчишка или женщина-конюх нанижешь-навьючишь на вилы, подымешь на подгибающихся ногах и, шибко кряхтя, несёшь до ясель, до кормушки, значит. Про вкусно-хрумкий и нажорливо-сытный овёс лошадям напоминали так же редко — насышали чуток в кормушки лишь по особым случаям. По праздникам или если лежал дальний путь. Овёс на фронт отправляли — боевые кони должны быть всегда сытыми. А отборный ячмень — так о нём читаешь только в старинных былинах, где про русских витязей-конников. Наши же лошади, если едят вполсыта неделю, потом ещё одну, потом ещё одну, так самых ослабелых-отоцавших уж не вывести из конюшни не то что на работу, но просто на проминку, дыхнуть здоровым воздухом.

Ещё лошадей угнетает сибирская стужа. Вообще-то по-сибирски привычны к любым морозам, но в одном случае — коли сыты. Сказано не напрасно в народных пословицах: голод с холодом кого угодно со свету сживут. От наших лютых морозов и от недоеда-голода лошади часто застуживались, совсем как люди. Даже кашляют как заболевшие старики или как кузнец, который лошадей подковывал, инвалид с войны, заядлый курильщик. Стужа обжигает в конюшне отовсюду. И через узкие под самой крышей-стрехой окна — почти во всех из них вместо повыбитых стёкол пучки сена, потому легко просеивается снежная пороша и не держится надышенное лошадьми тепло. И разбиты двери-ворота, а буран-свирепень — частый гость. Негде в войну в нашем степном районе, далёком от городов и железной дороги, достать для ремонта брёвен, досок и стекла. И некому мастеровито поработать топорами и молотками. Один пробовал, а плохо получается — отстрелили ему в бою фашисты правую руку. Председатель колхоза приходит женщинам на подмогу, да тоже ладу мало потому, что на ноги инвалид — спрятанная врагом в снегу мина под ногами взорвалась, когда бросился в атаку.

Ещё плохо, что не всегда колхоз зимой выделял соломы на подстилку; её и на корм самим лошадям, а ещё коровам и овечкам не хватало. Вообще-то лошадь редко когда ложится, чтобы поспать-подремать, чаще всего спит стоя. Однако же, когда всё-таки устраивалась на голом земляном полу, так застуживалась.

Вот и ответ: почему после таких зим трудно лошади стать конём. Не зря с самых незапамятных времён говорят русские крестьяне и поучительно, и

заботливо: “Погоняют коня не кнутом, а овсом” или: “Сыпь коню мешком, так не будешь ходить пешком”. Эти и другие пословицы прочитал я в той необыкновенной книге, которую всю жизнь старательно складывал из услышанных в народе мудрых изречений друг Пушкина Владимир Иванович Даль, он назвал её “Пословицы русского народа”. И своим читателям советую почаще общаться с этой книгой.

О лошадях заботились как могли. Например, вовремя подковывали, то есть как бы обували в сталь все четыре копыта. Иначе — как? Копыта, а это ведь оброговевшие ногти, стирались, да и зимой без подков нельзя, лошадиные копыта никак не ухватывали заледенелую дорогу.

Всё это забота кузнеца Платона и его помощницы комсомолки Анюты. Этот израненный на фронте мужик в своей кузнице-кузне всё мог в ремонте сотворить, ему только жалко было свою Анюту, замену мужику-помощнику. Хоть и плечиста, а всё равно попробуй долгим колхозным днём выстоять у наковальни с молотом.

Они оба особо уважали подковывать лошадей. Для начала кузнецу и помощнице надо было щегольнуть искусством выковать саму подкову, да по размеру, да разные — то зимнюю с шипами, то летнюю полегче. Они раскаляли полосу железа до ало-малинового цвета, тогда Анюта скидывала её на наковальню и брала в руки молот, а Платон с щипцами и молотком средней увесистости показывал первым ударом как разделявать будущую подкову: “Бом-бом, бом-дон, дон-дин-дин...”. Удар за ударом, аж искры сыплются.

И вот всё ещё огнедышащую подкову скидывают для закалки и остужения в лоханку с водой под шипенье и бульканье; вода вскипала, и лошадиная обувка становилась прочной.

Лошади словно понимали, что быть добру, потому терпеливо ожидали, когда выйдет Платон в брезентовом фартуке, с подковами, со специальными гвоздочками и с молотком. Он брал в руки лошадиную ногу, помогал ей согнуть её копытом наверх и несколькими точными ударами приколачивал подкову.

О нём уважительно говорили: “Не молот куёт железо, а кузнец”.

5. Особая пора

Зима... Главная зимой забота у лошадей так жить, чтобы выжить.

Может, придуриваться больной и не работать? Да нет — жить без дела у неё не получается. Надо на санях-розвальнях развозить каждое утро сено в овчарню для овец и для коровника. С Иртыша надо доставить колотого льда в детдом и в больницу. Когда он, набитый в бочку, растопится сам по себе, без никакого подогрева, то не оторвёшься от ковшика. Заманивает пить своей голубизной и необычным вкусом. От такой воды ещё и истинно сказочный звон слышится. То льдинки стучают по жестяному ковшику и иной раз попадают под молодые зубы и хрупко сжёвываются. Как же упитительно вкусна она от того, что её никто не кипятит.

В райцентр тоже дорога. Раз в зиму отвозят пополнение для армии: призывников и добровольцев. Несколько раз вывозят замороженное молоко и мясо — тоже на фронт. Обрато обозников ждут с особым нетерпением — вдруг привезут возвращающегося из госпиталя калеку — отвоевался, или раненого на окончательное излечение. Какая же радость для всех, что односельчанин живым вернулся.



Ведущей в такой зимний обоз наряжали кобылу-старушку Клашу. Она не только терпелива для зимних дорог. Ещё и любима за одну появившуюся у неё в войну особенность. Узнавала земляка. И не мешали ей признать своего даже совсем не с колхозными запахами шинель или бинты. Понюхает и тихохонько поржёт. За то, что здоровалась, ей доставался давно уже никем у нас в деревне не пробованный кусочек солдатского сахарку или хрумтик недеревенского сухарика.

Нас, мальчишек, в такие зимние дороги не брали. Они опасны непредуганными морозами, налётными буранами, а то и свирепыми придорожными волками. Волки непуганы в войну — нет охотников, а старики-сторожа, чаще — сторожихи, с отпугивающими ружьями охраняли только коровники, овчарни и конюшни. Лошади возвращались измождёнными. Запавшие глаза. Впавшие животы. Иней-изморозь по всему телу от схваченного морозом пота и самые настоящие сосульки у ноздрей.

Но хуже нет, когда бригадир велит ладить сани с особым старанием-пристрастием — помыть-почистить. Догадывались: быть дороге к больнице — гроб грузить и навсегда увозить под плачи на кладбище. Такая ездка, пожалуй, каждый месяц: умер кто-то, вконец истощённый, от какой-либо усугубляющей болезни-хворости, даже тиф от вшей случался.

... Как-то сторожиха конюшни, то есть ночной конюх баба Лена, так почему-то прозвали её, обратилась ко мне с загадкой, которая напоминала в одно время сказку: “Будто слушают мальчишки голос: “Мне зимою тяжело”. Слушают ещё один голос: “Мне летом тяжело”. И третий раздался: “Мне всегда тяжело!”. Я тужился-пыжился и не отгадал. Так баба Лена сама с отгадкой: “Это, паря, про сани, про телегу и — запоминай да сочувствие проявляй — про лошадь”.

6. Водопой из проруби

Если лошадь не больна и совсем уж не истощала от голодухи, так любое с ней общенье — истинное увлечение.

Зимний водопой... На Иртыше... Надо протрусить по улице Заречной к спуску с яра, это сибирское поименование обрыва. Ноздри моего Орлика в минуты такой уж и не очень-то прыты всё равно быстро заиндевели, да и моим и коленкам, и щёкам, и пальцам в дырявых рукавичках тоже крепко достаётся от морозных обжигов. Горяча в Сибири зимняя стужа.

Но вот спуск. Яр крут. Он опасен. Конюхи предупреждают: “Гляди, не сверзись-то под откос!”. Под гору только сторожким шажком под короткие удила и упрямые от меня приказы: “Тпр-ру-у. Тпр-р-у-у...”. Иначе нельзя — спуск заледенел от выплесков из водовозок и под укатами тяжёлых колхозных саней, которые везут с того берега то ящики-мешки для нашего магазина, то тальниковые дрова из прибрежного лесочка, то вырубленный лёд для растайки в бочках. Своей скользины добавляют ретивые рощерки детских салазков или коньков.

Ой и впрямь быть лиху, если Орлику дать послабку. Он по крутому спуску сам себя не сдержит — расшвыристо разгонится и где там остановить: сломит шею. Страшно!

Направляясь к проруби — она метров десять от берега. Спасибо кому-то, что уже успел прорубить ломом-пешнёй ночную заморозь. Вода здесь от напора упругой стремнины и колыхающаяся, и густо парит на морозе — живая, так и дышит. Но моему Орлику до неё ещё дотянуться надо. И лёд



толстый. И сама собой прирастающая наледь высоты придаёт. Но умная лошадь приспособилась — передние ноги подгибает.

Долго пьёт и ёмко. Я когда однажды по первой хлебнул-попробовал зимнюю иртышскую воду из этой же проруби-лунки, сразу понял, почему так жадно пьётся. Вкусней чем из домашней бочки. Сладкая. Но не по-конфетному, а от морозной чистоты.

7. Под стропилами на вожжах

— Эй, паря, у твоего друга Лёхи Гнедка на вожжи-то подвесили, — оповестила меня баба Лена, едва я по обычаю появился утром в конюшне, перед школой, проведать своего Орлика. “Паря” — это по-сибирски означало парень. А мне сказала потому, что Лёшка, шеф у Гнедка, простыл-заболел.

Значит, Лёшкина лошадь совсем потеряла силу-стойкость. Ноги, значит, не держат. Плохо это. Она, лежащая, есть-пить не может. Если её не поднять и не подвесить для поддержки на вожжах через живот к стропилам, совсем заглодает, а простынет, так скоро падёт, умрёт то есть.

Бегу к Орлику и с особым чувством после того как нагляделся на несчастного Гнедка, протягиваю хлебушек. Кус этот хоть и самое вкусное на свете угощение-гостинец, но мало похож на хлеб, который ели до войны. Нынче он колючий и склизкий. Это от того, что мама в эту голодную зиму муку не просеивает. Муки мало. Не поднимаются руки отделять от неё обсевки. Всё в квашню идёт. Совсем отоцали мешки; так мама бережёт, чтобы дотянуть до нового урожая. Хлеб с грубыми отрубями, и в каждом ломте остья и полова. Ещё в тесто замешана мятая варёная картошка. Картошка да хлеб — присошка. С картошкой хлеб выпекали для того, чтобы сытости добавить и живот тяжестью обмануть.

Всем лошади удивляют. Даже в эту голодуху когда едят, проявляют и опрятность, и разборчивость. Орлик не кинулся жадно жрать. Протянул ему хлебушко. Гляжу — ноздри округло распахнул, шею навстречь вытянул, пахнул на меня тёплым дыхом-пыхом-дыханьем — будто высказал что-то благодарное. И только потом бархатными губами вызволил из моей ладошки подаяние. Да нежно-нежно, а не загрёбуце.

Он, понятное дело, ещё хочет. Обнюхивает руку, плечи, шапку, пыхает в лицо и косит, косит глазом. Жалко Орлика — а нет больше хлеба ни шматика-кусочка. Стыдно-совестно стоять рядом... В школе в случае чего кто-нибудь поделится сухариком или картошкой в мундире, а Орлик остаётся одиноким.

На обратном пути из школы в конюшню всё высматриваю по заснеженной дороге или в придорожье клок сена — вдруг найду, вдруг ветром сдуло с проезжих саней или от стожка за плетнём. Для Гнедка тоже.

И моему Орлику не сладко. Живёт еле-еле. Совсем затомился в голодной, душной, тёмной и вымороженной конюшне. Жалко на него смотреть. Отвислое от пустоты пузо придерживается не сытостью, а одними выпирающими рёбрами — будто это ржавые обручи стягивают рассохшую бочку, пожарную, у дверей конюшни. Клонит в дрёму от голода и голода: глаза почти всегда прикрытые, голова и шея свисшие. Но, кто знает, может, ему просто противно смотреть и смотреть в пустые ясли. Иногда он грустно вздохнёт и подымет голову к яслям. И шумно обнюхает. Не найдётся ли нечаянно недогрызенной — где уж там вкусно-лакомой травинки, веточки хотя бы от летом случайно срезанного-скошенного лугового кустарничка,



той веточки, что утром показалась несъедобной. Баба Лена, как увидит такое, так с приговоркой на сибирский лад: “Поищи... Поищи, милый” — поищи, значит.

... Баба Лена была у нас в селе известная частушечница. Как соберётся народ в очередь у магазинчика или у клуба, и если она свободна, так без неё не обходилось. Кое-что накрепко запало в память, из “лошадиных” частушек тож:

*Дайте дрочке винтовочку
И серого коня,
Он убьёт заразу Гитлера,
И кончится война.*

Иной раз — под хорошее настроение — нас, ребятню, достаивала концертом; когда выпроваживала на работу, могла спеть с дробненьким каблучьим перестуком расстарых сапог:

*Поработай, поработай,
Мой конёк вороненький:
Обработай с пацаном
Этот луг зелёнький...*

8. Трудный труд

Запредельно трудным был рабочий день у лошади в военную пору. Кто же ещё помощник человеку в колхозе, если оставшиеся от мобилизации на фронт трактор и машина-грузовик больше в ремонте, чем в работе...

Ещё зима, но уже надо начинать заботиться об осени. Об урожае речь. Каков привет с начала года, таким и аукнется ответ в конце. Председатель на собраниях часто говорил: в осень въезжают на санях. Надо вывозить на засеженные поля навоз-назём. Это для того, чтобы землю-пашню удобрить-подкормить; добро любит даже земля, вот её и задобряют. Потом, с весны, лошадь нужна для плуга и бороны — сеять надо. Не обойдётся без неё, когда вывозят из амбаров на телегах семена. Драгоценны! Без них к осени не быть для мельницы работы. Какой же гнездовой наш родной русский язык: и печёный хлеб — хлеб-хлебушко, и зерно для семян тоже хлеб-хлебушко.

Держу Орлика под уздцы, чтобы телегу не дёргал. В неё взрослые загружают мешки с семенами, по их огромности они назывались по-сибирски чувалами. Усладистые запахи от них. И до лошади доплывают по воздуху духмяные волны. Они ноздри щекочут-раздувают. Но не натрусишь горсточку-жменьку ни для себя, ни для лошади, а уж как хочется нам с ней пожевать после тощего завтрака. Зерно протравлено специальным ядовитым порошком, чтобы зимой в бедных запасах не развелись прожорливые жучки и мышки.

Тяжко тянуть тяжёлую телегу. Дороги раскисли от талой воды двумя слоями: для колёс вязко в глубине, для копыт скользко по размывам сверху. Жидкая грязь чавкает и расплёскивается. У лошадей из-за этого по весне новая примета: хвосты подвязывают узлами, чтобы их лошадиную красу позорно не заляпать. В водополе нет лошади приволья. Только и слышно от неё натруженное: “Уф-уф-уф”, а от возницы понужливое: “Но! Но-о! Давай-давай-ка!”. Колёса же вязнут аж по ступицы на глубокой колее и только резкими рывками преодолеваются промоины-колдобины.



Съехал к сеяльщикам — пуще прежнего хуже. Пашня с телегой не дружит — грузнут колёса. Лошадь в потной пене и в прерывистом дыханье то и дело обессиленная встаёт, только уши настороже. Ждёт кнута-подгоняльщика — жалко, а порой достаётся. Сеяльщики не терпят ждать. Не зряговорено: весенний час зимний день кормит.

У телеги хоть укатистые колёса. А каково тянуть плуг с зажорливым лемехом. Правда, по весне трудящуюся лошадь по утрам подкармливают овсом. Но всё равно всех сил не восстановит. Тянет-тянет... Взмокла и покрылась со спины до втянутого живота белой клочкастой пеной. Бока пыхом ходят, как кузнечные меха на кузне. Ноги хоть и свиты из крепких мускулов-мышц, а подгибаются. Но режет и режет плугом — терпеливо — слежалую после осенних дождей и зимних морозов стернистую землю-пашню, да так, словно тянет за собой не только плуг, но за ним неисчислимые комкастые борозды. Круг за кругом, круг за кругом...

После сева — вот какая отрада! — отдых. Пусть и недолог он, но даёт вольно попасть на молодой травке. Уж как вкусна, уж как сочна, уж как по ней заскучали лошади! И летучие степные упыри-кровопивцы: комары, мошкара, оводы-пауты да слепни ещё не народились.

Всё бы благостно узнавалось в таком изложении, да короток отдых, ибо короткое у нас в Сибири лето подгоняет к упряжи. Одна теперь забота — не встала бы работа.

Это начинается сенокос. Надо траву на лугах и по степям косить, чтобы заготовливать сено на зиму и для колхозной скотины, и на вывоз — для конницы, которая сражается с фашистами.

Мой Орлик в паре с Гнедком неторопким шагом тянут стрекочущую косилку, на которой восседает с совсем смиренным у неё кнутом тётя Прасковья. Попозже, через день-два, когда скошенная трава на кошанине подвяляется на солнышке, мне с Лёшкой черёд. Нам приказали пороботать на конных граблях. Надо свалакивать укос в валки, чтобы просушить не только солнышком, но и ветерком. Если трава не станет сеном, так, волглая, обречена в скирде быстро подгнивать; у нас говорили — горит. Оно и в самом деле преет так, что в горячем гнилье долго руки не удержать.

Конные грабли — это не дачные грабельки. Они, загребущие, на несколько метров длины при двух высоченных железных колёсицах с мой рост величиной, а сиденье промеж этих колёс на станине. Так восседаешь как египетский царь-фараон с картинки из учебника древней истории. Грабельные изогнутые зубья, с метр-полтора по высоте, когда ступаешь ногой по педали, вздымаются за спиной со страшным клацаньем. Так опрастываются от скошенной травы и оставляют после себя очередную добавку к сенному валку, который растягивается от одного края луга к другому. Тебе же, грабельщику, превеликая гордость, если научишься валки сваливать-снаряжать ровными в длину и на одинаковом расстоянии между ними. Через неделю эти валки, если дождика не случится, надо стягивать в копны на волокушах — это такое бесколёсное снаряжение, когда только одной длинной верёвкой захватываешь кучу сена и тянешь прямо по лугу куда надо. Затем взрослым с помощью мальчишек придёт пора свозить сено к конюшням, чтобы складывать скирды и сохранить его на зиму для пропитания скотине.

Свозили на сенных арбах. Это высокие, длинные и широкие возы с хватистыми ребринами из жердей, чтобы побольше сена вместить-уложить.



Идёт арба неторопко, влекомая двумя лошадками по кошанине и по команде подавальщиц сена, вооружённых вилами, останавливается у каждой копны-копёшки. И в два-три навильника её на арбу. Наш брат, школяры-удальцы, тож с вилами, но на арбе под командой взрослого мастера-умельца. Работа такая: сено снизу принимать, развёрстывать и притягивать-утрамбовывать после каждой подачи. Уложили и неспешно отправились домой тихо-вечерней дорогой, а то, гляди, ночь обволокет. Сена эти арбы вбирают выше хаты — едешь наверху, держишься за верёвочную опояску и аж страшно: высоко! Звёзды кажутся близкими.

Отвлекусь, чтобы рассказать — что это за диковинка: скирд-скирда. Огромна. До пятидесяти, а то и больше арб-возов вбирает сена. Длинна. Шагов на 50-70. Высока. Не взобраться: от земли в два-три роста. Только превеликие мастера горазды были творить её крутостенной и гладкокрышею. Чтобы осенний дождь не пробивал и зимний буран не разметал.

Подойдёшь к скирде и вдоволь надышишься чистым лугом и жаркой степью. Долго пряно это сено. До ползимы держится духовитая сладость зацелованных солнцем полевых цветочков и луговых стебелёчков от конского щавеля. И странное дело: вспоминается вовсе не едкий пот при косьбе — липкий на приманку злого комарья. В памяти прежде всего доброе оживает — как радостно жить и работать летом. Может, и лошадь оставляет для себя только хорошее, выветривая из памяти свои трудные труды — когда жилы едва не рвутся, когда бока ходят ходуном от тяжёлых прерывистых вздохов-выдохов, когда ноги подгибаются.

9. И было с князем Олегом три разных урока

Пришла на свой урок наша учительница по истории и говорит: “Я узнала, что вам вчера по литературе дали домашнее задание выучить наизусть “Песнь о вещем Олеге”. А знаете, откуда Александр Сергеевич Пушкин взял всю эту историю? Нет-нет, не придумал, не сочинил по прихоти своего богатого воображения. Он так любил историю своего народа, что знал, как писали её; многое доподлинно знал...”

И достала какую-то книгу. Сказала: “Это первый русский труд по истории нашего государства. Очень древний. Его написал первый наш летописец Нестор, видимо, в 1113 году. Назвал — “Повесть временных лет”. И стала читать.

Мне спустя годы довелось закончить исторический факультет в Казахстане же, потом стал издателем в Москве и так уж пришлось, что издавал для новых поколений ту самую наидревнейшую “Повесть...”. И конечно, разыскал там то, что давным-давно нам читала мудрая учительница:

“И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: “От чего я умру?”. И сказал ему один кудесник: “Князь! От коня своего любимого, на котором ты едешь, — от него тебе и умереть!”. Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: “Никогда не сяду на него и не увижу его больше”. И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошёл на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года — на пятый год помянул он своего коня, от



которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: “Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?”. Тот же ответил: “Умер”. Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: “Не право говорят волхвы, но всё то ложь, конь умер, а я жив”. И приказал оседлать себе коня: “Да увижу кости его”. И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: “От этого ли черепа смерть мне принять?”. И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от этого разболелся и умер он...”.

После школы по дороге домой мы с другом Лёшей заглянули в конюшню к своим друзьям. Сенца подкинуть, за ухом почесать, доброе слово пошептать и пообещать, что к вечеру, когда покончим с домашними заданиями, придём с настоящим “шефством”. Вдруг слышу Лёша тихо-тихо проговорил: “Гнедок, Гнедок, ты ведь знаешь, что я тебя люблю, так когда умрёшь, не напускай на меня никакую змею. Ладно?”.

Мы так разохотились узнавать от “исторички” незнакомое в знакомом, что она дала нам домашнее задание — следопытско-краеведческое. Она предложила добровольцам поискать в избе, где была наша сельская библиотека, — конька. Мы в несказанное удивление: “Нет там никакого конька”. А кто-то даже пошутил, что там можно обнаружить только “Конька-горбунка” из книжки. А она лукаво улыбнулась: “Эх-эх, чувствуется, что мои школяры — степные дети; не знаете про “конька” потому, что живёте в степных плоскокрыших хатах. А там, где я родилась и прошло моё детство, почти каждая изба имела своего “конька”. Вот такие русские крестьяне — даже этим чтили-почитали своих кормильцев. Так вот вам задание: сбегайте к единственной у нас избе из брёвен, там до революции жил купец, и посмотрите, чем увенчана балка-матка, это та, что выступает из кровли и держит собой стропила”.

Мы и ринулись почти всем классом к библиотеке — на погляд какого-то там конька. Изба и вправду не нашенская: бревенчатая, срубовая, пятистенная, кровлей крыта. У нас же саманные хаты, то есть они сложены из необожжённого кирпича, которые изготавливают в замесе глины с соломой и конским навозом, и плоские крыши глиной мазанные. Плядем на избу и впрямь видим на конце балки топором вытесанную лошадиную морду. Конёк! Мой сосед по парте Егизбай очень удивился — вот, оказывается, русские какие, тоже, как казахи, без коней-лошадей не могут.

10. Сбруя-упряжь

Орлика приготовить к работе, то есть запрячь, а ещё точнее выражаясь, заложить в упряжь, можно скоро-споро лишь при одном условии. Это если ты успел поднатереть в этом сложном искусстве, которому терпеливо научают взрослые.

О, это искусство намного сложнее и занятнее, чем съехать с места на автомобиле; тоже мне уменье — откинул тормоз, всунул ключ зажигания, надавил на педаль газа и положил ладонь на округлый набалдашник переключения скорости.

... Иду в конюшню к своему Орлику. Перед тем как взойти к нему в стойло, снимаю с колышков, вбитых в стену, позвякивающую удилами уздечку, увесистый хомут, седёлку, дугу, вожжи, кнут и всю эту упряжь выношу во двор к телеге.



Теперь черёд обрывать друга в уздечку. Нелёгкое дело, ибо надо в одно время его взнуздать, то есть вложить в пасть железные удила, а он не очень-то этого хочет; вот и приходится пальцами нажимать на пасть пониже ноздрей, тут он, осердив зубы, и приоткрывает эту свою пасть...

После этого можно выводить на двор. Бредём к телеге — как хорошо: всё вокруг лошадь взволновывает после конюшни-то — яркий солнышкин свет, воздух чист, земля упруга, запахи свежи, пахучая травка поближе к забору зеленеет, ласточки из-под стрех стремительно взлётывают, собачий брех слышится, у коновязи знакомые лошади выстаиваются — унюхали Орлика и коротким ржаньем заявили, что знают и помнят, Орлик к ним с тем же... Для него сейчас — словно для нас в школе вольная перемена. Он давай норов-упрямство показывать — не хочет запрягаться. Пришлось мне его подталкивать, подталкивать, чтобы встал меж пока ещё склонёнными к земле пустыми оглоблями.

Теперь беру в руки хомут и, пошире расщеперив его деревянные клешнины, приподнимаюсь на цыпочки, чтобы протиснуть через морду-голову на шею, к плечам. Орлик мешает — ясное дело, что никак не хочет на свою шею хомута. Не то играет-взыгрывает со мной, не то поясняет-заявляет, что работать нет у него никакой охоты. Морду вздёргивает выше моих рук, ногами переступает, зубища скалит... Попробуй, улови удобную секундочку, чтобы захомутать. Вздёл всё-таки. Теперь хомутовые гужи запетливаю на дугу и на оглобли. Дале за супонь — тонкий длинный ремешок, чтобы стянуть хомутовые клешнины, иначе хомут плохо сведённый станет бить плечи моего любимца и к тому же будет плохо держать оглобли. Дальше набрасываю седёлку и прихватываю её ремнём-чересседельником наопояску, чтобы оглобли были подтянуты. Дальше вожжи пристёгиваю цепким карабинчиком к колечку на узде. Ах, если бы ещё такую роскошь — нагрудник с кисточками, на бляхах шлею да бубенчик на дугу. Только в войну не до этого.

Когда запрягаешь, надо беречь и себя, и лошадь. Чтоб Орлик невзначай своими копытами не наступил на твои босые ноги. И чтобы под хомут и под потничек седёлки не попала какая-нибудь колючка — быстро в кровь натрёт.

Кнут... Приоткрою тайну: он не столько для лошади, сколько для соревнования среди нашего брата, лошадиников. Самолюбивые завидки берут, если у кого кнут красивее-красивше. Считается он таковым, если от кнутовища кожаная из сыромятного ремня оплётка сплеталась разной толщины по убывающей. Сперва из восьми ремешочков — это примерно с палец толщиной. Затем тоньше и тоньше. В самом начале лучше всего пришлести две-три бахромки кисточками — они тоже из сыромятины, но нарезаны узенькими полосочками. Самая скучная сплётка — это когда просто перекручивались два ремешка. Но это уже не кнут, а так, кнутишко. За длиной не гнались. Многометровый кнут-батог нужен только когда коров пасёшь. Но у коровьих пастухов своё на батоги состязание — не по нашим интересам. Для всадника или ездового-возницы вполне хватало кнута на полтора-два метра. Между прочим, распространённое слово плётка идёт от понятия — сплетать, плести.

Кнутовище — особая забота. Чтобы соперники охнули-ахнули и зауважали, надо его всячески изукрасить. Берёшь острый нож или раскалённый гвоздь, и как намечтаешь узоры, так и вырезаешь или выжигашь. Можно пустить сверху донизу углублённую ленточку с разводами.



Можно волнисто перевитые линии. Можно изобразить звёздочки и солнышко с лучиками, и всякое такое прочее. Некоторые умельцы прославляли своё имя и фамилию, а то и кличку своей лошади. Тот, кто дружит с табунщиком-казахом, гляди, получит в подарок кнутовище из слегка изогнутого рога степной косули-сайгака или из её тонкой ножной кости.

Я всё не забуду бабу Лену. Она кроме частушек знала превеликое множество загадок. Помню, что были и “лошадиные”.

Вот она спрашивает: “Кто отгадает? Под награду — дам седло покачаться”. И ошарашивает сверхтрудной загадкой: “Один идёт, четверых за собой ведёт. А пятый сидит, в оба глаза глядит”. Мы тужимся-тужимся и произносим: “Сдаёмся!”. Она с отгадкой: “Лошадь, телега и мужик”.

Мы давай выпрашивать новую, в надежде победить. Она с охотой: “Станет — выше лошади, ляжет — ниже курицы”. Гадаем-гадаем, а никак в точку не умаслим. Баба Лена довольнѐхонька своей победой — проясняет: “Дуга”.

Ещё одну загадывает и тоже мы в поражении: “Едем, едем, а друг дружку не объедем”. Оказывается, разгадка совсем простая — это колѐса.

11. Весёлая работа

Радости-то было, когда выходил приказ впрягать Орлика в водовозку. Это такая телега с огромной бочкой, уложенной набок. Она не такая, как нынче привычно — железные для бензина. Водовозная бочка сооружена-сотворена из деревянных клѐпок, таких изогнутых и тщательно выструганных дощечек; их, чтобы держались и не рассыпались, даже чтобы через возможные щѐлочки не протекали, стягивали железными обручами.

На водовозках от весны до осени доставляют воду с Иртыша и для пахарей, и для косарей, и для тех, кто убирает хлеб. И ещё раз в день надо залить котлы-казаны во владениях бригадных поварих-стряпух на полевых станах. Казаны огромные, что верблюжье брюхо.

Едешь по воде — никак нельзя было говорить: “За водой”; сибиряки с лукавинкой поправляли: “За водой пойдѐшь-то, далеко-о-о уйдѐшь”. Лошадь приладилась везти водовозку скучной трусой. Скрашивают дорогу конский “топ-топ-топ”, “свись-свись-свись” от терпеливого на взмахи-отмахи хвоста и насмешливое дребезжанье ведра, которое подвешено под бочкой.

Обратный путь стелется бережливым шагом под неустанно-чмокающее хлюпанье внутри гулкой бочки.

Прислонишься к ней спиной — прохладно. Или ещё удовольствие-благодать — вдруг на подвернувшейся вздыбине от колеи или от кочки, когда свернёшь в поле, для усмирения жары из люка прохладный водопад за шиворот; это отверстие заткнуто пучком травы разве только от пыли.

... В августе у лошадей праздник в помин их святых покровителей Флора и Лавра. От нас, пионеров, скрывали такое религиозное происхождение праздника. А всё равно нравилось, что есть хоть один праздный день для наших трудяг. Быть им без упряжи! До сих пор помню угрозную поговорку: “На Флора и Лавра на лошадях не работают, а то быть падежу”. И не удивляли имена тех, в честь кого праздник — они совсем не диковинка для сибирского слуха. Здесь не очень-то моднились в выборе имён.

Баба Лена как-то в один из этих праздных дней очень подивила нас — пропела-протанцевала частушки, которые назвала “частушки-нескладушки”:



лукавые, в расчёт, что умный уловит издёвочку над привычным. Было много “лошадиных”. Начинала всегда так: “Ой, частушки-нескладушки: поцелуй кирпич под хвост!”. Дальше чеканила: “Тянька, купи лошадку; запрягала я собачку, да плужок напился пьян”.

12. Пастьба

Дважды: и днём, в самую жару, и в прохладном предночье, мальчишкам после того как искупали лошадей, новая забота — отпустить их попать. Да к явному удовольствованию не на надоелый выгон-толоку за околицей села, а за полевым станом в степное раздолье, в чисто поле.

Но надо путы на ноги приладить. Это чтобы твой друг не забрёл на поле со всходами, а то просто неведомо куда в поисках лучшего для пастьбы местечка, а то, гляди, набьёт утробу и домой наостритесь в прохладную лето конюшню или вспомнит натруженное тело о бодрящем Иртыше.

Путы надеваю на две передние ноги — чуток повыше копыт, около венчика; там чувствуется утолщение, его взрослые называют “путы суставом”. Теперь для самой стропливой лошади никакого быстрого убёга не получится. Получаются всего несколько громоздких прыжков от задних мощных ног или можно только семенить, мелко-мелко перебирая от этих самых пут передними ногами.

Путы из сыромятного ремня. Иногда эти обмотища соединяют для крепости несколькими железными кольцами. Казахи-табунщики вязали путы из конского волоса. Такие путы получались для ретивой лошади колкими.

Лошадь, даже спутанная, отправляется на выпас довольной. Её хлоп по спине или по упругому крупу-заду уздечкой или ладошкой, а она в ответ смиренно хвостом взмахнёт, напряжётся на два-три прыжка в сторону и, встряхнув чёлкой, утыкается головою в траву. Только и слышно “хрум-хрум, хрум-хрум”.

Ей бы понежиться в полном покое, но куда там! Неутолённая на кровопийство жадная летучая гнусь обрекает лошадь неумоимо защищать себя. Хвост как заводной — всё по бокам, но, к сожалению, его не хватает для спины. Копыта задних ног тоже в напряге, чтобы отгонять летучую супостат — то одной копытиной, то другой сбивает кровососов с подбрюшья. Или отваживает их мелкой, но порывистой, нервно-скукоженной дрожью-подёргиванием кожи. И голова без устали — вверх-вниз или резким рывком-разворотом к бокам: хоть что-то смахнуть. Фыркает — мошкарку сметает. А если совсем становится невтерпёж, так подгибает ноги, ложится на бок и сильными порывами-толчками мощно перекачивает своё большое тело-тулово то в одну сторону, то в другую — давит врагов, хотя в путах такое занятие затруднительно. Ещё она знает, что, набив вкуснейшей травой утробу и утолив голод, надо сыскать курган — вдруг, когда ночной сон придёт, прохладным ветерком обдуть будет, отгоняя свирепых летунов и высушивая дневной пот даже под гривой.

На выпас пустить легко — отловить трудно, хотя и спутанную. Ты к ней — она от тебя: уши наострены — издали слышит твои тихие шаги и разгадывает коварное намерение: зачем ты к ней с позвякивающей удилами уздечкой. Ты уж совсем рядом, а она ловко крутится на месте и получается, что всегда к тебе задом. Боязно приблизиться — поди догадайся: лишь пугает или в самом деле взбрыкнет-лягнёт.



Давай-ка приманивать. Уздечку за спину, ладошку вперёд и льстивым голосом: “Тпру-тпру-у”, гляди-ка, хлебушек тебе”. Не каждый раз даёт себя провести на такую хитровку. Но вот всё-таки не то приманил, не то ей, привычной трудиться, вспомнилось, что надо возвращаться на полевой стан. Она смиренно тянет голову — принимает к ладошке. Тут-то хватай за прядку, которая так красиво свисает словно чубчик меж чуткими, подвижными, то и дело прядящими ушами, и говори ей что-нибудь ласковое, успевая накинуть уздечку и взнуздать.

Однако же, что ни говори, а лошадь — зверь. Даже когда распутываешь — бди. Присядешь на корточки и не угадаешь, когда ей взбредёт переступить — так нечаянно наступит копытищем, а ты босой, или приспичит задней ногой сбить овода-слепня — так в лоб закатает.

Всё — распутал без никакого для себя урона. Но как сесть верхом-верхи, чтобы прискакать к полевому стану, а не привести на поводу? Стыдоба, если на виду у всех сам впереди с поводьями в руках, а Орлик, понутив голову, наверное, от скуки, плетётся сзади.

Только верхом! Однако затруднительно отроку по своему пока невеликому росточку уж не вспрыгнуть, как показывают в кино про лихих кавалеристов, а бы-кабы взгромоздиться. Но как ни ухватываешься за гриву одной рукой и второй — за холку, как ни подпрыгиваешь, а толку нет. Скок-поскок, а лошади надоело, и она отшатнётся или шажок в сторонку. В сердцах крикнешь по-взрослому: “Не балуй!”. Но нет ей никакого смысла подчиняться. Тогда приходит спасительная мысль: поможет ковыльная кочка. Подвёл лошадь к кочке и только готовишься, подпрыгнув, перекинуться животом через хребтину, а она снова в игру или в упрямство — отшатнулась, и я промахиваюсь. Наконец, про поводья вспомнил. Перелесил их на шею — и получилась провисшая петля, как бы стремя.

Уселся, и к стану, издали присматриваясь, увидит ли кто твою удаль? Хлюпкой рысью плохо без седла: трясь-трясь по копчику — и забулькало в животе от недавнего обеда, и наступкаешь себе своё местоседловое место. Хорошо только вскачь — плавным галопчиком. Нетрудно помечтать, что на фашистов скачешь в развевающейся бурке и со сверкающей шашкой в руке — как в кино или в рассказах военрука.

13. “А ты присмотрелся к своему Орлику?”

В один прекрасный для меня летний день бригадир сказал:

— Гляжу-ка я, что Орлик твой к тебе присмотрелся. Слушается. А ты его слушаешься? А ты присмотрелся к нему? В работе-то присмотрелся, а какой он на свободе — знаешь ли, каков?

И предложил необычное: с полевого стана самостоятельно отвести лошадь домой, в село. Но необычность проявлялась не в этом — это каждый сможет. Мне же было особое поручение, ну прямо как учёному-естествоиспытателю:

— Не взнуздывай-то. Сиди верхи: и не торопи, и не дёргай уздечкой, и пятками не выстукивай. Разреши своему Орлику делать всё, что захочет, кроме, сам знаешь, одного — чтоб не скинул-то тебя. Присмотришь, присмотришь — что он будет делать без понуканий... И запомни. Мне потом расскажешь.



... Я подошёл к Орлику. Он согнул шею навстречь мне, слегка прижал уши — для лёгкой остратки — и стал обнюхивать: раз пыхнул, ещё раз, стоял теперь тихо и глаза тоже стали спокойными. Когда зауздечивал — он снова прижал уши, но потом раздумал стращать меня; видать, догадался, что ввездывать не буду, и, явно в благодарность, опять пыхнул смиренным дыханьем и разрешил без всяких там с его стороны шалостей взгромоздиться на спину. Седла не было, и ах как потом я жалел, что не выпросил его у бригадира.

Я сидел покойно — Орлик стоял покойно, лишь отбивался от оводов и комарья. Потом вытянул шею и, не почувствовав натяжения поводьев, потихохоньку пошёл прочь от коновязи. Шаг, второй, третий... Выбрал из множества у бригадного стана тропок и дорожек колеиновую дорогу и побрёл по направлению к нашему с ним далёкому дому. Ей-ей, сам выбрал; будто кто-то ему в ушко нащёптывал куда путь держать. Брёл, брёл и вдруг перешёл на лёгкую рысь (я давно уже знал от взрослых, что такая рысь — обыкновенная для лошади походка, кстати, и лёгкий галоп тоже обыкновенный для неё бег; так природа распорядилась, а всему остальному человеку научает — что для спорта, что для цирка).

С нами увязались две бригадные собаки — то вспрыгивают у морды Орлика, правда, на шаг-два в сторонке, то, опережая, полаивают, будто сердчая или грозаясь; у нас это называлось “побрехивать”, но при этом и ласково помахивали хвостами, умильно поглядывая. Собаки, конечно, мешали Орлику, но ни я, ни кудлатые бузотёры не уловили никакого от него раздражения. На таком взаимном добродушии мы вскоре и расстались со своим почётным эскортом.

Вдруг сбавил рысь и, развернув шею в мою сторону, взглянул как бы вмельк, чтобы, видать, удостовериться, что и в самом деле не собираюсь я им управлять, свернул с дороги в степь. “Чего вдруг?” — подумал я.

Он вступил в траву, всё время обнюхивая новый для себя путь; лошадь лучше всего “видит” ноздрями, зрение-то у них от природы не очень сильное. И всё пофыркивает не то от напряжения узнавать что там, в траве, не то от удовольствия, что никто ему не мешает быть свободным.

Метров через сто я понял его замысел — он устремился к роднику, от которого здесь была трава высокая, сочная и вкусная от запахов степного цветовья и прохлады. Вот оно что: оказывается, Орлик отлично запомнил эту приятную лощинку, в которую я как-то ещё весной привёл его передохнуть и подхарчиться.

Попил и, словно забыв, что я у него на спине, травой стал закусывать. Потом постоял-постоял, подумал-подумал и, словно показывая, что готов продолжать путь, поднял голову, снова вмельк охватив меня взглядом, начал выбирать на прежнюю дорогу.

Возвратный путь к дороге был недолгим, а сколько подарил ему и мне тоже новых наблюдений. Прядет ушами на любой в траве шорох — от полевой мышки ли, от убегающей, будто раненная, птички, это она так хитрила, чтобы увести от гнезда с птенцами. Вдруг остановился: взнюхивает землю — я вгляделся и увидел перезимовавшие бараньи косточки, обглоданные волками. Орлик вздохнул, вздёрнул морду и побрёл дальше. Снова, фыркнув, остановился — то учуял нору суслика, новую, с ещё не слежалой землицей на выбросах.

Неторопкая рысца позволяет ему чувствовать всё, что рядом и вокруг. Услышал далёкое ржанье — на ходу ответно подал свой голос, но коротко, зато жарко, то есть с многозначительным достоинством.



Нас ожидали не одна развилка и всякие иные дороги — объездные и поперечные, а он всё держал единственно правильное направление.

Я углядел ближе к вечеру сбочь дороги бежавшую ленивой трусцой степную рыжую лисичку-корсачка — и он учуял её, всхрапнул.

Я нечаянно от безделья и мерного покачивания лошадиной шеи и убаюкивающе-плавного движения большого тела под собой придремал, но вдруг меня резко встряхнуло. Это мой друг неожиданно отпрянул от чего-то там на дороге. Я взглянул: может, колдобина или вымоина, а нет — увидел раздавленную тележным колесом змею.

Дальше-дальше и наконец издалека разглядели мы с ним уже в плотно синееющих сумерках мерцающие огоньки, а ещё поближе набросился на всеобщую тишину взбред собак. Почти добрались. Хоть и не спешили, а признаюсь, устали: у Орлика бока немножко потом пошли, а у меня меж оголённых колен — был в коротких штаниках — от едкого лошадиного пота будто кислотой растёрло, очень больно щиплет-обжигает.

Но вот и проулок к конюшне. Баба Лена, сторожиха, расслышала лошадиный храп и топ и вышла из конюшни, зачем-то кряхтя и что-то под нос неслышно ворча, принялась открывать скрипучие от старости ворота. Теперь мне забота: надо Орлика ей сдать. Как хотелось поскорее, но она велит сдавать по-хозяйски, как это делают взрослые. Пришлось мне взять у скирды пучок сена и, скрутив его в жгут, обтереть Орлику бока, пузо и шею — чтобы обсушить от пота. Тут баба Лена, конечно, разглядев, что и я устал, сама принесла от колодца ведро воды — напоила и повела моего подопечного под летний навес.

Когда я, собираясь домой, хлопнул Орлика по спине и провёл рукой по шее, чтобы попрощаться и сказать спасибо, он оторвался от яслей и коротко проржал что-то задумчиво доброе.

... Всё это я по уговору изложил бригадиру как на уроке, и он подтвердил правильность всего мною увиденного и упомянутого.

Только одно добавил: “Ты не сказал мне то, о чём я догадываюсь: Орлик-то не очень хотел становиться на ночь рядом с Чалой. Злая эта Чалая, ух какая строптивая кобыла. А кони чутко чувят зло. Обидчивы. Обид не прощают. Чтобы отомстить — не только зубы щерят. И куснут при случае до синяка, а то кусок кожи вырвут. И лягом лягнут, задом кинув так, что ты со своих копыт кубарем-то, если не хуже, отползёшь на “карачках”.

Ах, одно забыл уточнить, что звали бригадира — тётя Паша. Правда, так её называли редко, ибо ейные подружки приучили чинопочитать нашего бригадира на деревенский лад: “Бригадирша”.

Запомнил — навсегда — песню от неё, увы, только немногими словами; горькая, тяжкая, нерадостная песня, но правдивая, честно рассказывает как женщине тогда доставалось, когда все мужчины на фронте: “Продолжается война, я одна, одна, одна, я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик...”.

14. Радуга от лошади

Самое распрекрасное удовольствие — это после предобеденных трудов искупать своего Орлика в самую жарыщу-пекло в Иртыше, всегда прохладном от своей величавости: что от шири, что от глубины, что в тихую погоду от невозмутимости, что от непокорных валов, гневливо-всплескивающими пеной в грозные бури.



Скорее бы только, скорее! Без узды, чтобы ничем не сдерживать разгорячённого коня! Орлик возрадован — ясное дело: чувствует куда скачем. Потому сам просит повода — нетерпелив! Однако чутко чует при этом как искать подступы к Иртышу: вот крутой яр, а вот пологий спуск...

И всё-таки галопом — я тоже возрадован, аж сердце заходится. Рубашку скидываешь на полном скаку и она птицей истинно при двух крыльях-рукавах вспархивает над песчаным берегом. В реку тож на скаку. От этого мощные брызги фонтанным веером — и радуга! Потом, когда упругой воды становится уже под брюхо, лошадь себя усмиряет, и как не лупцует босыми пятками, забредает в глубину только осторожным шагом. Сперва выщупывает дно, пригнув морду и раздув округлые ноздри — будто что-то вынюхивает там. Может, чтоб в промоину не попасть или не наткнуться на корягу.

Глубже, глубже... И незаметно для седока Орлик тихохонько поплыл. Ты на нём, а он ничуть не против — и не пытается сбросить. Совсем скоро тебя на стремнине тихо-незаметно смывает с мокро-скользкой спины. И чтобы не отстать и плыть рядом, хватаешься одной рукой за гриву, а другой подрёбываешь будто веслом. Есть соблазн ухватиться за хвост и поплыть на буксире, но зачем друга позорить.

В воде всем хорошо. От лошади добродушное “пфырк-пфырк” — это Орлик бережёт ноздри. “Плеск-плеск” — от твоей руки. “Жур-жур” — так тугие струи ласково обтекают большую лошадиную грудь. И “шлёп-шлёп” — это необходимо для Орлика похлопываю по атласно лоснящейся шее: люблю, значит. Главное, нечаянно не пихнуть ему голову в воду, чтобы в уши не попала вода. Говорили, что от этого лошади болеют.

Лошадью в воде управлять лучше всего не надо. Она плывёт, плывёт с лёгким похрапом и сама придумывает, когда поворачивать к берегу. Выходит на берег и встряхивается — от этого снова радуга. Она и без провожатого войдёт в реку, чтобы спастись от безжалостной жары и от жалящей крылатой нечисти. Вбредёт и стоит нежится с тихим удовольствием от вольной водной льготы. Видны только по воде распротёртая морда с пофыркивающими ноздрями, холка, немного крупа и колыхающийся по течению хвост.

Лошадь очень красиво пьёт. Не то что корова, которая шумно втягивает своё питьё, или свинья со своим смачным чавканьем, или торопливо лакающая собака. Вот у моего Орлика губы хоть и ушлёпистые, а в воде неглубоко, ноздри всегда выше воды — поэтому не пускает пузырей и не булькает, цедит сквозь зубы тихо-тихо. Пьёт, пьёт, пьёт — долго пьёт. Потом начинает отрываться от воды и затихает в каких-то своих покойных раздумьях. Тут можно посвистеть с приглашением снова жажду утолить — понятно, не кавалеристский марш, а чуть слышное, протяжное и однообразное: “Фью-фью-фью-ю-ю”. Орлик тогда снова к воде.

Может, это потому, что ещё и ещё хочется ему расчувствовать всё многовкусье иртышской воды. Чего только не настояно в ней. И немного вчерашнего дождя. И немного придонного ила. И немного камышиного корня. И рыбьего следа. И утинового кряканья. И смытого с человеческих и лошадиных тел терпкого пота.

Чуток поцедит и снова затихает: стоит недвижимый, наверное, задремал. И догадываюсь, что поспешили к нему думы — надолго ли быть ещё такому блаженству после того, как натрудил себя в раскалённой степи



хомутом, который давно уже противно прокис от укусно-жгучего пота. Речной ветерок отгоняет летучую вражень. Никто не угрожает упряжью или кнутом, не рвёт губы удилами-железами, прикрикивая: “Но, милая! Но! Но-о! Подналяги!”. Тишина: кап-кап... Ещё в полной тиши: кап-кап... Это в дрёме нижняя губа отвисла, а она с добрый половник, и в ней всё ещё вода. И, может, продолжает мой Орлик размышлять, что и степь хороша, если, конечно, вспоминать про неё отдохнувши. В степи приятно чують разнотравные запахи, а чуткими ушами воспринимать не только звень от комарья. Вот травные шорохи — значит, быть неподалёку вкусной пище. Вот жужжанье шмеля или пчелы — значит, рядом сладкая кашка. Вот писк пичужки — значит, там трава погуще...

Владимир Иванович Даль вписал в свою книгу одну пословицу, будто это лошадь поведала своё главное возмечтание: “Травы по колено, овса по щётки и воды лотки”. Помянутые щётки — это чуток повыше копыта суставный сгиб с волосьём.

15. С обозами

Подступала главная забота-страда для всех колхозников и, значит, для лошадушек тоже. Зазолотились колосьями нивы-поля, да быстро, всего-то за неделю-полторы, а ведь долго с весны пребывали в своей нежной от детского состояния мураве-зелени. Они от ветерка ходили упругими волнами под уже твёрдое шуршание. Вызрели! Не стали бы осыпаться. Допустить такое — грех великий и перед военной голодухой даже преступление!

Тут и пришёл черёд впрягать лошадушек в лобогрейку — хлеб косить. Потом их ждёт каменный, со стёсами тупых граней, громоздко-тяжёлый валок — зерно им выбивают-вымолачивают из снопов на крепко утоптанном земляном круге. Ток называется. Затем черёд за телегой-бедаркой — зерно вывозить с полевых станов.

Зерна-хлебушка немного сгрузят у хат, где живут колхозники, у больницы и там, где живут наши учительницы. Поболе, но без никакой чрезмерности, ссыплют в колхозный амбар, чтобы сберечь до весны — это драгоценные семена. А главная дорога нашему урожаю — в Красном обозе, который назван так не только от красного флага на первом возу. Главное, что снаряжен по итогу красного — красивого — труда отборным зерном в мешках-чувалах и при самых выносливых лошадях. Провожали с торжествами — на митинге. С назначением командира-вожака. С наказами нам, мальчишкам-возницам, слушаться обозного главноначальника и беречь лошадей. И мама прибежала, чтобы уложить под облучком котомку с подорожничками: коврига свежего хлеба, немного сухарей, жменька казахского лакомства — кирчики, закисше-отсушенный на солнце творожок, и с нашего огорода пузатые огурцы и с десятков головок лука, сочного и золотистого от своих шуршащих одежек. И, конечно же, одаривает заглавной едой — ведром картошки. Небось, говорит, хватит. Пеки, говорит, на ночных кострищах и ешь, напомнила, как все — со всеми, артельно. Лошадям подготовка к таким дальним путешествиям по нраву — их несколько дней подкармливают овсом и даже на дорогу отсыпают по четверти мешка на каждую.

В путь же! Долго он по степным просторам-меркам. Несколько дней по дальности пути двигалась в районный центр наша обозная вереница.



На переднем возу порывистый осенний ветер надувает меж двумя дровками флаг и транспарант: “Всё для фронта! Всё для победы!”. Под ними командир обоза. Помню первого в первом для себя обозе — всезнающий дед Ильяс. И дорогу знал. И лошадей знал: сколько про них мог рассказывать, даже петь, даже поговорки придумывать про них, вот так — сразу. И мог с начальством знающе общаться. И нас, юных, поважал.

Райцентр... Сворачиваем к пристани. Пospели. Четыре баржи заканчивают принимать в свои разверстые трюмы-утробы военный урожай. В одну баржу сыплется по лоткам пшеница — золотистая даже в осеннюю пасмурь. В другую — твёрдо-ребристый ячмень. В третью — жито-рожь, невзрачна для взгляда, как будто пропылённая, но в лепёшке, если с пылу-жару, так привлекательна. В четвёртую плывёт упругими потоками таинственно шуршащее и высверкивающее своим коричнево-шелушащимся одеянием просо. И вот баржи огрузли по самую красную линию (матросы поясняли нам, выражаясь непонятно, но красиво: ватерлиния); она опоясывает пузатые борты-бока, чтобы предупредить — полны сполна. Мы разгрузились, и подошёл-подплыл дымо клубуый буксир-тягун. У него по бортам огромные колёса с загребущими поперечными плицами. Они по воде шлёпают, как пловец ладонями, и потому буксир движется. Нынче таких давно уж нет, у нынешних быстрые винты.

Тут буксир, изрядно посуетившись, баржи сплотил в караван — одна за другой — и даёт протяжный плотно-басовитый — на далёкие вокруг дали — гудок. От этого диковинного для степных лошадей прощанья они запрядали ушами, напуганные, перебирают ногами и даже перестали хрумкать овсом, которым их угостили в благодарную награду, что благополучно завершили важное задание.

Вот и поплыл наш хлеб к храбрым воинам — воюйте и вспоминайте нас, тружеников тыла!

16. Беды-обиды

Беды и обиды для лошади идут от нерадивых ездовых или от неумех на обращение с упряжью-сбруей. Если перекрутишь построжки, так уже за одну езду до крови сотрут задние ляжки. Непригнанный хомут собьёт — опять же до крови — шею, плечи. Залечивать времени нет. За ночь сошвабренные до крови раны лишь чуть-чуть подсохнут, а сукровица всё сочится, и утром снова боль от упряжи. Иная лошадь сама нечаянно поранится, а лечить нечем. Когда закопошатся в ранках-ранах белые черви, только и поможешь тем, что соломинкой выковыриваешь.

Ещё для лошадей напасть — уже помянутые тучи-скопища летучих кровопивцев. Они так досаждают день и ночь, что лошади плохо едят и плохо набираются сил в отдыхе. Злые оводы-пауты сперва всё вокруг жужливо жигают-жигают, покоя не жди, а уж потом жалят без никакой жалости. Не зверь, не птица, а носик как спица. К осени от оводов лошадиные шкуры будто шилом продырявлены — это выбираются-выколупливаются личинки. У стремительных слепней другой бой — с лёту, одним мигмом вжиг, и шкура вздрагивает-дёргается от внезапной зазубристой стрелки. Назойливая мошкара въедливо облепляет глаза и ноздри. Комаров — настырных — днём и ночью такое множество, что если нет сдувающего их ветра или отпугивающего дымного кострища, так серый комариный покров расплывается по широкой спине и крупу, по большому брюху,



по щекастой морде. Серые крылышки комаров уже не покрывают собой туго-растянутые от лошадиной крови алые пузики-мешочки. Хлопаешь лошадь по спине ладонью — бр-р, окрашивается комариным кровопитием. Бедная лошадь — и как это терпит! Хватаешь пучок травы и соскребаешь жадную нечисть, а надолго ли?

Ещё одно мучение для лошади — когда впервые накидывают седло, а она, ожесточась от такой дерзости, не даётся. Тут требовательный крик: “Давай накрутку!”. И подкрадывались табунщик с помощником, чтобы крепко обхватить шею и накручивать на верхнюю нежную губу ремённый узел. Боль такая, что конь тотчас усмирался. Глаза пучились, а не было сил вздыбиться, чтобы сбросить теперь уже не только седло, но и вскочившего в него седока; только дрожь пронизывала всё лошадиное тело.

С этой минуты храбрый всадник и мог начинать приучать-приручивать даже самую взбешённую лошадь.

Лошадь очень вынослива на страдания. Человек бы только не досаждал, а помня о своей доброте, облегчал бы ей служение ему и всем. В уже помянутой книге Владимира Ивановича Даля нашёл такую крестьянскую мудрость: “Не спеши ездой, а спеши кормом”, “Погоняй коня не кнутом, а овсом” и даже такую — “Казак сам не ест, а лошадь кормит”.

Лошадь обижать ни за что не надо. Вот уж стал дедушкой, а не проходит давний-предавний стыд-позор. Однажды одна норовистая лошадь, когда стал её запрягать, погрозилась мне: глядь, кусну. Пригрозилась, признаюсь я, очень устрашающе: злобно прижала уши, негодуяще вздёргивала голову и грозно косила в мою сторону свирепо вытаращенными глазищами. Я сдуру вздумал наказать её. Завёл в конюшню, в узкое стойло, и беззащитную кнутом: раз-два, взошёл в тупой раж — и ещё, ещё. Она в звериную ярость — ощерила зубы свои страшные: большие и жёлтые. А я всё с кнутом. Она и от боли, и от обиды давай дико задом вскидывать — бешено лягается, но кнут-то длинней.

Когда одумался, едва не заплакал. Чем вину загладить? Побежал домой — схватил кусок хлеба, припасённый мамой для моего послешкольного обеда. Но казнённая мною лошадь не подпустила. И никогда после этого не доверяла. Подойду, а она уши прижимает и оскал кажет — предупреждает, что перестала уважать во мне человека. И поделом! Не будь палачом.

17. Победные скачки

Вот и пришёл долгожданный конец долгой, на четыре года, войне: 9 мая 1945 года всё село и ликовало, что наши Берлин взяли, и тихо плакало в память о тех, кто никогда с войны уж не вернётся — погиб за нашу возможность жить дальше.

А у нас, ребятни в звании отроков, обида: не успели повоевать! Без нас обошлись... Об этом заговорили на конюшне, когда прибежали, узнав, что и для лошадей тоже будет праздник — председатель колхоза освободил от работы и велел выдать им сена поболе. Вот мы и старались с вилами наперевес.

И тут Лёха-Алёшка изобрёл диковинное — сказал:

— Давайте-ка устроим победные скачки. На лугу у Коровьего брода с выходом в степь у кургана. Помните, как дед Калмыков рассказывал про казацьки скачки по праздникам. Его судьёй позовём...

— А баба Лена разве лошадей выпустит?



Мы к сторожихе. Она думала, думала и придумала: “Приходите-то через час — мне подумать надо”. И куда-то торопливо шасть с конюшни. Приходит и торжественно заявляет: “Вас всех председатель колхоза зычит”, — зовёт, значит.

Для чего позвал, всё наше село узнало к вечеру, на митинге по случаю Победы, когда в конце своей речи председатель объявил:

— Завтра всем быть на конно-праздничном мероприятии, то есть на скачках. В честь Дня Победы. Сей день не без завтра. Молодёжи теперь в жизнь входить. Поэтому торжественно объявляю: шефы наших лучших коней — славные наши пионеры и предстоящие комсомольцы — решили нас порадовать своими достижениями по уходу за конным поголовьем, то есть за лошадами. Худого в войну нахлебались, теперь к хорошему будем привыкать. Если у кого сохранились по сундукам казачьи фуражки и шаровары с лампасами — встанут в первый ряд рядом со мной... А вы, ветераны служилые, дед Калмыков и дед Амвросий, покажитесь в обществе со своими медалями за казачью службу. Очень прошу об этом: будете судьями! Найдутся и призы. Мы соблюдем старинные обычаи. Посильные, правда, по нашим обедневшим от войны временам. Коням тоже нашли призы — всем им, без различия победства, награда по торбе овса, а за три первых места — освобождение от работы на три дня. Мальчишкам-казакам — за первое место вручаю свой велосипед, за второе сапоги от участкового милиционера товарища Ивана Никанорыча Петрова, за третье — валенки опять же от меня, а от моей дражайшей супружницы Марии Ниловны вдобавок пирог с груздями, а от славного табунщика товарища Тулебека в подарок — казы, конскую колбасу, значит, сами знаете, как вкусна... И каждому Почётную грамоту от правления колхоза!

... Утром народу-то собралось! И мы в полной мобилизации. Тут дед Калмыков стал выстраивать нас, всадников, в линию. Кони под нами нетерпеливо ждали команды, пытались гарцевать и даже пробовали лёгкие вздыбки. И вот команда от судьи, и вот рванулись к курганчику, на котором стоял, взмахивая фуражкой, другой дед.

Дальше вспоминать — эх-эх! — стыдно. Помешал своему Орлику стать победителем. С места как дал ему под бока пятками и как стегнул кнутом — будь первым, будь первым! — он и распластался, взбивая пыль для отстающих. Но так шло только с полпути, а потом, потом я почувал всхрапы и пыхи мне в спину от преследователя, ещё, ещё — и вот уже теперь мне в лицо и в морду моему Орлику земляные комья из-под чужих копыт, от Лёшкиного Гнедка. У моего взмыленного Орлика уж с боков пот пошёл белыми клочьями-ошмётками. Слышу, что нас с ним ещё нагоняют, и в самом деле так — ещё два моих приятеля оказались впереди. Орлик шибко ошалел: ноздри раздул — хрипит по-звериному, удила закусил — пена взвитками из пасти. Но от преждевременного по моей прихоти рывка так перенатужился, что перестал отвечать ни на мои вскрики-понуканья, ни на мои ласковые мольбы: отстаёт, отстаёт. Выходит, заморил я его раньше времени. Когда нас, чуток с конями отдышавшись, позвали на торжественное построение, так пока вёл Орлика, разглядел, как он спал с боков и глаза ввалились.

Мне потом мама Лёхи-Алёшки поучительно высказала: запомни-де старое казачье присловье: рано подгонять начнёшь, позже и приедешь.

Но успокоила: “Хорошо, что без спотычки прискакал. Инако был бы позор...”.



... А мы, оказывается, опередили Москву с победным праздником. Позже узнали из сообщений радио, что в столице нашей Родины тоже прошёл праздник — Парад Победы. Да такое особое произошло: парадом командовал на белом коне — как в былинах — самый прославленный советский маршал-стратег Георгий Константинович Жуков.

Слушаем радио на площади, а военрук подошёл и начал рассказывать, что маршал был заядлым с самых ранних армейских своих лет кавалеристом. Потому в эту войну привлекал конные дивизии и корпуса, особенно в заснеженную зиму в боях за Москву, когда немцы были едва-едва не у её стен. Так тогда танков и автомашин было у нашей армии совсем мало, вот конница, лихая да к тому же и всепроходимая, и крушила немцев. Боялись фашисты нашу кавалерию.

Потом привезли к нам, в сельский клуб, на показ документальный фильм с хроникой недавних событий. Так все настоящие в нашем селе лошади тут же восхищённо разглядели, что маршал на Красной площади, объезжая войска, сидел на своём красавце даже в галопчике как влитой.

... Дедушка Ильяс на следующий вечер в клубе, когда взрослые слушали доклад председателя колхоза и всех других фронтовиков, дождался конца, неторопливо с улыбочкой подошёл с домброй в руке к столику, выпросил себе стул, молча уселся, подогнув ногу, чтобы было поудобней поддерживать свой диковинный музыкальный инструмент, похожий на русскую балалайку, и молвил:

— Вот обо всех сказали, а про вчерашних героев пошто не сказали? Из них настоящие батыры растут. Вот для них я спою.

И начал под чёткие звуки сухих струн:

*Земля под копытами стонет,
Клубится над степью пыль.
Лавиной несутся кони,
Растаптывая ковыль!
Победа любит отважных,
Того, кто душой горяч,
Смелей, джигит!
Здесь каждый
Имеет право
Дорогу пробить плечом.*

О, какие же случаются совпадения. Много-много лет спустя именно такие слова я прочитал в стихах своего давнего доброго знакомого знаменитого поэта Туманбая Молдагалиева. Одно объяснение: в крови у каждого настоящего казаха-степняка всегда в душе стремительный конь и храбрый наездник.

18. Память

Кто же ещё пробуждал для меня, мальчишки, который не сразу стал деревенским, интерес к лошади, кроме тех, кто уже был помянут? Повеличаю каждого с красной — торжественной — строки.

— Тётя Оля, которая управляла конюшней все годы в войну, пока её муж-кавалерист из казачьего корпуса не вернулся и не заменил. Припоминается: я к ней, хоть и не родственник, обращался “тётя”, а она меня в ответную одаряла таким семейным, тёплым, уютным откликом: “Племяш”.



— Агай Мухтар, старичок, лошадиный лекарь, без единого лекарства, а лечил! Агай — это по-казахски означает уважительное обращение: “Дядя”.

— Дядя Абдул, завхоз в маминой больнице, у него лошади в сердце, он чеченец, его привезли с Кавказа с зимним обозом, и в разговорах со мной всё горевал — его гордый красавец-скакун в горах остался.

— Эрна Фридриховна, медсестра из маминой больницы, которая в поездках на нашей больничной повозке доверяла мне и править лошадкой, и распрягать-запрягать. Она рассказывала, что у её отца, в прежние довоенные времена, когда жили на Волге, была собственная лошадь со смешным именем Пфердик, “Лошадка” то есть в переводе с немецкого языка.

— Бабушка Килина, которая жила с нами по соседству в белостенной, по украинскому обычаю, соломой крытой хате. Она по воскресеньям ссыпала мне в ладошки три-четыре жменьки отрубей, чтобы замешивать на тёплой воде вкуснейшую болтушку для моего Орлика. И каждый раз приговаривала: “Щоб був тобі другом! Щоб робив добре!” — это значило: “Чтобы был тебе другом! Чтобы работал хорошо!”.

И ещё не забуду Викторию Всеволодовну, нянечку в маминой больнице. Она попала к нам по эвакуации из осаждённого фашистами Ленинграда. И мама взяла её, измождённую недоеданием и долгой дорогой, старенькую и неприспособленную к сельской жизни, к нам на постой. Наша жилища очень боялась даже самых мирных лошадушек, а заодно петухов, гусак, уж не говоря про быков и собак, и обходила всю эту живность издалека. Зато долгими зимними вечерами при зыбком свете мерцающей коптилки рассказывала как сказку диковинные истории о собственном в царское время экипаже из двух красавцев-жеребцов и о храбром муже-офицере, который сражался с немцами на своём ещё более великолепном белом конескакуне. Только сражался не в Красной Армии, а ещё в царской против войск немецкого императора Вильгельма. И когда заканчивала такие истории про подвиги своего мужа-героя и его храбрейшего друга-коня, то испуганно шептала: “Вы, мон шер, мой друг, значит, конечно же, конечно же, никому ни слова о том, что я вам рассказываю про дворянские времена”.

Наконец, выделю, что летом победного 1945-го, когда маму попросили стать врачом в районном центре, появился добрым наставником, по части лошадей тоже, отчим, Алексей Савельевич Погорелов, райвоенком, brave кавалерист, весь в наградах и ранениях. Стал у нас в сарае держать своего любимого коня для выездки под седлом — не хуже председателя Громобоя. Для меня-то какая радость!

А Орлик — что? Когда я кончил школу и уехал в далёкий город дальше учиться, то, ясное дело, навсегда расстались. Где же его косточки? Схоронены на конском кладбище? Или где-нибудь в степи белеют они, омытые дождями и высушенные ветрами, никому не видные в траве, так, может, помнятся они хотя бы юрким золочёным ящеркам и муравьям, которые всегда горазды трудиться и трудиться, не хуже Орлика.

19. О возможной удаче

и о горестном признании старика-ветерана

Для городского нынешнего жителя посмотреть на коня-скакуна можно по телевизору или в кино, ведь иногда снимают. Хорошо в цирке полюбоваться лошадами-артистками и нюхнуть здесь такие диковинные запахи-ароматы, которые едва ли после этого позабыть.



Но лучше всего, чтобы приключилась в твоей жизни особая удача. Выпало бы самоличное знакомство с лошадей. Гляди, такое произойдет летом, если придётся побывать в селе-деревне. Только не бойся вместе с отцом подойти к огромному гривастому существу. Для начала — на безопасном расстоянии. И вдруг эта лошадь сподобится позволить погладить. И примет от тебя хлебушко или яблочко, морковку, кусок сахара, если, конечно, владельцы-хозяева разрешат. И начинай тогда тихохонько говорить ей ласковые слова и успеть бы при этом на всякий случай высматривать — как в ответ посмотрит твоя новая знакомица: с добром или с недоверием, а то угрозно.

А уж верхом, если повезёт! Повезёт на разрешение от отца и повезёт, если лошадь пожелает тебя осчастливить и в пути не передумает, и не будет артачиться. О-о-о, какое же превеликое выпадет счастье!

Надолго останется память.

Но не совету — уж простите! — приваживаться праздно гостевать на ипподромных трибунах. Не люблю эти трибуны за то, что здесь красота лошади в красивых видах конного спорта измеряется барышами с помощью тотализатора, а он азартен на деньги, чем и неприятен, чем и вытягивающе опасен.

... На последнем майском празднике в память о Великой Победе над фашистами разглядел среди уж совсем старых ветеранов-фронтовиков деда в старинной гимнастёрке, в петличках которой золотились подковка со скрещёнными сабелькой и винтовкой. Кавалерист! С боевыми наградами! С нашивками за тяжкие ранения...

Так разговорились. Он, когда я поведал ему про нашу мальчишескую “военную службу” на подшефной конюшне, принялся ответно рассказывать. Про то, что и у него был во взводе командир родом из Казахстана — заботливый и смелый, и — вот же как — под ним Орлик, тоже из Казахстана. И про то, как этот Орлик был так стремителен в конных атаках, что не давал фашисту успеть прицелиться. И про то, как даже на старости лет скучает по лошадям. И про то, как ему не нравится, что некоторые школяры вспоминают про освободителей от фашистов только раз в году — вот в этот только 9 Мая праздник. Стал корить таких мальчишек и девчонок — сказал: “Мало знают про воевавших и победивших. Не догадаются, что их — нынешних — не было бы и в помине в сегодняшней жизни, если бы мы тогда сдались фашистам. Страшен был фашист — не скрывал их вожак Гитлер своего чёрного замысла. Одних приговорил к повальному убиению — чего зазря кормить; других к рабству — вкалывать по фабрикам и на полях, чтобы фашистам жилось за счёт нашей поработанной страны при полном недостатке... С дешёвой колбасой и с пивом...”. Потом проговорил: “Что не догадаетесь памятник поставить-то в честь конников? Всем поставлены. Да и грех, что скульпторы коней пользуют только для маршалов. Неужто бронзы жалко, чтобы изобразить скачущую лаву, ну хотя бы одного с шашкой наголо? Так и бетон согдится...”.

1998-2008.

г. Москва.



Елена ДАЙЛИДКО

Даша

Рассказ

Дождь лил, не переставая, уже целый час. Это был самый настоящий ливень. Струи дождя стекали водопадом и разливались по асфальту бурным широким потоком. Даша стояла у окна, слушала, как тяжёлые капли дождя барабанили по стеклу, лицо её было мокрым от слёз. Она плакала от обиды, от жалости к себе, мысленно вопрошая: “Что я сделала плохого, что всю жизнь меня преследуют несчастья?..”.

... В семье Бессольцевых она была любимицей — нежная, добрая и скромная девочка с открытым сердцем. С детства Даша доверяла всем и считала, что к ней относятся так же. Она хорошо училась, была с прекрасным чувством юмора, красивая и остроумная, одним словом — душа компании. Ей завидовали, ей подражали, её любили и... ненавидели.

Первый удар судьбы девочка получила в пятом классе. У Бессольцевых была богатая библиотека, но Даша записалась и в городскую. Заведующая библиотекой была их соседкой и по каким-то причинам недолюбливала семью девочки. В один злополучный день по её заявлению в квартире Бессольцевых появилась инспектор детской комнаты милиции. Беседа с Дашей, она убедилась в том, что у девочки есть несколько книг с печатями городской библиотеки. Дашу почему-то обвинили в воровстве и на линейке при всей школе сняли пионерский галстук.

Девочка стояла, потрясённая, ноги вдруг отяжелели, было ощущение, что её приковали к полу, мысли путались, хотелось только одного — провалиться сквозь землю или умереть. Она не помнит, как дошла до дома, достала аптечку, высыпала все таблетки на ладонь и... вдруг разрыдалась, горестно и шумно. Оцепенение прошло, сквозь слёзы девочка спросила: “Мама, как мне жить дальше?”...

Родители — люди умные и рассудительные, выслушав сбивчивый рассказ дочери, как могли, успокоили её.



**Елена
Владимировна
ДАЙЛИДКО**

родилась в 1971 году в с. Володарском Кокчетавской области. Окончила здесь СПТУ по специальности “продавец продовольственных товаров” и Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова по специальности “учитель русского языка и литературы”. Работает корреспондентом газеты “Искусство народов мира” (г. Москва), член ассоциации “Искусство народов мира” — помощник президента ассоциации и пресс-секретарь по Акмолинской области.

Автор десяти рассказов о любви, опубликованных в кокшетауской газете “Любимый город”. В “Ниве” выступает впервые.

Живёт в г. Кокшетау.

— Всё со временем уладится и забудется, переведем тебя в другую школу, — говорила мама.

— Нет, я буду учиться здесь, мне нечего стыдиться, ведь я ни в чём не виновата, — решительно ответила Даша.

Со временем в школе стали делать вид, что забыли про случившееся, но в комсомол девочку не приняли. Закончив восемь классов, Даша поступила в педагогическое училище и, наконец, почувствовала себя спокойно: не было косых взглядов и шёпота за спиной, здесь её приняли в комсомол, она стала лидером молодёжной организации.

Всё когда-нибудь случается впервые: первая влюблённость, первое свидание, нежные слова и поцелуй... Это произошло и с Дашей: она влюбилась. После занятий по вечерам выходила с друзьями на спортивную площадку напротив общежития поиграть в волейбол. Однажды ей отпасовал мяч парень с яркой внешностью, длинными чёрными волосами и спортивной фигурой. Он впервые появился на площадке, звали его Сергей Лазаренко. Он был неотразим, взгляд его карих глаз сражал девчонок наповал. Но Сергей сразу выделил Дашу. Во время игры они видели только друг друга.

Их дружба была чистая и красивая, многие завидовали. С каждым днём они обнаруживали всё большее сходство между собой. Им нравились одни и те же мелодии, книги и фильмы, оба любили полакомиться шоколадом. Они соответствовали определению “две половинки”. И уже не могли жить друг без друга. Наверное, именно так рождаются сотни счастливых пар. Эта пара счастливой стать не смогла. После окончания училища Даша поступила в университет на факультет журналистики, Сергей ушёл в армию и не вернулся — пропал без вести в Чечне...

Прошло три года, от Сергея не было вестей, но Даша продолжала ждать и любить. Умом она понимала всю абсурдность своих чувств, но сердцу не могла запретить думать о нём, не могла забыть свою первую любовь. У неё не было серьёзных бурных романов. Мужчины не обделяли Дашу своим вниманием, но она отказывалась от знакомств и свиданий, уверенная в том, что может полюбить только однажды и навсегда.

— Ася, Никита сделал мне предложение и преподнёс кольцо с бриллиантом, я отказалась, — спокойным голосом сообщила по телефону Дарья лучшей своей подруге.

— Ну, ты полная дура, сколько можно жить прошлым? Пора задуматься о будущем, — стала выговаривать ей Ася, — Сергея уже не вернуть, прошло столько лет. Чем тебе не угоден Никита? Парень просто находка: не пьёт, не курит, занимается спортом, образован, у него свой бизнес. А самое главное, он тебя любит! Чего ты ждёшь, второго такого не будет. Ну чем он тебе не угодил? Хватит жить с призраками, а то останешься в девках...

Даша молча положила трубку и задумалась: “А что, собственно, я хотела услышать? Аська как всегда права, Никита — мечта любой девушки, порядочный, умный, надёжный...”. Разумом она понимала — лучше мужа не найти, а сердцем стремилась к другому, теперь ставшему призрачным, человеку.

И всё-таки Даша вышла замуж за Никиту и стала Шереметьевой. Через год, став матерью, чувствовала себя вполне довольной семейной жизнью. Она привязалась к мужу, во всяком случае, он был ей дорог. Жили они



хорошо, Никита очень любил Дашу. Но иногда она чувствовала себя одинокой, словно ей чего-то не хватало, и тогда воспоминания из прошлого не давали успокоиться. Но Даша знала, что Его с ней больше нет и никогда не будет, а жизнь продолжается.

... Жизнь продолжается и, бывает, строит козни, подставляет подножки. Даша, закончив университет, работала в одном популярном издании и была одной из ведущих журналисток. Но в последнее время начались неприятности на работе. Она стала замечать, что кое-кто из коллег ворует её идеи, вокруг неё плелись интриги, была неприкрытая зависть. И дома шло всё наперекоски: у Никиты проблемы с бизнесом, дочь Кристина сломала руку. Нервы были на пределе.

— Я больше работать не могу, Павел Егорович, мне нужно срочно уйти в отпуск, — сказала Дарья шефу.

— Хорошо, но только неделя, не больше.

— Спасибо, Павел Егорович!

На семейном совете Шереметьевы решили провести отпуск в горах у Геленджика. Природа здесь изумительная! Горы то подступают к морю, образуя отвесные обрывы, то отдаляются от береговой линии, уступая место равнинам, окольцованным небольшими удобными бухтами. Из горных ущелий пробиваются многочисленные реки и речушки. Тихо струится среди камней прозрачная вода, бесшумно снуют над её поверхностью в поисках мошек зеленоглазые стрекозы. Русла многих рек изобилуют порогами и водопадами. Вот и сейчас после обильного дождя семья Шереметьевых любителюется на один из них. У Даши появляется желание искупаться в этой "Чаше любви" или подставить лицо под живительные струи водопада. Вода холодная и бурлящая, изумрудные струи низвергаются с каменных уступов в радужном ореоле.

— Как красиво! — восхищается Кристина.

— Пойдёмте чуть дальше от реки в лес, — предлагает Никита.

— Красота какая, ощущение, будто попала в сказку. Спасибо, Никита, что привёз нас сюда, — поцеловала мужа Даша.

Вернувшись с прогулки, Никита обнаружил, что продукты на исходе:

— Дорогая, я поеду, сделаю покупки.

— И я с тобой, — обняв отца, сказала Кристина.

— Не забудьте купить шоколад! — крикнула им вслед Даша.

Ничего не предвещало беды, когда Никита с Кристиной ехали по горному серпантину. Машина уже проделала половину пути, как случилось непредвиденное: из-за прошедшего накануне дождя на некоторых участках дорога была мокрая и скользкая. Никита был предельно осторожен, однако на одном из поворотов автомобиль занесло, и он начал сползать к краю пропасти. Кристина побелела от ужаса. Предательский, мокрый асфальт...

После отъезда родных на душе Дарьи стало беспокойно. Она принялась готовить обед, но всё валилось из рук... "Уже темнеет, а их всё нет", — тревожилась женщина.

Ближе к полуночи в палаточном городке появилась милицейская машина. Вышедший из неё мужчина представился следователем и спросил гражданку Шереметьеву.

— Это я, — напряжённо ответила Даша, — что с моими мужем и дочерью?!



— Мне очень жаль, случилось несчастье, машина упала в пропасть, они погибли, — говорил мужчина, а Дарья не могла пошевелиться, ноги отяжелели, было ощущение, что её приковали к земле, мысли путались и хотелось умереть — как тогда, в пятом классе.

... Прошло два года. В душе и на сердце у Даши — пустота, в потухших глазах — тоска и страдание. Она часто разглядывает фотографии Никиты и Кристины, разговаривает с ними и плачет: “Что же мне делать, родные мои? Что же мне делать?..”. Её губы ласково шепчут их имена, измученная, загнанная в тупик, Даша ждёт ответа, но они молчат, только улыбаются с фотографий...

... А дождь всё лил, не переставая. Это был настоящий ливень. Струи дождя напомнили о водопаде, том водопаде из Геленджика. По асфальту неслась вода шумным широким потоком... Даша стояла у окна, слушала, как дождь барабанит по стеклу, и беззвучно плакала. “Ненавижу дождь”, — прошептала она и, набросив на себя куртку, вышла на улицу.

Она села в машину, посидев минут пять, повернула ключ в замке зажигания. Машина легко тронулась с места, а выехав на шоссе, стала быстро набирать скорость. Вдруг глаза ослепил яркий свет фар, затем раздался глухой удар...

Даша очнулась в больничной палате. Первое, что она увидела, открыв глаза, — это сидевшего рядом с кроватью незнакомого мужчину. Когда их взгляды встретились, Даша ощутила внезапное волнение.

— Здравствуй, Даша! Ты меня не узнаёшь? Это я, Сергей Лазаренко, — услышала она такой родной знакомый голос.

“Сергей?! Но это не его лицо, оно чужое...” — в смятении недоумевала потрясённая женщина.

— Прослужив полтора года в Чечне, — продолжал незнакомец, — я и трое моих сослуживцев подорвались на mine. Я чудом остался жив, но у меня сильно обгорело лицо. Чеченские боевики захватили меня в плен, я находился у них долгие пять лет. Это было самое страшное время в моей жизни: меня кормили скудной похлёбкой, держали в подвале без окон, редко выпускали на улицу. Я благодарен чеченской девушке, она иногда приносила мне домашнюю еду и питьё. С её помощью я остался жив и бежал из плена.

Даша слушала его, но смысл слов доходил до неё с трудом. Она чувствовала, как кровь горячей волной приливает к лицу.

— Но почему ты не объявился сразу после возвращения?

— Я узнал от Аси, что ты замужем... и решил не мешать твоему счастью, да и пугать своим видом не хотел... Я ведь только год назад сделал пластическую операцию.

— Значит, лучшая подруга всё знала и молчала?!

— Ты на неё зла не держи, это я так решил.

— Но как ты меня нашёл здесь, в больнице?

— Я работаю в службе ЧС, нас в очередной раз вызвали на место аварии. Был сильный ливень, ты вела машину, а навстречу вылетел “Мерседес”. Тебя доставали из обломков, это было страшно. Повезли в реанимацию, по дороге остановилось сердце, клиническая смерть...



— Я этого не помню, — тихо откликнулась Даша. — Единственное, что помню — это свет.. Не в конце туннеля, как рассказывают, а тёплый свет, заполняющий всё вокруг.. А в самом эпицентре я увидела твоё лицо... И очнулась... Мне потом врачи сказали, что после таких травм редко кто выживает... Но мне повезло, видимо... Благодаря тебе...

Даша устало откинулась на подушку. Сергей крепко держал её за руку, не отводя взгляда от её лица. Да, это его глаза... Пластический хирург может изменить только лицо... — подумала Даша и впервые за время разговора тихо произнесла: “Сергей,.. Серёжа...”. Она вдруг почувствовала себя влюблённой девчонкой, ей хотелось петь во весь голос, и впервые за много лет она была по-настоящему счастлива. Рядом был он — необыкновенный, единственный на всём свете, самый любимый человек.

... Через два года Даша родила дочь. Она чувствовала себя молодой, красивой, необыкновенно счастливой. Новая жизнь только начиналась, и этого было вполне достаточно для счастья.

г. Кокшетау.





Галина КРАВЧЕНКО

Случайная встреча

*Что любят одиножды — бредни,
Внимательно в судьбы взглядишь...
От первой любви до последней
У каждого целая жизнь...*

Ю. Друнина

Они столкнулись у входа в зал суда — Людмила, выступавшая свидетелем в бракоразводном процессе, и он, начинающий адвокат, у которого это дело было первым.

— Простите, — извинился молодой человек.

— Нет-нет, вы меня простите. Это я виновата, что вас не заметила, — смутилась Людмила.

— Ничего страшного не случилось. Проходите. Вы ведь направляетесь в зал?

— Да.

Молодой человек прошёл к столу, где занял место адвоката. Он был среднего роста, лет двадцати пяти, но уже с седеющей головой. Одет в чёрный костюм, белую рубашку с галстуком, чёрные туфли, начищенные до блеска. Из нагрудного кармана пиджака выглядывал уголок белого платочка. Весь его внешний вид вызывал симпатию у присутствующих.

Людмила прошла в глубь зала и присела на скамейку, рядом с подругой Лией и её бывшим мужем. Брак их распался давно, и только сейчас они, наконец, решили развестись официально. Людмилу пригласили свидетелем.

Шум в зале прекратился, когда секретарь объявила:

— Прошу всех встать! Суд идёт!

Дело рассмотрели быстро. Людмила подтвердила, что бывшие супруги давно не живут вместе, детей у них нет. Их развели.

Попрощавшись с подругой, она направилась к выходу. Шедший впереди мужчина, открыв дверь, обернулся, вежливо пропуская её вперёд. Людмила с благодарностью взглянула на него — это был адвокат. Они вместе вышли на улицу.

— Вам в какую сторону? — спросил он.

— Я живу на улице Маяковского. А вы?

— А я — на Чайковского. Это в другую сторону. Как вас зовут, простите?

— Людмилой. А вас?

— Андреем. Может, где-нибудь перекусим, Людмила?

— Мне как-то неловко, — растерялась она. — Мы ведь совсем незнакомы.

— Так познакомимся, — с надеждой произнёс Андрей, глядя Людмиле в глаза.

Её покорила доверчивый взгляд его тёплых карих глаз, и она решительно ответила:

— Хорошо. Вот кафе, зайдёмте сюда.



Расположившись за столиком, они ознакомились с предлагаемым меню и сделали заказ официанту. Некоторое время молчали, поглядывая друг на друга. Первым заговорил Андрей:

- Людмила, где вы работаете?
- Медсестрой в областной больнице.
- Вы замужем?
- Да. У меня муж и дочь семи лет. А вы, Андрей?
- У меня жена и двухлетний сынишка.

В это время официант принёс заказ. Обедали молча. Людмила думала: “И как это я согласилась на свидание с незнакомым человеком? Ведь я его вижу в первый раз. Но что-то такое есть в нём, что вызывает доверие и симпатию, желание говорить с ним, смотреть в его добрые, лучистые глаза. Что это? Он начинает мне нравиться?”.

Горячая волна прилила к лицу, она низко склонилась к столу, чтобы, не дай бог, Андрей ничего не заметил.

Андрей, бросив внимательный взгляд на Людмилу, поинтересовался:

- Людмила, у вас всё хорошо? Обед понравился?
- Да, спасибо.

Допив кофе, они поднялись из-за стола и направились к выходу.

— Мне пора, Андрей. Спасибо за всё. До свидания.

— Людмила, я очень рад знакомству. Вы не дадите свой номер телефона?

- Нет, конечно. Ведь у меня семья, я не свободна. Да и зачем?
- Мы можем быть просто друзьями.

— Но поймут ли это наши половинки? До свидания, Андрей, меня ждут дома. — Людмила, махнув на прощанье рукой, поспешила к автобусной остановке. Андрей смотрел ей вслед и думал: “Какая красивая и приятная женщина! И, видно, добрая, умная. А глаза, как бирюза, и улыбка очаровательная”.

Они расстались, чтобы встретиться вновь. Стоял февраль, но казалось, что наступила весна. Солнце так пригревало, что кое-где снег таял. Весело чирикали воробушки, посвистывали синички. Небо было чисто-голубым, высоким.

Людмила шла на работу в хорошем настроении. Ей казалось, что сегодня должно произойти что-то очень приятное.

На ней было весеннее пальто, кокетливый беретик, на шее — шёлковый платок. Весело шагая по тротуару, она вдыхала этот не по сезону тёплый воздух и радовалась чудесному дню.

Впереди неё вышагивал молодой человек в кожаной куртке. В руках он держал папку с бумагами. Людмиле его фигура показалась знакомой. “Неужели Андрей?” — подумала она.

До больницы оставалось совсем немного, мужчина вдруг оглянулся:

— Людмила? Здравствуйте! — и радостно протянул ей руку. — Вы на смену?

- Да-да, на сутки.
- Как у вас дела, здоровье?
- Хорошо. А у вас?
- У меня всё нормально. В прокуратуру иду. Дела!
- Извините, Андрей, я уже опаздываю. До свидания!

— До свидания!

Дежурство Людмилы прошло спокойно. Тяжелобольных не было. Сдав смену медсестре Аллочке, Людмила зашла в “сестринскую” переодеться. Надев пальто, повязав косынку, она кокетливо посмотрелась в зеркало. “А я ничего!” — улыбнулась, оставшись довольной собой.

“Настроение отличное. Впереди выходные! Можно с семьёй провести время, с дочкой погулять, сходить в зоопарк. Давно мы не гуляли вместе”, — думала Людмила, выходя на улицу.

Как и вчера, день обещал быть солнечным. Людмила остановилась, увидев, что в ворота больницы въезжает машина “скорой помощи”. Двери её раскрылись, и санитары стали ловко вытаскивать носилки. На них лежал мужчина, он был без сознания, лицо оцарапано, кровь застывала на лбу.

— Что случилось? — поинтересовалась Людмила.

— Авария, — коротко ответил один из санитаров.

Людмилу охватила тревога. “Да что это со мной? Впервые, что ли, я вижу кровь, раны?” — успокаивала она себя, но хорошее настроение улетучилось. Тем временем пострадавшего срочно повезли в операционную.

Людмила почему-то не могла успокоиться. Она спросила у проходившей медсестры фамилию потерпевшего, но та отругала её, сказав, чтобы шла домой, ведь смену свою отработала. Но встревоженная Людмила направилась в приёмный покой. К её счастью, там были санитары, фельдшер, привёзшие пострадавшего.

— Ребята, не знаете, кто это? — обратилась она к ним.

— А тебе зачем, Людмила? Знакомый, что ли?

— Да пока не знаю, но, кажется, я его где-то видела.

— Зовут его Андреем, фамилия Ефимов, адвокат, — ответил фельдшер и протянул ей паспорт.

Людмила, посмотрев на фотографию, вскрикнула:

— Это же он, Андрей! Я с ним недавно случайно познакомилась. А что произошло?

— Наезд. Пьяный на “зелёный” проехал, а он как раз переходил дорогу.

— Сильно пострадал?

— Переломы, сотрясение.

У Людмилы перехватило дыхание: “Какая жалость, только вчера мы с ним разговаривали, а сегодня он здесь, и такой беспомощный...”

Она вспомнила его приятный голос, лучистые глаза, открытую улыбку, и ей стало очень больно за него.

“Что делать? Ждать конца операции? Позвоню из дома, узнаю о его состоянии”, — решила Людмила и направилась к автобусной остановке. Грустно было ей, и день казался уже не таким светлым...

Дома её ждали дочь Светлана, муж Саша. Она рассказала им о случившемся.

— А что ты так переживаешь? Ты его знаешь? — поинтересовался муж.

— Работа у меня такая — людям помогать, — ответила Людмила и, переодевшись, пошла на кухню готовить обед. Через некоторое время позвонила в больницу. Выслушав, что операция прошла успешно и Андрея перевели в реанимацию, немного успокоилась.



Во время обеда Светлана спросила:

— Мамочка, а мы сегодня куда-нибудь пойдём?

— Наверное, в зоопарк. А папа с нами?

— Да, — ответил муж.

Побродив по зоопарку, Людмила отвлеклась, и остаток дня прошёл спокойно.

Ночью она часто просыпалась, лежала с открытыми глазами и прислушивалась. Рядом спал муж, что-то бормоча во сне. Волнение не давало женщине уснуть, и только к утру она забылась на короткое время, а в восемь уже была на ногах.

“Как там Андрей? Пришёл ли в себя? Навестить бы его... А что муж подумает? — нервничала Людмила. — Завтра на работу, там и узнаю”, — решила она.

Выходной провели дома. Погода испортилась. Подул холодный северный ветер, тяжёлые тучи опустились над городом, а к вечеру пошёл снег. Он падал, не переставая, всю ночь. С самого раннего утра трактора начали чистить улицы, во дворах жилых домов дворники лопатами раскидывали снег, очищая пешеходные дорожки.

Людмила вышла на улицу. Снег ослепил глаза яркой белизной, она зажмурилась.

В больнице быстро надев белый халат, она направилась в реанимацию. В палате был дежурный врач.

— Здравствуйте, Леонид Николаевич! Как больной?

— Пришёл в себя, но сейчас он спит. А вы его знаете?

— Да, знакома. Через какое время он проснётся?

— Часа через два.

— Хорошо, я зайду попозже.

Рабочий день начался: уколы, таблетки, процедуры...

Незаметно пролетели два часа, и Людмила решила зайти к Андрею. Он уже проснулся и, увидев Людмилу, улыбнулся.

— Здравствуйте, Андрей! Вот где нам встретиться пришлось! Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — слабым голосом ответил Андрей. — Видите, судьба привела меня к вам, хотя вы и не хотели.

— Не шутите так, не надо... А жена уже знает, была у вас?

— Только что ушла. Очень обеспокоена.

— Конечно, я тоже разволновалась, когда узнала о происшедшем. Вот несчастье-то какое...

— Ничего страшного, заживёт. Зато вы за мной теперь будете ухаживать.

— Да, придётся, — произнесла Людмила и ласково погладила руку Андрея.

Он благодарно посмотрел на неё.

День пролетел незаметно. На душе у Людмилы стало спокойнее, но мысли были все о нём, об Андрее.

Андрей тоже думал о Людмиле: “Я влюбился — это точно. Мне нравится говорить с ней, держать её за руки. Мне хочется её поцеловать. Интересно, а что она думает обо мне?”.

Дело шло на поправку. Людмила часто заходила к нему в палату: то фрукты занесёт, то интересную книгу, журнал. Но надолго она не

задерживалась: работы много, никого из больных нельзя обделять своим вниманием.

Но Андрей всегда ждал её прихода. Он уже пытался стоять на костылях, но ноги ещё плохо слушались. Людмиле пришлось учить его ходить заново. Её прикосновения стали волновать его. Людмила это заметила. В душе она сознавалась себе, что Андрей нравится ей. Она чувствовала, как какие-то скрытые токи пронизывают их обоих. И это пугало.

В одно из посещений Людмилы Андрей попросил у неё бумагу и ручку. Она принесла ему тетрадь, автокарандаш и ушла делать очередные процедуры больным.

Андрей сел в кровати, раскрыл тетрадь и вывел первые слова: “Люда, Людочка, Людмила... — на короткое время задумался, а затем вновь склонился над тетрадью. — Простите меня, но я вас люблю, искренне, всей душой. Меня мучает совесть, что, живя с одной, мечтаю о другой. Я ещё не знаю, испытываете ли вы ко мне какие-то чувства. Хочется, чтобы не оставались равнодушной. Мне так нравятся ваша улыбка, ваши глаза, излучающие тепло, ваши нежные руки...”

Но об этом сказать не решаюсь, поэтому пишу и надеюсь на положительный ответ”.

В это время Людмила вошла в палату. Андрей протянул ей тетрадь:

— Людмила, прочитайте и дайте, пожалуйста, ответ.

— Какой ответ вы ждёте?

— Положительный.

Людмила рассмеялась и вышла из палаты, стараясь скрыть охватившее её волнение. “Что же он написал? Неужели признание в любви?” — зайдя на пост, она включила ночную лампу и раскрыла тетрадку.

Первые слова привели её в смятение. “Что же я делать должна? Как отнестись к его признанию? А может, это его игра? Нет-нет, он не такой человек. Зачем ему лгать? Ведь он с первой встречи проявлял искренность... А как же наши семьи? Наши дети? Они не должны страдать. Нет, нет... — лихорадочно рассуждала Людмила, читая записку. — Нельзя давать волю своим чувствам. Ведь мы не свободны, и как бы нам ни хотелось быть вместе, это невозможно. Пройдёт время, всё успокоится... Я не буду ему ничего отвечать”, — решила Людмила, убрав тетрадь далеко в стол.

Утром она сдала смену и ушла домой. Андрея готовили к выписке. Он ждал Людмилу, а её всё не было. На следующий день она позвонила главврачу и, взяв отпуск за свой счёт, уехала с дочкой в деревню к матери. Противоречивые чувства переполняли её: “Я не должна его видеть, хотя и очень люблю его, не имею права разрушать обе семьи. Я должна забыть его, он не принадлежит мне. Больно, но иначе нельзя... его на днях выпишут, и мы больше не увидимся”. Сердце сжималось от боли, слёзы катились по её щекам.

Дочка испуганно спросила:

— Мама, ты плачешь? Почему?

— Просто мне грустно.

— Не надо, мамочка. Мы ведь ненадолго уезжаем?

— Я не знаю, милая, пока не знаю. Может, и останемся в деревне.

— А папа?

— Папа будет приезжать к нам.

Светлана погрузилась в мысли, но больше ни о чём не спрашивала и сидела молча, разглядывая из окна автобуса весенний пейзаж.



Природа оживала. Стоял март. Снег подтаивал, сугробы почернели и осели, кое-где виднелась земля. Тяжело взмахивая крыльями, с одного места на другое перелетали вороны, звонко стрекотали сороки, передавая друг другу свои птичьи новости. Чувствовалось, что весна уже не за горами.

Нина Ивановна, мать Людмилы, встретила их с распростёртыми объятиями.

— Какие гости ко мне пожаловали! — воскликнула она, расцеловав свою внучку.

— Здравствуйте, мама! Как я соскучилась! — Людмила крепко обняла её.

... На огонёк зашла соседка, поинтересовалась жизнью Людмилы — давненько она не была здесь. За разговором не заметили, как ночь опустилась на землю.

Светлана уже уснула, а дочь и мать всё не могли наговориться. Людмила решила рассказать о своих муках самому близкому человеку.

— Мамоchка, что мне делать? Я влюбилась и очень страдаю от этого. Он, Андрей, очень любит меня, но у него семья... Я не знаю, как поступить?

— Доченька, решай сама. Но если ответишь на его чувства и станешь встречаться с ним, ты нарушишь жизнь своих близких и его семьи. Дети ведь будут страдать. Подумай хорошенько.

— Мама, я думаю об этом. Наверное, мне не надо возвращаться в город. Здесь тоже нужны медсёстры. Так, вдалеке, я быстрее забуду Андрея.

— А муж?

— Он приедет сюда. И ему работа найдётся.

— А как ты объяснишь ему этот переезд?

— Что-нибудь придумаю. Например, что тебе стало тяжело одной за домом смотреть, вести хозяйство. В семье нужны ведь мужские руки, не так ли?

— Поступай, дочка, как считаешь нужным.

На том и решили. Утром Людмила позвонила мужу и предложила ему переехать в деревню. Он немного поартачился, но согласился.

Так Людмила осталась в деревне, устроилась в сельскую больницу и начала новую жизнь.

... Прошло десять лет. За это время Людмила родила сына. Жизнь шла своим чередом. В семье были лад и достаток. Отношения с мужем нормальные. Вроде бы всё хорошо. Но иногда Людмила вспоминала Андрея и тогда по ночам долго не могла заснуть, вздыхала тайком.

Дочь оканчивала среднюю школу. Уже решали в семье, куда идти Светланке дальше учиться. Людмила молчала, решай, мол, сама, и Света сделала выбор: "Буду юристом!".

К поездке в город собирались целый день: Светлана обдумывала, какие вещи брать, какие — нет. А Людмила думала об Андрее: "Вдруг встретимся опять? Интересно, изменился ли он? А помнит ли её? Может, и думать забыл о бросившей его, больного, в больнице медсестре. Но от него ли она сбегала? От себя. А разве можно убежать от себя?..".

... Поезд подходил к перрону. Светка выглядывала из окна вагона: её интересовало всё, что было связано с детством. Она помнила свой город. Людмила волновалась, будто кто-то должен был её встретить, искала глазами кого-то.

На такси они поехали к себе на квартиру, в которой теперь жила сестра мужа. Она открыла дверь, пригласила в комнату. Людмила прошла в прихожую, Света — за ней.

— Тётя Аня, а здесь ничего не изменилось!

— А ты помнишь?

— Конечно.

Пока они были заняты разговором, Людмила подошла к телефону, набрала номер:

— Алло! Здравствуйте! Это адвокатская контора?

— Да-да!

— А Андрея Ивановича можно услышать?

— Пожалуйста.

Людмила услышала в трубке до боли знакомый голос:

— Алло! Я слушаю!

— Здравствуйте! Вы меня помните, Андрей? Это я, Людмила.

— Конечно, узнал. Здравствуйте, Людочка! Вы где?

— Я здесь, в городе. Дочку привезла поступать в университет.

— А на какой факультет?

— Представьте, на юридический.

— Это же прекрасно. Помощь нужна?

— Я даже не знаю.

— Давайте встретимся и поговорим обо всём.

— Хорошо. Завтра в пять вечера в нашем кафе, помните?

Людмила тщательно готовилась к этой встрече. Надела свой любимый синий костюм с белым шарфиком, внимательно посмотрела на себя в зеркало и, никому ничего не сказав, вышла на улицу.

День был тёплый, на небе ни облачка, шаловливый лёгкий ветерок ласково прошёлся по разгорячённому лицу Людмилы. Она волновалась, переживала, как же пройдёт встреча и что из этого получится.

Но вот и кафе. У входа прогуливался мужчина с букетом красных роз. Она подошла ближе: это был Андрей, всё такой же, только полностью седой. Он заспешил ей навстречу, широко улыбаясь:

— Люда, Людочка, здравствуй! А ты всё такая же красавица! Годы не изменили тебя.

— Здравствуй, Андрей! Ты повзрослел, возмужал, и такой же милый.

— Спасибо. Возьми цветы.

Они зашли в кафе и устроились за свободным столиком, сев напротив друг друга. Их взгляды встретились, и сколько было в них нерастратченной нежности!.. Не отводя глаз от лица любимого, Людмила заговорила:

— Я тебе очень благодарна за внимание, за память. Прости меня за то, что оставила твоё признание без ответа. Я не могла поступить иначе. У нас семьи, дети. Да, между прочим, у меня родился сын, ему пять лет.

— А у нас — девочка, ей четыре года.

— Очень рада, что у вас всё хорошо.

— Да, относительно. Но не думай, что я разлюбил тебя. Любовь до сих пор жива, Людочка. Я очень часто думал о тебе, мечтал о встрече. Но не предполагал, что ты уехала из города. Это из-за меня?

— Скорее, из-за своих чувств к тебе. Ведь я тоже влюбилась в тебя и до сих пор люблю.



— Спасибо, милая, — Андрей взял руки Людмилы в свои, нежно прижался к ним губами.

— Дорогой, на нас ведь смотрят. Не надо...

— Пусть смотрят...

Официант принёс бутылку шампанского, разлил шипучее вино по бокалам.

— Людочка, выпьем за нашу встречу и за то, чтобы мы больше не расставались, за нашу любовь.

— А разве такое возможно?

— Конечно, при условии, что ты тоже хочешь этого. Я ничего не требую от тебя, Люда. Только хотя бы иногда видеть тебя, говорить с тобой, смотреть в твои глаза.

— Я подумаю. Может, мы и вернёмся в город...

... Андрей провожал её до самого дома. Уже у подъезда, прощаясь, Людмила вдруг начала читать строчки из стихотворения Юлии Друниной:

*Ты рядом, и всё прекрасно:
И снег, и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.
Подумай, ведь мы могли бы
Друг друга совсем не встретить.
Единственный мой, спасибо
За то, что ты есть на свете!*

Андрей порывисто обнял Людмилу и впервые крепко и нежно поцеловал. Она ответила на поцелуй, а затем, мягко отстранившись, сказала:

— Андрей, больше это не должно повториться. Мы будем только друзьями.

— Хорошо. Извини, пожалуйста. Это моя благодарность за стихи, в которых ты выразила свои чувства... А дочери твоей я помогу.

— Спасибо. До свидания, родной.

... Годы шли своим чередом. Людмила и Андрей по-прежнему жили со своими семьями, незаметно старели. Но чувства их оставались молодыми, любовь не угасла.

Во время одной из случайных встреч Андрей сказал Людмиле:

— Я буду всегда помнить тебя, в мыслях быть с тобой, пока не остановится моё сердце. Мне дорого всё, что связано с тобой. Я рад, что в моей жизни была и есть любимая женщина...

У Людмилы сжалось сердце от этого признания, на глазах выступили слёзы: "Почему мы не встретились раньше? Ведь мы созданы друг для друга!"...

г. Усть-Каменогорск.



Виктор ПАЛАМАРЧУК

Под кольцами Сатурна навсегда?

Рассказ

— Ты сможешь мне, чтобы он... навсегда... остался с нами, Роки? — этот вопрос матери я вот уже на протяжении десяти лет слышал перед тем, как мой отец возвращался с колец Сатурна.

Десять лет назад моего отца взяли в экспедицию на Сатурн. Станция вращалась под кольцами этой гигантской планеты. Исследования проводились с целью выявления простейших — вирусных форм жизни, которая, по прогнозам некоторых астробиологов, должна была существовать именно на кольцах Сатурна — небольших, сравнительно с астероидами, валунов, свалывшихся из космической грязи и пыли.

— Ну вот! Папе ещё будет работа... — с некоторой радостью сообщила мне мама, опершись левой рукой о моё плечо, а правой сняв с ноги туфельку на каблуках. — Отвалилась набойка... Вечно эти подковки не держатся и двух месяцев!

Вообще, несмотря на то, что я вполне уже взрослый и самостоятельный парень и могу починить практически любого из роботов нашего домашнего хозяйства, моя мама, когда отец в экспедиции, запрещает мне делать это, а ведь мне уже пятнадцать. Моя мать любит накапливать поломанные вещи к возвращению отца из экспедиции, и когда он прилетает на Землю со своего Сатурна, она нагружает его работой. Вот и этот раз не исключение... К числу прочего сломалась хлеборезка, и матери приходилось резать хлеб ножом, что в лучших традициях прошлого, но мне моя мать строго запретила чинить эту примитивную машину. Однако, это неудобство для домохозяйки, для меня же ударом было то, что вышел из строя универсальный уборщик, робот, конечно, но с интеллектом; хотя и имеющий программу для завязывания шнурков и чистки гуталином обуви — он просто рехнулся и начистил сапожной щёткой зеркало, холодильник и... нашего кота Томаса. Я прибежал из своей комнаты на его истошные вопли-восклицания и искрометающее шипение. Рыжий кот превратился в грязное тёмно-коричневое чудовище с пылающими глазами... Спасённого Томаса пришлось обстричь — мыть его бензином я не рискнул, вернее, подумал, что это причинит ему необыкновенное страдание... Остриженный, с обиженным выражением мордочки, кот выглядел пикантно.

Коту — что? — обростёт, а мне пришлось до возвращения отца и полы натирать, и пыль с мебели сдувать... тряпочкой-тряпочкой, и башмаки свои школьные начищать, и шнурки самостоятельно завязывать — пребесполезное, надо признать, и наинуднейшее занятие... Они, шнурки-то эти самые, имеют привычку постоянно развязываться.

Плюс ко всему я лишился постоянного партнёра для игры в шахматы, карты, го и бильярд. Именно в эти игры я и сражался с универсальным уборщиком, а он был, по своему программному обеспечению, большой дока в них. Теперь многие вечера стали для меня скучны и тягучи. Телевизор мы не смотрим, потому что моя мать страдает от него головной



болью. Подозреваю, что дело не в головной боли, а вообще какая-то странная старомодность моей матери. Она и работа-уборщика-то на дух не переваривала, а терпела потому, что самой-то ей как-то и не к лицу было заниматься стиркой да выбиванием ковров... Дело в том, что моя мать — английских королевских кровей и частенько летает в Великобританию на какие-то свои церемонии-заморочки — то кто-то умрёт, то наоборот, родится-женится.

По логике вещей, я тоже принадлежу к старинному аристократическому генеалогическому дереву, а в этот последний раз, из-за поломки уборщика, мне пришлось марать свои, голубых кровей, ручки — оскорбительной для такого “породистого оболтуса”, как меня в шутку называет отец, “грязной” работой; но это ничего — мать говорит, что мужчина должен уметь делать всё (по-моему, она издевается), и такая работа пойдёт мне на пользу...

Отец всегда появлялся возле нашего дома, при возвращении со своих колец, пешком. То есть, весь путь от космодрома и до нашего жилища он проделывал пешком, что, по его же собственным словам, позволяло ему “восстановить знакомство” с земной природой. Скучать ему у нас не приходилось... Вот ведь — отец! А я о нём как о госте! Только он появлялся, как тут же получал информацию от моей матери, что ему необходимо восстановить-сделать по дому... И закипала работа, причём мать мне больше не препятствовала в моих усилиях по обеспечению технического оснащения нашего дома.

Я не знаю, кто виновен в том, что мой отец месяцами отсутствовал на Земле, но, по-моему, во многом это не только из-за технического прогресса человечества. Да-да... Первые двое-трое суток присутствия отца проходили превосходно. Мы чинили всякие там миксеры-биксеры, набивали каблучки и подрезали траву и кусты во дворе на лужайке; мама нас баловала небывальными вкусностями, преимущественно восточных кухонь, и... все были вполне довольны... Но вот прошло несколько дней, и глаза моей матери подёргивались поволокой тревоги. Она вся становилась напряжённой и как бы... трусливой, что ли.

— Забыл? Не помнишь?! — вот её вопросы, направленные отцу, если даже у него и случайно выпадала вилка из руки во время обеда. Вроде пустяк, но взгляд матери становился какой-то подозрительно-тревожный, как будто бы отец находился в предынфарктном состоянии, как будто ему что-либо угрожало.

По истечении недели пребывания отца дома... “в гостях”... отношения моих родителей становились всё более невыносимо-странными для всех... И для меня, и для папы, и для мамы... Мать отстранялась от меня и от папы, становилась рассеянной и на глазах у неё появлялась мокрота... туманом какой-то необъяснимой тоски. Словно её в чём-то обманули, предварительно наобещав нечто волшебное и неземное. Я, конечно, прекрасно понимал — предстоящая разлука моих родителей является причиной их же дискомфорта. Хотя к этой разлуке они должны были бы уже привыкнуть за десятилетие, но тут впрягался ещё фактор космического воздействия. Дело в том, что на кольцах Сатурна всё-таки нашли какие-то то ли микробы, то ли вирусы, но об этом можно только вспоминать и фантазировать последствия... Просто разговор об этих открытиях состоялся после и привёл к тому, что... но об этом позже...

Сейчас же мой отец сказал мне фразу, которую он неоднократно проносил в задумчивости и только в моём присутствии:

— Не понимаю, что происходит... Моя жена, с которой у нас вполне уж взрослый сын, ведёт себя так, как будто бы меня и нет вовсе... Как будто я переродился в какого-то монстра и терзаю её присутствием... То есть памятью обо мне же самом, но только до того как начал перерождаться... Это, конечно, всё её религия... Надо же, никогда бы не подумал, что моя жена станет верующей... Это всё Африка! И ещё этот прогрессирующий вирус Герхарда!

Да-да! Надо признаться, моя мать всё-таки если не фанатично, но тем не менее основательно верует... Но я долгое время оставался в неведении о смысле фразы моего отца, которую он произносил как какое-либо недоумение небу, однако вслух, очевидно, ища у меня хотя бы тень сострадания своим отношениям с моей матерью... Теперь-то почти уж взрослым, за год до совершеннолетия, я начинаю понимать, какая-то такая сатурианская кошка пробежала между моими родителями...

Конечно, это всё Сатурн... Предыстория экспедиции, в которой участвовал мой отец, началась... в Африке. Ещё в двадцатом веке было обнаружено какое-то таинственное и загадочное сооружение на западном побережье африканского континента, которое служило явно культовым целям... Ориентировано это сооружение было на Сатурн, причём совершенно мистическим образом. Центральную часть этого сооружения — некоего подобия цирка, занимала открытая площадка с помостом, на которую кладут умершего человека, и пребывание тела должно быть девять суток; по истечении их тело умершего заменяют каким-либо предметом: животным, растением, камнем или изделием из него, в зависимости от социального статуса жившего человека... Если, например, умирал священнослужитель, то обязательно на помост помещали животное, а если очень высокого ранга был умерший — человека, обычно ребёнка, так же священнослужителя... Животное или ребёнок должны были находиться на этом помосте до сорокового дня со дня смерти человека... Смысл в том, что помост, центр Земли, и Сатурн ориентировались как три точки на одной прямой, и верили, что душа умершего через девять суток со дня смерти человека отправляется на Сатурн; причём самое необъяснимое в том, что у священнослужителей была легенда, согласно которой у Сатурна имелись кольца! Ведь они совершенно не видны невооружённым глазом! Повторялась история с догонами и их Сириусом... Невидимое космическое образование проходило в легенде состоящим из камня и... душ умерших людей. Однако всякий умерший, то есть всякая душа умершего человека, через девять суток улетала на сам Сатурн с этого помоста и возвращалась на этот помост на сороковой день, и вселялась в тот предмет или животное, что находилось на помосте, и... тут же обратно возвращалась на Сатурн, то есть на его кольца, чтобы там и покоиться. Африканцы, служившие этот культ с умершими, утверждали, что душа человека оставляет на сороковой день после смерти на этом, помещённом на помост, предмете некую посредническую с кольцами Сатурна субстанцию, некий “зарок” оставшимся жить и наблюдающим за посещённым душой предметом или животным. Тела умерших после всей этой церемонии сжигали, что считалось жертвой злему духу Хаге, который питается дымом и забирается этой “пищей”.

Умершего священнослужителя заменяли обычно каким-либо животным. Обычно гепардом, а то и мальчиком до девяти лет отроду. Вырастая в мужчину, он обычно наследует сан священнослужителя или военачальника. Интересно то, что если умерший “прозевает” девять и сорок дней на



помосте, то есть по каким-либо причинам его там не будет, например, убитый воин, вдалеке от культового сооружения Зара, как оно называется, что в переводе обозначает “дорога к Богу”, так вот убитый воин, конечно, не всегда оказывается на помосте и поэтому считается, что души тех, кто на нём не побывал, напрямую воплощаются-переселяются в цветы. И женщина или девушка, хоть раз сорвавшая или подержавшая в руках этот цветок, обязательно родит человека, у которого душа будет от этого жившего и умершего... Вообще-то криминальных элементов в этом африканском племени не водилось, ни убийц, ни грабителей не наблюдалось, в языке племени начисто отсутствовало само слово — “преступление”. Поэтому ни одна из женщин не опасалась, что родится ребёнок с душой негодяя.

Души умерших крестьян, ремесленников, охотников, вообще — простолюдинов посещали камни и оставляли в них “зарок” Сатурна только в случае, если у умершего не было на момент смерти живых детей, либо они вообще никогда не рождались, а такое случалось... Остальные же умершие, то есть из простого народа, души “посещали” простейших животных: змей, лягушек, тритонов, саламандр, некоторые виды птиц и в том числе цветы — всё на усмотрение родственников покойного. И всякий сверчок знал свой шесток. Вдове охотника и в голову не могло прийти, чтобы для “посещения” души умершего на помост поместить гепарда или соседского мальчишку. Змея или тритон будет находиться на помосте с девятого по сороковой день со времени кончины простолюдина...

Вообще подобрать термин к тому, что всё-таки “проделывает” душа умершего человека с предметом, цветком или животным, помещёнными на помост, не представляется возможным... Ни в одном языке мира нет подходящего слова, однако “заманини” по-африкански, к примеру, преобразует предмет (одушевлённый или нет!) в глазах оставшихся жить, если этот предмет пробудет на помосте после умершего те тридцать один день, которые душа покойного находится на Сатурне... Если “заманини” проходит с ребёнком, то, по верованиям в этом африканском племени, этот ребёнок приобретает дар общения через душу своего “крестника” со всем загробным миром, расположенном на кольцах Сатурна. И такого человека-“заманини” весьма ценят и используют его в других, между прочим, весьма запутанных ритуалах, например, “удачной охоты”, “обильного дождя”, “успешной войны”.

Камни, цветы и животные — “заманини” — оберегают жилища и способствуют в воспитании детей. И всё бы ничего... Мало ли какие религиозные обряды могут совершаться в далёкой и отсталой Африке... Ан нет! Всё дело-то в том, что и сам Сатурн едва виден на небе, ну а его кольца и вообще были открыты с помощью телескопов — приборов сложных, дорогостоящих и недоступных какому-то там африканскому племени... Кроме всего этого ещё и тот факт, что и по европейским языческим религиозным верованиям, Сатурн — планета мёртвых... Вот отсюда и пошли версии о якобы африканском проникновении в Европу ещё в древнейших временах, что привело к возникновению верований в Европе о послесмертном переселении душ на планету Сатурн... Ну а кольца этой планеты, и без того поэтически-притягательное космическое образование, стало на одно из времён конца двадцатого — начала двадцать первого веков самым, вернее, одним из самых загадочных формирований Солнечной системы.

Обнаружение этого “цирка” и исследование обычаев веры, особенно той её части, что касались загробных “перемещений” души человека-“заманини”,

происходили, конечно, задолго до рождения моей матери, но эта история постоянно производила на неё всё новые и новые впечатления, тем более что исследования колец Сатурна оказали весьма впечатляющее воздействие на умы современников открытия “заманини”... Римско-католическая церковь, впервые, нужно отметить, за всю историю церкви, устроила экспедицию беспилотного автомата к кольцам Сатурна. И результат не заставил себя ждать. Были получены уникальные фотографии структур колец Сатурна, которые римско-католическая церковь поспешила назвать не иначе как изображениями... загробного мира идолопоклонников, что для всего реально мыслящего мира людей было сенсацией, которой сразу начали спекулировать... Да, на фотографиях колец Сатурна угадывались какие-то неясные, тёмные очертания фигур людей, как бы застывших в танце, но и не более того. Заявление римско-католической церкви, конечно, преследовало цель обозначения той мысли, что раз существует загробный мир идолопоклонников, то, несомненно, должен существовать и загробный мир для последователей церкви.

Вообще материалистически настроенные журналисты выдвигали версии о возможной подтасовке фактов, о том, что фотографии сфабрикованы на Земле — уж больно много изображений было явно похожих и на людей, и на животных, в частности, на слонов, носорогов, львов и гепардов, и какие-то строения-хижины, в которых обитают души после “заманини”...

Как бы там ни было, но впоследствии под кольца Сатурна были направлены уже пилотируемые экспедиции. И тут грянула сенсация — кольца Сатурна вполне обитаемые образования... Правда, обитателем колец был вирус, но не простой, а удивительно прогрессирующий... Самое интересное, что он не вызывал болезней, однако производил в организме “инфицируемого” какие-то странные, нелепые и невероятные изменения. За тридцать одни сутки (с девятого по сороковой дни!) этот вирус Герхарда, получивший такое название по имени “первозаболевшего”, отпочковывал от “хозяина” нечто живое... Точно так же как и в “заманини”, неженатый и не имеющий детей Герхард родил камень — углерод был его основным элементом — основным элементом человеческого тела после, конечно, водорода с кислородом, которые являются твёрдыми только уж при очень низких температурах. В экспедициях на кольца Сатурна всегда находились не имеющие детей, холостые граждане Земли. И все они, как и следовало ожидать в дальнейшем, отпочковывали от себя нечто углеродистое. Впрочем, поначалу совершенно бесформенное. Впоследствии вирус Герхарда получил ещё и название — прогрессирующий, потому что с течением времени от неженатиков и бездетных женатиков начали отпочковываться (словно от кактуса) уже подобия сердца, почек, печени и даже... мозга. Всё это, впрочем, в совершенно обезвоженном виде. С течением времени выяснилось, что мужчины порождают мужское, а женщины — женское.

Например, мой отец, принадлежа к высшему командному составу экспедиции и заразившись вирусом Герхарда, тоже не избежал возможности произвести нечто “заманини”. Он “отпочковал” от себя дельфина-самца, которого, кстати, как и практически всех “заманини” со станции, доставили на Землю и поместили в бассейн недалеко от одного из южных морей, и по отзывам обслуживающего персонала бассейна, этот самый отцовский “крестник” — дельфин-“заманини” показал себя необыкновенно интеллектуальным животным. К тому же он был не прочь приударить



за самочками и вскорости появилось потомство — дельфинёнок Мики... Между прочим, все животные-“заманини”, получившиеся отпочковыванием от членов экспедиции к кольцам Сатурна, были вполне полноценны в смысле возможностей к продолжению рода. Вообще вирус Герхарда, можно сказать, “свалился на голову” человечеству совершенно неожиданно-негаданно... Конечно, природой преподнесённый подарок человеку в возможности “отпочковывать” от себя нечто животное и характерное — не всем пришёлся по вкусу. “Заманини” были объявлены церковью исчадиями ада идолопоклонников, что привело к травле некоторых животных-“заманини” некоторыми фанатично настроенными сторонниками церкви.

Что бы там ни происходило, но животные, растения, “отпочкованные” от представителей службы безопасности станции, и углеродистые подобия органов человека, полученные под действием прогрессирующего вируса Герхарда — всё это вполне мистично... Кстати, довольно долго ожидалось появление человека-“заманини”, то есть “отпочкованного” от представителя командования станции ребёнка, именно по аналогии с обычаями африканского племени западного побережья чёрного континента, причём ожидания эти были научно не обоснованы, глухи и невняты — уж больно загадочна сама ситуация размножения человека бесполовым путём — почкованием-делением.

Как утверждают все невоенные участники экспедиции, было довольно забавно наблюдать период “вегетации” вируса Герхарда у представителей службы безопасности станции. Их лица и вообще головы на исходе срока окончания “болезни” сплошь покрывались цветами и небольшими веточками с листочками... Один из “воjak”, довольно высокого ранга, не выдержав такого “издевательства” со стороны колец Сатурна, выдернул один из распутившихся бутонов у себя из уха. Результат не заставил себя ждать — у этого человека сразу же возникли невероятные по силе боли в голове и завершилось всё менингитом — воспалением мозга. Правда, этот военный остался жив, но сразу же по выздоровлении подал рапорт об отставке и был отправлен на какую-то заштатную должность на Землю.

Одними из самых интересных объектов, “отпочкованных” от человека на станции, были углеродистые, “усохшие” органы тел бездетных. Вымоченные в физрастворе, они становились вполне полноценными и способными к функционированию, что в конце концов и использовали — собрали из этих органов-запчастей человека... Правда, полученный экземпляр гомо сапиенса был в физиологическом возрасте и совершенно неполноценным в социальном плане. Все попытки научить “заманини”-Герхарда, а это из его “отпочкованных” органов собрали индивидуума, хоть каким-то навыкам речи, не говоря уже о письме и чтении, ни к чему не привели. Единственным достижением, весьма сомнительным, было то, что Герхард-“заманини”, подражая членам экспедиции, научился курить сигареты. Более того, “отпочкованного” и собранного из этих запчастей “заманини” бессовестным образом приучили к употреблению алкоголя и научили требовать его в буфете станции пощёлкиванием, как при шалабане, пальцами по горлу, что вызывало хохот у буфетчицы и здоровую юмористическую реакцию у публики.

Вообще эффект, вызываемый прогрессирующим вирусом Герхарда, конечно, вполне сенсационен и породил даже такое толкование легенды об Адаме и Еве, что просто руками разводиться остаётся... Некоторые сочувствующие библейским страстям члены экипажа выдвигали версии о неком

космическом, межзвёздном путешественнике, который, посетив... сколько там лет назад? Солнечную систему, заразился прогрессирующим вирусом Герхарда на кольцах Сатурна и оставил на Земле Адама-“заманини”, “отпочкованного” от себя по образу своему и подобию, ну а растения и деревья Эдемского сада — это, конечно, “заманини” его охраны — военных... Спрашивается тогда — чьё же “заманини” — Древо Познания Добра и Зла, древо Истины? Впрочем, животные Эдемского сада не иначе как “отпочкованные” “заманини” членов экипажа того, кто стал образцом для подражания Адама...

С другой стороны, можно вполне с реалистических позиций предположить, что вся жизнь на Земле действительно возникла как следствие “болезни” прогрессирующим вирусом Герхарда, но только гораздо более развитого существа, чем человек и, например, сосланного в окраинную Солнечную систему откуда-нибудь из более близких к центру нашей Галактики мест... То есть некое высшее, чем человек, существо провинилось чем-либо перед властью предержавшими и было сослано в места не столь отдалённые, которыми, в силу своих географических данных, и являются планеты Солнечной системы, ведь они находятся на самом краю нашей Галактики. И вот, находясь в ссылке на мрачных и загадочных кольцах Сатурна, этот самый “каторжанин” и был заражён “надзирателями” вирусом Герхарда, который явно искусственного происхождения... “Отпочкованный” человек и является вечным назиданием “каторжанину” своим несовершенством, своим ещё большим грехопадением — “зеркалом” и упрёком осуждённому... Так что вся жизнь на Земле — пример центру Галактики, как жить нельзя — и развивается благодаря лишь внутренней причинности прогрессирующего вируса Герхарда: “отпочковывать” от любого живого существа либо аналогичное по строению, либо непременно более низкое в своём развитии. Так, “заражённые” прогрессирующим вирусом Герхарда деревья “порождали” какие-то примитивные водоросли, мхи, лишайники, но вместе с тем и кустарники и аналогичные себе деревья, что наводило на мысль об иерархическом разделении и в мире простейших, по аналогии с млекопитающими представителями жизни Земли...

Всё бы ничего, однако и для нашей семьи, вернее, для меня и мамы настали времена испытаний... Ещё когда прогрессирующий вирус Герхарда был только-только открыт, как объект изменяющий саму природу полового размножения, возможность размножения человека “почкованием” уже тогда, когда и Мики-то не существовало, дельфина во всём порядочного и без претензий, уже тогда мою мать насторожили первые факты “болезней” на станции под кольцами планеты мёртвых. По её мнению, всё так просто не будет от вмешательства в дела Сатурна... И сам вирус Герхарда принимать как кару небесной силы. И ещё неизвестно, чем грозит “отпочковывание” углеродистых соединений у Герхарда... “Появление на свет” от моего отца дельфина явилось для моей матери, конечно, ударом. И я даже слышал один раз как мать, вполне всерьёз, обвиняла моего отца в... измене.

— С кем? Прости, господи! С вирусом? — стонал отец во время этой странной перепалки. — Тогда и тёмные пятна на лёгких, от воспаления... пневмонии... что? Тоже считать изменой?

Но мать была непоколебима... По-моему, эта её религия и ограничивала её умственную деятельность. Во всяком случае, смехом и не пахло. Мать вполне реальным образом ревновала к дельфину... Ударом, почти смертельным для семейных отношений между моей матерью и отцом,



явилось “рождение” Клауса... Нет-нет, это не мой родной брат, а, если разобраться, сводный... Моего отца, уж не знаю, может, в качестве эксперимента, выдвинули в руководители станции. Может, потому, что у прежнего командира живых детей не было — погибли в авиакатастрофе вместе с матерью, так что в социальном смысле мой отец — отличный экземпляр человека-кактуса.

Вирус Герхарда не заставил себя долго ждать: у меня появился брат — “отпочкованный” от отца Клаус — карапуз лет двух-двух с половиной, пухленький, здоровенький и живёхонький, гугукающий на своём сатурианском нечто жизнерадостное и не агрессивное. Моя мать была в шоке... Отец, ещё со времён дельфина Мики находящийся в прострации, теперь и вовсе сдал — мать обещала ему в подарок дочурку, но только полученную естественным путём, а от кого — секрет.

Секрет оставался таковым непродолжительное время. Отцом дочурки оказался... мой отец, но вот в чём загвоздка, так это в том, что на время у меня появилось два (!) отца.

— Теперь-то я его навсегда отучу шляться со всякими там вирусами, да ещё ни где-нибудь, а на Сатурне, — неоднократно слышал я от матери, которая сквозь зубы грозилась куда-то в небо своим крохотным кулачком. — Он у меня посмотрит, как без меня детей рожать!

Надо признаться, я и сам как-то сразу не разобрался, в чём тут дело, от меня тоже всё хранилось в тайне, но вот кому уж действительно досталось, так это моему отцу.

— Это что за фокусы?! — я поначалу даже поставил “пятёрку с плюсом” своему отцу, который и произнёс эту фразу при виде своего двойника, однако, как выяснилось впоследствии, фраза была произнесена только потому, что отец увидел свой халат на незнакомце и это привело его (моего отца) в неумеренное изумление.

Дело-то в том, что халат — подарок моей матери к одной из годовщин свадьбы моих же родителей, кажется, к десятилетию, и отец считал халат талисманом-хранителем семейного очага, но чтобы какой-то посторонний надел его — это уже чересчур.

— А чем ты, собственно, недоволен? Мой муж отдыхает у себя дома и рассказывает мне презабавный анекдот, который приключился у них на станции... и что там дальше-то происходило? — пожалала мама плечами и предложила точно такому же по внешности, что и мой отец, мужчине продолжать свою историю, сев при этом ему на колени.

— Вообще-то, сперва не мешало бы объясниться... — предложил тот, второй мой отец, сидевший на диване в халате. — А то женщине как-то неловко будет с двумя одинаковыми мужьями, хорошо ещё, что... пока... с двумя! — сказал мой “диванный” отец и... цыкнул языком — явно привычка моего родителя.

— Да ты присаживайся, — обратился мой отец... к моему же отцу. — Конечно, неприятно созерцать самого себя на месте самого же себя... вот такая тавтология... Хорошо, садись с краю дивана и давай поговорим.

Для меня появление ещё одного отца, конечно, не столь трагично, как для того, с которым мы вошли в гостиную. Я ещё находился в том возрасте, когда абсурд вполне может оказаться реальностью нового порядка.

— Скажи, ты ни разу не задумывался... с какой-токой стати у тебя появились и дельфин, и Клаус? Может, дело-то и не в прогрессирующем

вирусе Герхарда вовсе? — спросил облачённый в халат отец у необлачённого, — может, все “заманини”, которые появляются на станции, вовсе и не результат “болезни”, а некая подсказка высшей силы, что нарушено некое табу, некий запрет на вторжение в субстанции той тонкой материи, что зовётся энерго-информационным полем на жаргоне тех, кто всё-таки признаёт нечто иррациональное в таком привычном, повседневном бытие.

Необлачённый в талисман-халат отец только рассеянно пожал плечами и поднял отяжелевший взгляд на мою мать.

— Понимаешь, все эти “заманини” с колец Сатурна — подтверждение того факта, что ты фактически, по всем законам космической религии, мёртв... Нет-нет, ты, конечно, существуешь, но вместе с тем приобрёл способность размножаться как растение, как какой-нибудь кактус в пустыне, деградировал на более низкий уровень.

— Да, но я и нормальным, естественным, путём могу размножиться, — возразил необлачённый в халат мой отец и смелее посмотрел на мою мать.

— Это атавизм, — возразил “облачённый”. — Только атавизм наоборот.. не от менее развитых предков доставшийся орган, а от более развитого организма...

Разговор принял презабавный для меня оборот — ещё ни разу при мне родители не разговаривали на проблемы полов; просвещать — просвещали, но тут явно пахло поджаренным...

— Сам понимаешь, от мужчины у тебя появились, вернее, остались какие-то гланды, которые и удалить — вреда не будет, — продолжал отец в халате. — Всё так, но речь не об этом, а о том, как ты вообще появился... откуда взялся...

— Нет, это ты появился, а я всегда был и жил со своей женой и сыном. И ты, следовательно, не более чем самозванец, — показал пальцем на “облачённого” мой необлачённый в халат отец.

— Хорошо-хорошо... Сейчас мы выясним, кто из нас самозванец, а кто натуральный мужчина... Понимаешь... не все результаты той ещё, первой экспедиции к кольцам Сатурна, которую организовала церковь, известны широкой общественности, к которой я должен отнести и тебя, хотя к кольцам Сатурна ты и имеешь непосредственное отношение... Понимаешь, церковью было угадено совершенно уникальное, совершенно невообразимое открытие — явление копирования, абсолютно точное и воспроизводящее аналог с точностью до атомов... Сам понимаешь, скопировать купюру сложно, она имеет хитроумные системы защиты, но это делают удачливые фальшивомонетки... Скопировать амёбу, конечно, сложнее, но это продельывает даже земная техника... Но вот информационно-накопительный модуль первой экспедиции к кольцам Сатурна захватил и доставил на Землю некую систему минералов, которые и способны спроецировать человека, все его органы: сердце, печень, почки, лёгкие и мозг. А спроецированные с точностью до атомов изображения восстанавливаются в человека из простой воды, аминокислот и микроэлементов... Да-да, как ни парадоксально это звучит, но ты и я, жертвы этой дьявольской системы копирования...

— Если это правда и скопировано с точностью до атомов, то, следовательно, я должен помнить и сам акт копирования, ведь молекулярная структура моей памяти хотя и хрупка, но стабильна... Неувязочка получается, — попытался парировать мой “необлачённый” отец “облачённого”.

— Верно, по логике вещей так и должно быть... Всю память можно скопировать, а часть — невозможно, уж больно она сложна и неотделима



от мозга в целом... Но, понимаешь, фокус в том, что меня скопировали без моего ведома, во сне, а затем тебя (мою копию!) подложили в постель (мою!) — и вся разница наших памятей и начинается с этого момента, с той злощастной ночи, просто меня как оригинал похитили.

— ? — посмотрел на “облачённого” в халат “необлачённый”.

— Да-да... Но на время... На время экспедиции на кольца Сатурна, в которой я и участвовал своей копией... Сейчас уже мне можно рассекретиться и продолжать жить легальной жизнью со своей женой и своим сыном, — одобрительно взглянул на меня “облачённый” отец. — А ты можешь продолжать свои исследования в астробиологии и размножаться делением.

— Да, но в чём смысл, какую-то такую цель преследовали церковники... этим... самым... копированием? Вот чёрт, совершенно невозможно поверить в это снятие копии с человека! — воскликнула “необлачённая” копия.

— Цель? Трудно сказать... Я никогда толком не понимал целей и средств церкви и её концепций, но, как известно, пути Господни неисповедимы, через деяния человечества и здесь выступили неисповедимостью церкви и её концепций... Благая цель может быть в том, что оригиналы сохраняются в безопасных условиях существования, а копии, сами того не ведая, рискуют жизнью и тем самым двигают прогресс. В частности, в моём случае я ничего не потерял и продолжаю интересоваться исследованиями Сатурна, но только через свою копию и своей копией, то есть через тебя и тобою. Но это не единственное преимущество, которое даёт наличие копии... Вот, к примеру, отвлечёмся от чисто меркантильного отношения к копированному объекту и подумаем о душе... Возьмём такое богопротивное явление как суицид. Нет другого, осуждаемого всеми конфессиями мира деяния, как самоубийство. Но вот представь себе ситуацию, когда человек неудачно совершает попытку свести счёты со своей жизнью. Вполне логично было бы пойти ему навстречу и дать ему такое право лишения жизни реализовать на самом себе, не отнимая у него жизнь, одновременно с реализацией этого права, то есть оригиналу самоубийцы предоставить возможность убить свою копию... Очнулся, например, наглотавшийся сонных таблеток объект на койке в клинике, глядь на соседнюю кровать, а там он сам лежит и дышит, и созерцает самого себя, оригинала, и как тут не воспользоваться предоставленной возможностью убить самого себя. Вот и задумается субъект: и что такое убийство, и что такое самоубийство. Ведь убить свою копию — это убийство и самоубийство, причём можно воочию созерцать агонию самого себя... Не правда ли, возникает оригинально-пикантная ситуация... А если, к примеру, с ведома врачей сообщить этим двоим, что произошла путаница и теперь точно не известно, кто из них первичен, а кто вторичен, кто — копия, а кто — оригинал. Пусть эти объекты поломают себе головы в буквальном и переносном смысле. Или сделать подсадку. Наука движется вперёд, и в недалёком будущем возможно появление того, что в память совершенно постороннего человека вполне можно внедрить всю память человека, решившегося на самоубийство, и вот, пожалуйста, очнувшегося с наклонностями суицида объекта встречает точно с такой же памятью субъект, только с другой внешностью, и начинает задушевную беседу с воспоминанием интимнейших подробностей жизни объекта и утверждением, что должен его (объекта) исполнить желание, то есть — убить. Быть убитым посторонним дядей или самому лишить себя жизни — это разные вещи... К тому же можно комбинировать и дядю, и копию, и путаницу с



копиями и оригиналами, тем более что можно наштамповать несколько копий и каждой сообщить, что она — оригинал.

Я думаю, проблема самоубийства, суицида как такового, в будущем отойдёт. Каждый волен убить самоё себя, каждый волен распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению. И поэтому нечего резать себе вены, вешаться, стреляться, топиться, а в будущем достаточно вступить в некое сообщество — клуб самоубийц и... сделав себе копию, поохотиться на неё, побеседовав при этом по душам, прежде чем прикончить её. Хотя, конечно, возможны и злоупотребления... Какой-нибудь и не помышляющий убивать себя клиент делает себе копию и организует себе сафари на самого же себя со всей своей предыдущей памятью до сафари... Опять же и пикантно, и душещипательно до слёз... Прогресс науки ставит перед человечеством совершенно новые в своей непостижимости нравственные задачи... Ведь проблема “заманини” до этого не стояла перед людьми... Как относиться к “отпочкованному” человеку, к твоему Клаусу в частности? Как к полноценному члену общества или как к уроду, полноценному во всех отношениях, ведь малыш здоров. Как к некой игре таинственных, непознаваемых сил природы или как к банальному индивидууму гомо сапиенса. Ведь выросший Клаус, встретив на своём жизненном пути трудности, обязательно спросит у тебя, а имел ли ты право перед лицом будущего человека “забеременеть” вирусом Герхарда и “рожать” его в мир, который считает его неполноценным, а мир людей ведь будет так впоследствии к нему, выросшему Клаусу, относиться... Что ты сможешь ответить? А ещё спрашиваешь, имели ли моральную цель те, которые создали тебя, скопировав с меня... Да-да, не сразу, не сразу решились на копирование человека... Сначала мыши и крысы, кролики и удавы, собаки и кошки, львы и тараканы были копированы. И небезуспешно. Но ни одно животное не имеет и подобия языка, и поэтому не было известно — все ли функции мозга передаются от оригинала копии, хотя “за” был тот факт, что копии демонстрировали те же приобретённые рефлексы, что и оригиналы. Выбор на проведение эксперимента пал на всю пилотируемую группу к кольцам Сатурна, где, с точки зрения экспериментаторов, таилась вполне смертельная опасность. И сохранить человека — чем не цель, тем более проверить на том же человеке способности и отличия копии от оригинала. Таким образом, исходя из этих соображений, ты и появился... И показал своим образом действий, что ничем от меня, своего оригинала, не отличаешься... Пострадавшей стороной можно считать нашу с тобой жену. Но она нас извинит — во имя прогресса и процветания науки... Ведь можно же представить себе, что прогресс в сфере копирования личности достигнет того, что это самое копирование личности будет продолжаться в течение всей жизни копируемого индивидуума, вплоть до его смерти. Вполне возможно появление в недалёком будущем таких приборов, когда с человека будут сниматься, посредством некоего шлема все его переживания всех сопутствующих жизни событий и заноситься в память индивидуального компьютера, конфиденциальность заносимой памяти будет, конечно, гарантирована. Так вот, прожив всю жизнь со шлемом на голове, человек будет скопирован в память компьютера и после смерти обретёт второе электронное рождение, жизнь после которого, возможно, станет для скопированного и более интересной, и более заманчивой... И прогрессирующий вирус Герхарда найдёт своё применение, например, в будущем вполне реально можно начать производство запасных частей человека от индивидуумов, которые пока что не имеют детей, и впоследствии из



этих запасных частей собирать гомо сапиенса с девственно чистой памятью, на которую будет накладываться память умершего и который приобретёт вторую молодость со всей предыдущей до первой смерти памятью, вторую жизнь, уже и не электронную, а вполне вещественную... Чем не реализация-подтверждение библейских сказок и чем не вопрос о том, не было ли последующее воскрешение Христа вполне материальным после казни, если предположить, что некие силы заразили Иисуса вирусом Герхарда и из “отпочкованных” органов собрали послесмертную копию казнённого сына Бога, ведь, насколько мне известно, и Герхард-“заманини”, и Герхард-оригинал идентичны как близнецы, только различаются багажом опыта. Так что версия о передразнивании вирусом Герхарда некоего ссыльного на край нашей галактики разумного существа вполне может оказаться реальной, ведь, если ссыльный из центральных частей галактики был заражён вирусом Герхарда, то животные и растения, насекомые и птицы могут считаться его “заманини”, если, конечно, предположить, что это ссыльное существо некоторым образом сложнее и долговечнее любого из видов жизни на Земле. И вот, насмотревшись на то, что вытворяется на планете видом под гордым названием “человек разумный”, и был послан чудотворящий сын-мессия, как спасение от кошмаров, видимых отцом-“заманини”... Так что человеческая эволюция — это не что иное, как фильм-ужастик какому-то расшалившемуся высшему разуму-каторжанину, для которого и наше двуполое: мужское-женское размножение, как способ воспроизводства себе подобных, является более низкой ступенью, регрессом способа производства потомства, подобно тому как для человека является “отпочкование” также некоей насмешкой над чувствами и способами людской любви. Каким же способом будет размножаться “божественная каторжность”, можно только догадываться... И вообще, не кажется ли тебе, что тот же самый эффект копирования человека способом “заманини” — это всё та же милая усмешка природы, ведь прогрессирующий вирус Герхарда для того, чтобы “отпочковать” от индивидуума некое живое существо, использует таинственную генетическую память человека, когда он был эмбрионом и развивался в утробе. Ведь эмбрион человека практически не отличим от эмбрионов других млекопитающих. Вот и ты, дорогой мой близнец-копия, отнюдь не так близок по своему развитию ко мне, как это может показаться с первого взгляда... Ведь мои переживания, как оригинала, хоть и настолько же яркие, как и твои, но моё знание о существовании у меня копии уникально тем, что довольно долгое время ты и не догадывался о своей вторичности... Просто мы с тобой, дорогая моя копия, почти что двуглавый дракон, причём ты, вторая моя голова, появилась сравнительно недавно и, вследствие своего положения в пространстве и времени, вовсе не замечала меня, что, впрочем, отнюдь и не нужно.

— Замечала, не замечала — какая может быть разница... Дело-то, я так думаю, не в этом, а в том, что теперь делать мне в столь изменившихся и семейных, и социальных, и профессиональных обстоятельствах... Ситуация для меня подобна полному краху всех моих жизненных ориентиров, — мой, не облачённый в халат отец главы семейства поджал губы и через некоторую паузу продолжил. — Может, мне будет милостиво предложено убежать от себя и начать новую жизнь? Убежать от себя и тем не менее остаться собою, и не потерять в себе ничего... В том числе жену и сына, — кивнул он на меня. — Впрочем, несмотря на то, что я есть копия самого же себя, то есть, несмотря на то, что для меня это копирование есть не что



иное, как фантазмагория под религиозным соусом неразберихи в морально-этическом плане моего... да и твоего, мой оригинал, отношения и к семье, и к профессиональным обязанностям... Ну так вот, несмотря на то, что у меня почти пятьдесят процентов прав на продолжение моей прежней жизни... в почти прежнем объёме... Да, так вот, я всё-таки предпочитаю удалиться... Ведь, насколько я понимаю, и ты, и я вне закона, хотя моё положение и кажется более вне закона, чем твоё... и именно поэтому я, а не ты должен покинуть... — тут мой, вернее, один из моих отцов замаялся и защёлкал пальцами, но, найдясь, продолжил, — этот мир, то есть то общество, которому я служил, в котором вырос и воспитан... и к которому привык... Да-да, именно я покину и семью, и работу, и удалюсь в какое-нибудь захолустье... и найду отдохновение и утешение, — мой “необлачённый” отец, как это и должно быть с абсолютной копией оригинала, в патетике расставания даже немного зарифмовал, и я поразился тому, что у него задёргалось и стало полуприкрытым левое веко — явление, которое я неоднократно замечал за своим отцом, когда он бывал взволнован.

Всё.

После этого небольшого, но насыщенного эмоциями, разговора копия моего отца и отчалила в неизвестном направлении, предварительно, с душещипательным выражением на лице, поцеловав меня в макушку головы... Да, вот ещё, оригинал моего отца, то есть облачённая в халат половина “двуглавого дракона” вручила копии небольшой пузырёк с какой-то тёмной жидкостью и пояснила, что если уж неведомогу станет от “раздвоения личности”, то это будет отличным лекарством для души.

Всё бы и ничего — человек ко всему привыкает... Привыкнет и к тому, что и сам ты не есть оригинал, и к тому, что у человека может быть более одного генетически обусловленного отца или даже матери, но вот... незадача: тот самый, оставшийся у меня отец, облачённый в семейный халат, и оказался самым настоящим самозванцем! Самозванцем по воле моей матери. Это всё она и устроила с комедией о копировании... То есть оригинал моего отца как был оригиналом, так им и остаётся, и все эти предыдущие рассуждения о возможностях копирования не более чем блеф, игра ума моей матери. Это всё она понапридумывала и подговорила одного из похожих на моего отца артистов выдать себя за оригинал, что и было сделано после предварительных репетиций и гримирований под жертву, которая ни о чём подобном и подумать не могла.

Вообще-то следует отдать должное моей матери — она придумала неплохой морально-нравственный ход против своего мужа, моего отца. Выдать историю о возможности скопирования с оригинала подобного ему во всём человека, со всей его органической памятью — это, конечно, верх творчества моей религиозно настроенной матушки... Да ещё и в качестве доказательства привести загримированного под жертву обмана артиста, который даже меня смог убедить в своей настоящности!

Но в чём же цель?

А цель проста... Моя мать вознамерилась отучить моего отца от его пождений в космосе: со всякими там сомнительными знакомствами с подозрительно ведущими себя и претендующими на роль половых партнёров — вирусами. Тем более, как начало выясняться в последнее время, и небрезгующий своими связями не только с органическим миром: животными, микробами, растениями и насекомыми, но и с неорганикой, Так, к



примеру, заражённый вирусом Герхарда бриллиант начинал через время отпочковывать ничего не стоящий графит и атомарный углерод. Золотые изделия отпочковывали золотой песок и самородное золото, то есть всё то, что по логике эволюции стояло на более низкой ступени развития. Однако самым подозрительным в поведении прогрессирующего вируса Герхарда оказались его связи с электронно-вычислительной техникой. Так, например, бортовая ЭВМ экспедиции на кольца Сатурна отпочковала от себя, после того как переболела вирусом Герхарда, не многое и не малое, а небольшой такой и аккуратненький арифмометр. Незначительные по своему эволюционному развитию калькуляторы, согласно логике вещей, и отпочковывали всякие там простейшие по своим счётным возможностям счёты и разноцветные счётные палочки и бусинки. Измена животному миру была налицо, что, впрочем, особого гнева и не вызывало...

Всё в мире имеет продолжение. Вот и история с “копированием” моего отца тоже. Мой отец, получив “отлуп” от своей жены, уединился и начал депрессировать со свойственной его характеру безысходностью. В конце концов я со своей матерью и без отца, который на этот раз находился на Земле, прожил не так уж и много времени. Артисту, сыгравшему роль оригинала, был выплачен гонорар, и он, с усмешкой в углах рта, удалился в свой театр для продолжения выбранного пути одурачивания зрителей... Некоторое время я от матери ничего не слышал о своём отце, но вот в один из прекрасных дней моя мать, пребывая в несколько взвинченном состоянии, сообщила мне, что наш отец в данное время находится в одной из клиник в реанимации. И как оказалось, попал он в неё по своей воле. Просто он, очевидно после некоторого времени раздумий, выпил содержимое того пузырька, который вручил ему его же “оригинал” и которое, по мнению моего же отца, должно было бы быть ядом. Не всё так просто, даже я сомневался в том, что в переданном “оригиналом” пузырьке мог содержаться яд — моя мать вряд ли бы допустила самоубийство моего отца. На самом деле в пузырьке содержалось противоядие. Противоядие от вируса Герхарда, убивающее все его штаммы и разработанное сравнительно недавно.

Причина же того, что мой отец оказался в реанимации, в некотором роде уникальна. Дело в том, что противоядие от вируса Герхарда дало побочный эффект и у моего отца выросли... рога... Ветвистые такие, покрытые пушком и довольно значительных размеров, непохожие ни на одни из рогов какого-либо животного... Этот рудимент вызвал у моей матери радостный смех, а у отца какой-то депрессивный синдром отчаяния, попытки спилить рога сопровождалась чудовищной болью, вот отец, обломав себе рога с сильнейшей болью, и попал в клинику. Но когда удалили и остатки (под наркозом), то начали расти новые, ещё более ветвистые и шикарные.

Но тем не менее моя мать призналась отцу, что всё подстроила с “оригиналом”, что мой отец — единственный экземпляр, хотя и с рогами. После пережитого отец не очень-то и стремился обратно в экспедицию к кольцам Сатурна, да его бы, наверное, и не взяли с рогами-то. Впрочем, отец нашёл в своей семье, в том числе и в Клаусе, весьма интересное времяпрепровождение. К тому же моя мать обещалась достать ведьмарское средство от рогов.

Так мы и зажили вчетвером — в том числе и с Клаусом.

**г. Степногорск
Акмолинской области.**

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.
Телефон/факс: (7172) 39-38-06.
Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.
Сайт: www.niva-kz.narod.ru
E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Н. В. Шаяхметова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 08.08.2008 г.

Подписано к печати 09.09.2008 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 4245.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.